

ИЗДАТЕЛЬ
ООО
“РАУ-Университет”

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

ШТОЛЬ В.В.
(главный редактор)
Новиков Ю.Д.
(заместитель главного
редактора)

Еременко И.Н.
(исполнительный директор
редакции)

Ананян М.А.
Берков А.А.
Большов А.П.
Воротников В.П.
Извеков Н.Н.
Комаров И.К.
Котилевский М.Д.
Лебедев Ю.В.
Луньков А.Г.
Макаров В.В.
Мичунович В.
Орлов А.А.
Петров А.В.
Подберезкин И.И.
Проскурин П.Л.
Репкин Ю.М.
Фильшин М.В.
Юхма М.Н.
Янин И.Т.

Издается с 1992 г.

Обозреватель - Observer

Общие проблемы внешней политики

- ВВЕДЕНИЕ
- ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО СОПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ "КРУГЛОГО СТОЛА"
- О НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ РОССИИ:
 - ВНЕШНИЙ АСПЕКТ Ю.Федоров
 - ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ Б.Занегин
 - РОССИИ НУЖНА ИСТОРИЧЕСКИ ПРЕЕМСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА Н.Нарочицкая
 - РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ Ю.Соколов
 - ЗА ГРАНЬЮ "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ" Т.Виноградская
 - СУДЬБА РОССИИ С.Черняховский
 - ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ А.Филиппов
 - МОЛОДЕЖЬ И ПРОБЛЕМЫ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (по результатам социологического исследования) С.Васильцов
 - ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ РОССИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ М.Мунтян
 - ЕДИНСТВО РУССКОЙ НАЦИИ И БЕЗОПАСНОСТЬ Э.Володин

Региональные аспекты внешней политики

- УРЕГУЛИРОВАНИЕ С ГЕРМАНИЕЙ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ИЛИ УРАВНЕНИЕ СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ? А.Ахтамзян
- РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ УЗЕЛ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ А.Яковлев
- НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ В ЕВРОПЕ Н.Бухарин, Д.Марков
- РОССИЯ - ТАДЖИКИСТАН: ОПАСНОСТЬ С ЮГА (вокруг событий на таджикско-афганской границе) С.Кунделев

Военно-политические вопросы

- О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ М.Гареев
- КОНТУРЫ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ В.Зимонин
- СНВ-2 КАК ПРЕДТЕЧА "НОВОГО МИРОВОГО (БЕС)ПОРЯДКА" П.Белов
- О ВНЕШНЕЙ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И.Терехов
- РОССИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ СИЛЬНОЙ В.Стародубов
- ПРИЛОЖЕНИЕ: ИЗ "КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" МИД РФ

ВВЕДЕНИЕ

С распадом СССР старый миропорядок рухнул, а черты нового окончательно не определились. И в который раз за XX столетие от России, от мужества ее народов, от зрелости ее правителей во многом зависит ее будущее. По какому пути пойдет Россия, какую стратегию внешнеполитических отношений выберет и сумеет ли реализовать ее, каковы возможности этого выбора? Спецвыпуск посвящен этим проблемам.

В основу выпуска положено обсуждение стратегических проблем внешней политики России, состоявшееся за "круглым столом" в Парламентском центре 15 июня 1993 года. Инициатором проведения "круглого стола" явилось информационно-аналитическое агентство "Обозреватель" РАУ-Корпорации, его поддержали "Союз возрождения России" и депутатская фракция "Отчизна". В обсуждении темы приняли участие представители МИД и МО РФ, ученые из МГИМО, Российской Академии управления, Института США и Канады, Института Дальнего Востока, Института международных экономических и политических исследований, Университета дружбы народов, Международного независимого эколого-политологического университета, а также представители ряда партий и движений, газет и журналов.

Материалы выпуска содержат разные точки зрения, порой и диаметрально противоположные. Настоящий выпуск - это приглашение к дальнейшему обсуждению столь острой, неоднозначной, но чрезвычайно актуальной для будущего России, да, пожалуй, и всего мира проблемы.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО СОПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ "КРУГЛОГО СТОЛА"

В.МУСАТОВ

Инициатива проведения "круглого стола" по глобальным проблемам внешней политики России принадлежит РАУ-Корпорации и действующему под ее эгидой информационно-издательскому агентству "Обозреватель". Активную поддержку в организации "круглого стола" оказали "Союз возрождения России" и депутатская фракция "Отчизна". Предлагаем собравшимся обсудить широкий круг вопросов, связанных с выработкой внешнеполитической стратегии России, адекватной ее политическому, экономическому и военному весу в мире, новому глобальному соотношению сил, реальным возможностям совершенствования мировой системы.

Эта тематика вызывает много дискуссий среди политиков, специалистов, в прессе, у широкой общественности, особенно после опубликованной в январе 1993 г. концепции внешней политики России, которая подготовлена МИД РФ. Ее можно и нужно критиковать, однако следует, и проявить понимание, признав как позитивный сам факт появления такого документа в столь трудных условиях. Известно, что есть и соответствующий документ Совета безопасности, как представляется, более сбалансированный и уравновешенный. Внешнеполитическая проблематика дебатруется и в Верховном Совете.

Что бы ни происходило в обществе, внешняя политика вторгалась и будет вторгаться в нашу жизнь. Она является важнейшей функцией государства, опирается на его экономическую, технологическую и политическую мощь, на нравственную силу общества. И, разумеется, общество озабочено тем, как выглядит Россия в современном мире.

Российское внешнеполитическое ведомство говорит о приоритете миротворческой функции, и с этим трудно спорить. В то же время для реализации этой функции нужен фундамент, соответствующие возможности. Ссылки на приверженность демократическим принципам и согласия с Западом вряд ли достаточно для выработки и осуществления внешней политики. Особенно это касается самого животрепещущего направления - отношений с ближним зарубежьем. Полной поддержки заслуживает и утверждение примата национальных интересов во внешней политике. Однако не видно конца спорам о том, в чем же выражаются сегодня эти национальные интересы для России. Встает вопрос: насколько целесообразно отрицать опыт и традиции Российской империи и Советского Союза, занимавших ведущее место и имевших вес в мире. Тем более, что низшая точка кризиса, думается, еще не пройдена. Уместно вспомнить здесь формулу светлейшего князя Горчакова: Россия не сердится, Россия собирается с силами, сосредотачивается.

Среди выносимых на обсуждение тем особое внимание предлагается обратить на следующие: основные тенденции и перспективы сдвигов в глобальной системе международных отношений и национальные интересы России; положение и роль России в обновляющемся мире; кто может быть союзником и партнером России; военные аспекты внешнеполитической стратегии. Квалифицированный состав участников - парламентариев, ученых-международников, военных специалистов, журналистов - позволяет провести корректный свободный обмен мнениями, руководствуясь интересами дела, а не узкопартийными или иными амбициями.

Б.ТАРАСОВ,

член Верховного Совета РФ,
фракция "Отчизна"

Вопросы обороны, военной стратегии, военного дела в целом являются приоритетными для фракции "Отчизна", объединяющей, за малыми исключениями, всех депутатов-военнослужащих (в составе фракции из 54 депутатов - 12 военнослужащих). В Верховном Совете предстоят обсуждения концепции внешней политики и военной доктрины России. Эти проблемы серьезно занимают общественное мнение, и можно предвидеть, что выработка адекватных решений будет достаточно длительным процессом, в котором столкнутся различные точки зрения. Вряд ли возможно

найти здесь готовые решения.

В силу этого вызывают недопонимание заявления Министра обороны о том, что военная доктрина России, якобы, уже готова. Признавая компетентность и квалифицированность специалистов военного ведомства, представляется все же, что на столь динамичном и переломном этапе развития страны и мира требуется более углубленный и радикальный подход к решению проблемы.

В несколько упрощенном виде в многоголосице мнений выделяются две основные тенденции. Первая, особенно заметная в военной среде, окрашена в основном опытом вооруженных сил страны, прежде всего, опытом Великой Отечественной войны. Сказывается длительная "завроженность" успехами сначала немецких, а затем советских танковых войск, глубокими прорывами как новым словом в военном искусстве (и это было верно для своего времени). Под этим углом зрения составлялись основополагающие документы всех уровней, что надолго определило мышление военных кадров.

Очевидно, что такой подход не должен абсолютизироваться и, тем более, быть определяющим для нашей страны на рубеже XXI века.

Полярно противоположная тенденция, имеющая широкое хождение, выражается в отрицании собственного опыта как такового (мол, и воевали плохо, да и не умели воевать вообще). Отсюда следует вывод: надо перенимать американский опыт. Кажется, мы уже пережили в последние годы кратковременный этап повального увлечения опытом западных армий, причем не только в области стратегической или тактической, но и в том, что касается некритического заимствования методик воспитания личного состава или реорганизации войск (введение бригад и т.п.). Под флагом идеологических устремлений отбрасывается и опыт строительства советских вооруженных сил, подтвержденный применительно к современным условиям афганским опытом.

Вряд ли можно отрицать, что единственно возможный выход в данных условиях, при неизбежной пестроте философских, социальных и экономических подходов состоит в объединении усилий всех секторов военной и гражданской общественности. Облегченные пути решения вопросов непродуктивны.

Настораживает еще одно обстоятельство. Вся нынешняя военная, да и внешняя политика исходит из существующего на сегодняшний день соотношения сил. Говорят, что сейчас нам никто не угрожает, поэтому достаточно иметь небольшую профессиональную армию с войсками преимущественно быстрого реагирования. Применительно к данному моменту с этим трудно спорить. Вместе с тем, достаточно поглубже взглянуть на динамику происходящих в мире процессов, чтобы понять, что такой подход страдает одномерностью, необъемен. Вспомним предсмертное предостережение де Голля: конец XX века пройдет под знаком борьбы наций и народов за чистую воду, воздух, пространство, и эти войны будут не классовыми, а приобретут расовый характер.

Беглый взгляд на карту показывает быстрое наращивание новых центров экономической и духовной силы. В преддверии грядущих испытаний и трудно предсказуемых сдвигов нам нельзя закрывать глаза на ближайшее будущее. Обладая теперь уже, кажется, одной седьмой частью суши евразийского пространства и будучи "обреченной" на роль великой державы, Россия должна готовиться к любым конфигурациям международной обстановки.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

О НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ РОССИИ: ВНЕШНИЙ АСПЕКТ

Ю. ФЕДОРОВ,

кандидат исторических наук

Т. АНИКИНА,

кандидат экономических наук

I

Соотношение "национальных" и "государственных" интересов, интересов "режима", "общества" и различных социальных групп во всех странах весьма сложно. Особенно запутанным оно является для полиэтнических государств, которые к тому же - как нынешняя Россия - переживают период острых социальных конфликтов, когда резко сокращаются сферы общественного консенсуса. Не занимаясь теоретическим анализом возникающих в этой связи проблем (хотя такого рода вопросы исключительно важны и интересны), можно, однако, использовать весьма условный термин "национально-государственные интересы". Под ним имеется в виду совокупность целевых установок, отражающих, выражающих и конкретизирующих важнейшие, фундаментальные потребности сохранения государства как самостоятельного субъекта международных отношений; выживания и сбалансированного развития общества, нейтрализации угрожающих этому военных, экономических, экологических, социально-политических и иных опасностей.

Будучи адекватно осознанным, такие интересы могут стать и, как правило, становятся объектом достаточно широкого общественного консенсуса. Их реализация создает благоприятные условия для деятельности всех социальных групп и политических сил, за исключением тех, чьи целевые установки имеют антигосударственный, антиобщественный характер. К последним относятся, например, компрадорская буржуазия, паразитирующая на распродаже ресурсов, криминальные объединения, спекулятивный капитал и т.д., а также связанные с ними политические круги. Чем слабее государство, тем больше возникает возможностей для их беспрепятственной деятельности.

В России, однако, такого рода консенсус пока не сложился. Причин тому несколько. Важнейшие социальные группы лишь начинают осознавать и формулировать свои интересы. Углубляющаяся регионализация препятствует формированию общегосударственных интересов. Острое политическое противоборство и борьба за власть отодвигают на второй и третий планы поиск компромиссов и достижение согласия даже по тем проблемам, где оно, казалось бы, возможно.

Национально-государственные и "общечеловеческие" интересы.

Вопрос о соотношении этих двух групп интересов стал в России в последние годы объектом жесткой дискуссии. Одна точка зрения сводится к тому, что в условиях растущей взаимозависимости "общечеловеческие" интересы объективно выходят на первый план, начинают доминировать над национальными и даже поглощают их. Другая - вообще отрицает существование общечеловеческих интересов, полагая, что за этой формулой скрывается попытка навязать мировому сообществу позицию отдельных государств или групп государств.

Обе эти позиции представляются излишне упрощенными. Реальная возможность гибели человечества в результате термоядерной катастрофы или глобального экологического бедствия действительно создает общечеловеческую заинтересованность в их предотвращении, накладывает определенные ограничения на действия государств, связанные, например, с применением ядерного оружия. Растущая взаимозависимость также сужает спектр возможных акций субъектов мировой политики. В этом смысле определенные общечеловеческие интересы безусловно существуют. Однако они не влекут за собой ни отказа от национальных интересов, ни прекращения противоборства на мировой арене, хотя и меняют его средства и формы. Так, гибельность термоядерного конфликта была хорошо осознана в СССР и США уже в ходе Карибского кризиса. Это, тем не менее, не привело ни к прекращению конфронтации между ними, ни к ликвидации противостояния двух систем, в результате одна из которых потерпела сокрушительное поражение.

Примеров такого рода можно приводить достаточно. Они свидетельствуют, что реально идущие процессы углубления взаимозависимости и нарастания технологической уязвимости человечества в целом отнюдь не принижают значимости национально-государственных интересов любой страны, в том числе и России.

II

Развал СССР привел к исчезновению глобальной сверхдержавы, имеющей разветвленную сеть интересов и целей. Российская Федерация занимает куда более скромное место на мировой арене и сфера ее интересов имеет определенные географические пределы. В связи с этим представляется обоснованной появившаяся в последнее время концепция "концентрических кругов" в российской внешней политике.

Практически сложился консенсус относительно того, что наиболее важной сферой жизненно важных интересов России является пространство бывшего Советского Союза. Вместе с тем, имеются принципиальные разногласия в определении целей и задач РФ в этом геополитическом ареале.

В нынешней политической элите России существуют силы, не просто считающие процесс распада империи неизбежным и позитивным, но и приложившие немало усилий к его ускорению и приданию ему необратимого характера. Именно в таком русле сторонники данного подхода пытаются формировать внешнеполитический курс российского руководства в отношении государств ближнего зарубежья.

Однако в политических и научных кругах оформляется и иная, на наш взгляд, значительно более адекватная реальности, концепция. Согласно ей, главной задачей России, отражающей ее фундаментальные, жизненно важные интересы, является восстановление единого государства, включающего в себя всю или большую часть бывшего Советского Союза. В основе такого подхода лежит идея исторической преемственности, отражающая факт многовекового "имперского" существования российской государственности. Именно в качестве империи, царской или советской, как единого полиэтнического государства с сильной центральной властью, Россия, с одной стороны, обрела свой статус мировой державы первой величины, а с другой, - была способна поддерживать достаточно устойчивый порядок и безопасность внутри страны. В свою очередь, дезинтеграционные процессы неизбежно оборачивались вспышками конфликтов и войн. Это же происходит и сегодня в периферийных районах бывшего СССР.

Но дело не только в этом. Реинтеграционная тенденция связана прежде всего с тем, что развал Советского Союза повлек за собой весьма тяжелые последствия для РФ и других новых независимых государств.

Нарастающий распад единой экономической системы стал одним из важнейших факторов дальнейшего усиления кризисных процессов в народном хозяйстве стран бывшего СССР. Оказались несостоятельными предположения о том, что рыночные силы автоматически сохраняют или быстро восстановят хозяйственные связи. При этом политические элиты новых независимых государств стремятся установить свой собственный контроль над соответствующими фрагментами в прошлом единой экономики, что еще более усугубляет дезинтеграционный процесс.

Разрушение единых вооруженных сил обернулось кардинальным снижением боеспособности формирующихся национальных армий, в том числе и российской. За пределами России оказались важнейшие компоненты систем ПРО и ПВО, контроля космического пространства, связи и управления войсками, полигоны, базы ВМФ и ВВС и другие элементы военной инфраструктуры. К резкому и долгосрочному снижению военного потенциала России (не говоря уже о других новых независимых государствах) привел развал единого ВПК. Так, РФ была вынуждена пойти на явно невыгодный для нее отказ от МБР с РГЧ ИН главным образом потому, что заводы по их производству находятся на Украине. В итоге, Россия сталкивается с необходимостью либо воссоздать на своей нынешней территории все утраченные элементы военной и военно-промышленной инфраструктуры, что явно невозможно по экономическим соображениям, либо смириться с потерей боеспособности, либо добиваться восстановления единого военно-стратегического пространства.

Ликвидация Советского Союза привела также к крайне болезненной для России потере значительной части портовых мощностей на Балтийском и Черном морях. Под контролем Прибалтийских государств, Украины и Беларуси оказались также практически все наземные коммуникации (железные и шоссейные дороги, нефте- и газопроводы), связывающие Россию с европейскими странами. В итоге возникает дилемма - либо смириться с этой, явно ущербной для РФ ситуацией, либо вложить колоссальные ресурсы в создание новых портовых мощностей, что, к тому же, не сможет полностью компенсировать потерю контроля над наземными коммуникациями.

Далее, весьма тяжелой для России стала проблема русскоязычного населения за пределами РФ, оказавшегося в дискриминируемом положении. Его массовая миграция неизбежно обернется большими социально-экономическими и

политическими трудностями. Уже сегодня вырисовывается реальная возможность возникновения исключительно сложной для российского руководства ситуации, когда оно будет вынуждено либо использовать военную силу для защиты русскоязычных групп, либо смириться с актами насилия и даже геноцида по отношению к этому населению. Второй вариант поведения скорее всего приведет к крупным внутриполитическим осложнениям.

Кроме того, как это бывало и в прошлом, в том числе в 1917 - 1922 гг., распад империи оказался сопряженным с волной конфликтов, охватившей (пока, по крайней мере) южную периферию бывшего СССР. Эти конфликты, как показывает практика, не поддаются разрешению политическими средствами, превратились в устойчивые очаги напряженности и, в большинстве случаев, вооруженного насилия. Возникла перспектива сращивания конфликтных зон в "дугу нестабильности", тянущуюся от Приднестровья через Крым в зону Северного Кавказа и Закавказья. Подобная нестабильность, охватывающая районы, имеющие для России повышенное значение, никоим образом не отвечает ее интересам. Кроме того, наметилось распространение этих конфликтных очагов на территорию собственно РФ. Обозначились также предпосылки для нарастания российско-украинского конфликта (проблемы Крыма, Севастополя, Черноморского флота и т.д.), российско-эстонского и даже российско-казахстанского (проблема северных областей). Втягивание России в такого рода конфликты противоречит ее коренным интересам, поскольку отвлекает ресурсы и силы, создает благоприятные условия для вмешательства внешних сил, осложняет ситуацию внутри страны. Но устранение причин, порождающих данные конфликты, по сути дела, возможно лишь при восстановлении в той или иной форме единого государства. В этом случае, территориально-этнические споры, лежащие в основе большинства из них, просто теряют смысл.

Наконец, дезинтеграционные процессы, охватившие территорию бывшего СССР, сопряжены с аналогичными процессами, протекающими в самой России. По сути дела, это две стороны одного и того же явления.

Приостановка цепной реакции территориального распада в зоне бывшего Советского Союза не может, как показала практика, опираться на структуры СНГ. Имеющийся опыт, прежде всего неспособность Содружества реализовать многочисленные решения, принятые в его рамках, свидетельствуют, как представляется, о бесперспективности самой принципиальной схемы СНГ. Возможно более перспективным было бы развитие разнообразных двусторонних механизмов сотрудничества, в центре которых была бы Российская Федерация. Последняя обрела бы таким образом дополнительный потенциал воздействия на ситуацию в бывшем СССР, в том числе для продвижения реинтеграционных процессов.

Противники реинтеграционного развития обычно указывают, что распад СССР приобрел необратимый характер и восстановление единого государства может быть достигнуто лишь в результате крупномасштабного применения вооруженных сил. Однако необратимость распада возникает лишь в том случае, если его результатом становится повышение жизненного уровня населения, его защищенности и безопасности в целом. Практика же последних лет свидетельствует об обратном: процессы распада обернулись долгосрочным комплексным кризисом на всей территории бывшего СССР. Его преодоление возможно либо путем восстановления единых политических, экономических и военных структур, либо путем привлечения таких ресурсов, которых нет и в обозримом будущем у новых независимых государств не будет. Следовательно, существуют объективные предпосылки реинтеграции, которая опиралась бы не на вооруженное насилие, а на экономическую и политическую заинтересованность влиятельных социальных страт и групп.

Важно, однако, учитывать следующее:

- реинтеграционный процесс будет, вероятно, длительным и сложным, напоминающим чем-то процессы "собирания земель" вокруг Москвы и образования Российской империи. В качестве цели в более или менее обозримых временных рамках могло бы стать восстановление конфедерации с постепенным нарастанием федеративных элементов. При этом, темпы этого процесса в различных регионах будут различны;
- ближайшие задачи, как представляется, связаны с сохранением единого экономического и военного пространства, предотвращением дальнейшего нарастания дезинтеграционных тенденций, всяческим поощрением и стимулированием юнионистских сил, кооперационных и интеграционных связей, в том числе по отдельным проблемам и в узких рамках;
- наряду с группами, объективно заинтересованными в восстановлении единого государства (главным образом теми, чья деятельность зависит от успешного функционирования целостной экономической системы), сложились силы, чьи установки несовместимы с этой тенденцией. К ним, прежде всего, относится значительная часть политических элит, чье положение, а порой и существование, неотделимы от самого факта независимости;

практика излишней централизации, присущая бывшему СССР, оставила сложное социально-политическое и психологическое наследие на периферии. Единое государство в некоторых группах ассоциируется с подавлением национальной культуры, языка и т.д.;

- политика нынешнего российского руководства в отношении ближнего зарубежья крайне противоречива. С одной стороны, утверждается, что восстановление единого государства явно невозможно. С другой, - отдельные акции дают основания для обвинения Москвы в проведении великодержавной политики. Подобная практика, естественно, не способствует реинтеграционному процессу.

В этих условиях интересы России настоятельно требуют, чтобы руководство РФ ясно и публично сформулировало свою установку на восстановление единого государства преимущественно мирными, политическими и экономическими средствами, при сохранении, разумеется, независимости районов в культурной сфере, недопущении мелочной опеки центра над периферией и т.д. Это внесло бы необходимую определенность, создало бы условия и ориентиры для активизации юнионистских сил в государствах бывшего СССР, для государственных и правительственных ведомств самой РФ.

Вместе с тем, российский подход должен, как представляется, сохранять возможность интеграции новых элит, по крайней мере их значимой части, в общую элиту восстанавливающегося государства. Кроме того, не только допустимы, но и, не исключено, желательны определенные территориальные изменения по сравнению с бывшим СССР. Издержки, связанные с включением отдельных регионов в конфедеративные или в федеративные структуры могут превосходить сопряженные с этим выгоды. Наконец, некоторые зоны, входившие в прошлом в СССР, могут выступать в будущем в качестве буферных территорий, находящихся в соответствующих сферах влияния.

III

Анализ национально-государственных интересов России в дальнем зарубежье требует, прежде всего, определения отношения к главным тенденциям развития системы международных отношений. В настоящее время обсуждаются три возможности: возникновение монополярной системы, основанной на военном доминировании США в мировых делах; складывание совокупности международных организаций на основе ООН, СБСЕ, НАТО и т.д., которая может стать более или менее эффективным регулятором межгосударственных отношений; формирование мультиполярной системы, главную роль в которой играют относительно независимые центры силы (в т.ч. Индия, Бразилия и другие региональные державы).

Реализация первой тенденции в наименьшей мере отвечает интересам РФ. В этом случае она почти автоматически уходит на периферию мировой политики и в значительной мере теряет в ней самостоятельную роль. Вместе с тем такое развитие событий выглядит сегодня проблематичным. Хотя США и обладают необходимыми военными и военно-экономическими возможностями для установления моноцентрической системы, издержки этого для них весьма велики. Вызывает сомнение и сама готовность Соединенных Штатов к выполнению этой роли. Они, в частности, уже столкнулись с серьезными внутренними проблемами, отвлекающими внимание и ресурсы от внешнеполитических акций. Наконец, даже ближайшие союзники США отнюдь не поддерживают идею мировой американской гегемонии.

Значительно сложнее обстоит дело со второй тенденцией. Фактически речь идет о том, чтобы в той или иной форме зафиксировать особую роль в мировой политике десяти-пятнадцати наиболее развитых государств и создать механизм контроля с их стороны над развитием событий в мире. Влиятельные круги в России сегодня рассчитывают, что РФ войдет в число этих государств используя, в частности, членство в Совете Безопасности ООН, в структурах СБСЕ и т.д. Однако острота внутреннего кризиса и обусловленная этим общая политическая и экономическая слабость России вряд ли позволят реализовать эти устремления, по крайней мере, в обозримом будущем. В свою очередь, рассматриваемая структура может стать средством международного контроля за развитием событий в России и за ее действиями на мировой арене.

В наибольшей мере интересам РФ отвечало бы формирование полицентрической системы международных отношений. Для таких систем характерны сложные, подчас противоречивые и конфликтные отношения между центрами силы. И поэтому даже относительно слабая Россия могла бы в ряде случаев играть роль "балансира", использовать межгосударственные противоречия для предотвращения образования направленной против нее коалиции или же для нейтрализации враждебного ей центра силы.

В нынешней ситуации Россия вряд ли в силах оказать решающее воздействие на выбор направления развития системы международных отношений. Но она должна была бы всячески содействовать ее движению по третьему пути, во всяком случае, не поощрять первых двух.

IV

Принципиальную значимость для РФ имеют отношения с ближайшими соседями в дальнем зарубежье: государствами Восточной Европы, КНР, Японией. В самом общем плане, как представляется, Россия заинтересована в максимально низком уровне конфронтации с ними, развитии сотрудничества, в исключении возможности превращения их в плацдарм для вмешательства в события, происходящие на территории бывшего СССР. Это требует от РФ спокойной, последовательной, одновременно и жесткой, и гибкой политики.

Каждое из этих направлений внешней политики России имеет свою специфику и, следовательно, требует разработки собственной стратегической линии. Здесь же можно лишь попытаться определить ее основные целевые установки в соответствующих регионах.

Восточная Европа могла бы и далее играть роль своего рода "нейтрального пояса", разделяющего Западную Европу и сферу действия НАТО, с одной стороны, и геополитическое пространство бывшего СССР - с другой. Сохранение такого "пояса" минимизирует возможность прямого соприкосновения вооруженных сил РФ и НАТО, по крайней мере, на центральном театре. Это, бесспорно, стабилизировало бы обстановку на европейском континенте при любом повороте событий в зоне бывшего СССР.

Подобная схема, однако, не получила широкого одобрения в политических кругах восточноевропейских стран, Украины, Прибалтики и т.д. Там связывают обеспечение собственной безопасности, прежде всего, с членством в НАТО или в общеевропейских структурах, которые, как считают в соответствующих столицах, могли бы нейтрализовать угрозу с Востока. Вместе с тем, позиция НАТО, которая не склонна ни к расширению членства, ни к активизации действий к востоку от своих границ, может повысить в Восточной Европе интерес к идее "нейтрального пояса". Реализация последней, однако, требует проработать вопрос о формах и содержании надежных гарантий безопасности стран восточноевропейского региона при сохранении их нейтрального статуса.

Крайне важное значение для РФ приобретает поддержание стабильных, доброжелательных партнерских отношений с КНР. Известно, что советско-китайский конфликт 60-х - 80-х годов серьезно осложнял положение СССР на мировой арене, отвлекал огромные силы и средства от других направлений внешней политики. Со стороны Китая также имеется и, видимо, сохраняется в обозримой перспективе заинтересованность в развитии позитивных отношений с РФ. Во-первых, в КНР весьма болезненно воспринимают возможность установления американской гегемонии и не могут не рассматривать Россию как потенциальный противовес США. Во-вторых, в Пекине отнюдь не склонны позволять каким-либо третьим силам играть на противоречиях между КНР и РФ. В-третьих, китайская сторона заинтересована в сохранении и углублении военно-экономического и военно-технического сотрудничества с РФ. Но долговременный прагматический курс китайского руководства, видимо, исключает возможность установления российско-китайского военного союза. Такой союз не отвечает, как представляется, и интересам России, которой важно сохранить максимальную свободу действий.

Что касается Японии, то заинтересованность России в расширении торгово-экономического сотрудничества и в привлечении японских инвестиций, особенно в районах Дальнего Востока и Сибири достаточно велика. Однако: японские деловые круги не видят пока смысла в сколь-нибудь существенных капиталовложениях в нестабильную российскую экономику, предпочитая более "цивилизованные" рынки ЮВА и АТР; территориальные притязания Японии на Южно-Курильские острова остаются серьезным тормозом в развитии российско-японских политических и экономических отношений. Неизменность японской позиции не позволяет надеяться на положительные сдвиги, тем более, что потеря в той или иной форме островов негативно скажется на экономическом и военном положении России на Дальнем Востоке. Последнее подтверждается многочисленными объективными исследованиями данной проблемы.

В этих условиях интересам России отвечала бы сдержанная позиция в отношении Японии, исключающая как открытую конфронтацию, так и бессмысленные территориальные и военные уступки. Одновременно расширение сотрудничества с конкурентами Японии, прежде всего с Южной Кореей, может оказаться не только выгодным для России само по себе, но и послужить серьезным фактором воздействия на Токио.

V

В последнее время серьезную озабоченность в РФ вызывает так называемый "исламский фактор". Существует несколько интерпретаций этого термина: действия экстремистских политических группировок, опирающихся на определенные круги в Афганистане и Ираке, использующих в своих целях фундаменталистские исламские установки и разделяющие их слои населения; линия ряда мусульманских государств (Турция, Иран, Саудовская Аравия и др.) на создание и укрепление своих сфер влияния на территории бывшего СССР, в том числе в РФ; глубокий конфликт между христианством и исламом, более того, между "западной" и "мусульманской" цивилизациями.

Представляется, что политический экстремизм, сопряженный с исламским фундаментализмом, действительно является серьезной угрозой интересам России. Успех такого рода движений и группировок в Средней Азии и на

Северном Кавказе приведет к возникновению полосы долговременной нестабильности, контролируемой враждебными РФ силами. Вырисовывается также реальная перспектива союза этих сил с сепаратистскими кругами ряда мусульманских регионов России. Следовательно, РФ объективно заинтересована в ликвидации подобных группировок на "дальних рубежах", в поддержке нынешних режимов в тех среднеазиатских государствах, которые являются первой мишенью для экстремистских сил, принимающих порой "демократическое" обличье. Требуется, однако, разработка четкого, долговременного и предельно детализированного плана действий, который предусматривал бы большой арсенал средств воздействия, предполагающих, в том числе, использование российских вооруженных сил, но не сводящихся только к этому. В сложившихся обстоятельствах возникает определенная общность интересов с западными странами, озабоченными мусульманским экстремизмом и терроризмом.

Более сложным, вероятно, является для РФ вопрос об усилении турецкого или иного "советского" ислама в мусульманских районах бывшего СССР. Рост его влияния действительно может иметь определенные негативные последствия для России. Вместе с тем ни Турция, ни иные мусульманские государства не обладают избыточным экономическим и военным потенциалом, необходимым для создания и поддержания системы своего стабильного влияния в Средней Азии или на Северном Кавказе; руководство большинства этих стран, в свою очередь, озабочено ростом экстремизма и фанатизма и вряд ли склонно содействовать укреплению влияния таких сил в мусульманских районах бывшего Союза; интересы Турции, Ирана, Саудовской Аравии и других стран далеко не всегда совпадают.

Все это создает для России возможности достаточно эффективной политико-дипломатической игры, исполнения ею роли внутреннего арбитра в различных конфликтах в этой зоне, укрепления там своего влияния без принятия на себя прямой ответственности за положение дел и развитие событий.

Абсолютно неправомерным и несоответствующим интересам России представляется противопоставление их интересам мусульманского мира в целом. Подобная позиция приведет к падению авторитета и ослаблению влияния России на Ближнем и Среднем Востоке, создаст устойчивый очаг напряженности на южных рубежах РФ и в ряде ее внутренних регионов.

VI

Россия и Запад. В России в настоящее время существуют две полярные точки зрения на отношения с Западом. Первая представляет собой ориентировку на долговременный стратегический союз с Западом, на подключение России к западной цивилизации. Сторонники второй исходят из имманентности конфликта России с западными государствами, прежде всего, с США.

Перспектива реализации первого подхода маловероятна сама по себе и вряд ли отвечает интересам РФ. Практика последних двух лет свидетельствует, что несмотря на крушение коммунистического режима, а затем и Советского Союза, ведущие западные державы не готовы ни оказать России сколько-нибудь значимую экономическую помощь, выходящую за рамки минимальной благотворительности, ни произвести крупномасштабные капиталовложения в российскую экономику, ни облегчить условия проникновения России на рынки промышленной продукции, прежде всего, вооружений. Иными словами, открыто прозападная ориентация российского руководства вознаграждена не была.

Далее, единственной геополитической основой союза с Западом может стать использование им России в своих интересах как силового противовеса Китаю, инструмента воздействия на события, происходящие в зоне мусульманского мира, в различных взрывоопасных ситуациях. И то и другое чревато для России не только втягиванием в затяжные конфликты на ее южных и восточных границах, но и отвлечением сил и ресурсов от более перспективных направлениях внешней политики, сковывание м активных действий РФ на мировой арене.

Важно также, что после краха СССР существенно нивелируется общий страх Запада перед угрозой с Востока, идет все более заметный процесс дифференциации интересов ведущих западных стран в отношении России. В связи с этим вообще теряет смысл идея ее стратегического союза с Западом в целом. Но "расслоение" Запада и перспектива превращения к началу XXI века объединенной Германии в центр силы мирового уровня открывают и новые горизонты перед российской внешней политикой, прежде всего европейской. Россия может стать важной "вершиной" классического треугольника Москва-Париж-Берлин. Происшедшие перемены ведут и к тому, что в ряде западных государств возникает заинтересованность в сильной России и формировании систем тесного двустороннего взаимодействия.

* * *

Реализация Россией своих ключевых национально-государственных интересов - превращение в модную мировую

державу с высокоразвитой экономикой, базирующейся на передовых научных разработках и технологиях, - требует стабильного и спокойного внешнего окружения, исключающего возможность вмешательства извне. Обеспечение этого, разумеется, не всегда зависит от России. Однако необходимо четко зафиксировать, чего требуется достичь, а чего - избежать. Удовлетворительный результат, по-видимому, может быть получен лишь при осуществлении сбалансированной, деидеологизированной, сугубо прагматичной внешнеполитической линии, сориентированной на многополярную систему международных отношений, разумное использование противоречий, существующих в этой системе. Такие установки, по всей вероятности, должны определять и подход ко всей совокупности конкретных проблем, включая двусторонние отношения, региональные конфликты, взаимодействие с международными организациями и т.д.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

Б.ЗАНЕГИН,
доктор исторических наук

Цель настоящих заметок - сопоставить внешнюю политику Российской Федерации, ее концептуальные основы и их отражение во внешнеполитической деятельности и дипломатии* с теми международными реальностями, которые определяют основные, долгосрочные условия сосуществования и взаимодействия государств. Другими словами, речь идет о попытке выяснить, в какой мере государственные структуры, отвечающие за обеспечение международных позиций нашей страны (Президент и его аппарат, Министерство иностранных дел и пр.), способны правильно оценить и учесть международные реальности и разработать на этой основе внешнеполитический курс, отвечающий текущим и долгосрочным интересам России.

К числу таких достаточно очевидных международных реальностей относятся нарушение геополитического равновесия, разбалансирование системы международных отношений, втягивание их в стадию хаотического, турбулентного, непредсказуемого развития. Причины этого явления лежат на поверхности. Главная из них - дезинтеграция Советского Союза, точнее, его злонамеренное расчленение, повлекшее разрушение сложившейся после второй мировой войны структуры международных отношений с тяжелыми последствиями для судеб многих государств и народов.

Вопреки утверждениям, что прекращение борьбы двух систем с ее проекцией на все стороны международной жизни якобы положило начало конструктивному, бесконфликтному, упорядоченному, мирному этапу отношений между государствами, в действительности, годы, отмеченные окончанием "холодной войны", характеризуются вспышкой разрушительных международных процессов. Конец XX в. поражает воображение внезапностью международных перемен, их грандиозностью и трагическими последствиями. Каждый день приносит известия о новых кровопролитиях. Мир охвачен эпидемией насилия. Земной шар пылает очагами войн, которые сопровождаются проявлениями невиданной жестокости. Балканы, Афганистан, Камбоджа, Ирак, Индия, Грузия, Сомали, Турция - вот далеко не полная география братоубийства. В "цивилизованной" Западной Европе наблюдатели насчитывают, по крайней мере, восемь "горячих" точек, таких как Северная Ирландия, Каталония или Тироль, где конфликты в любой момент могут вступить в эту стадию. По планете блуждают миллионы беженцев, идет пауперизация громадных масс населения, копится горючий материал для новых социальных катаклизмов.

Все это дает основания сравнить нынешнее состояние мира с кануном новой мировой войны, в то время, как, по другим мнениям, третья мировая война уже стала фактом, уже идет в какой-то новой, "ползучей" форме. И эта версия подкрепляется некоторыми жестокими фактами, например, изменениями в американской стратегии: ее акцент перенесен с подготовки к глобальному столкновению на участие вооруженных сил США в коалиционных войнах регионального масштаба, сходных с операцией "Буря в пустыне". При этом, в число военно-политических задач на 90-е гг. включено обеспечение свободного доступа США к мировым рынкам, минеральным ресурсам, океанам и космическому пространству.

Еще более наглядно сходство с мировой войной подчеркивает эволюция, которую переживают в последние годы международные организации, считавшиеся до сих пор миротворческими (ООН, СБСЕ). Они становятся воинственными, обзаводятся карательно-полицейским аппаратом и военными структурами, а в качестве философии "миротворчества" воспринимают разрушительные по своей сути концепции "права на гуманное вмешательство" и "принуждения к миру". Последняя, придуманная генеральным секретарем ООН Б. Гали, включена в "Концепцию внешней политики Российской Федерации". Этому деятелю, известному своими проамериканскими взглядами и заслугами, поручено, кстати сказать, реформирование ООН на военно-полицейский лад.

Посвятив себя полицейским функциям и соответственно сделав ставку на силу, ООН вместе с тем стала терять универсальность. Ее деятельность, особенно "миротворческая" деятельность СБ ООН, теперь направляется узкой группой государств - "западных демократий" при неизменном лидерстве Соединенных Штатов. Эта группа усилена

присоединением к ней России, правящие круги которой связывают успехи буржуазных экономических и политических реформ и возможность подавления оппозиции внутри страны с поддержкой Запада в обмен на содействие индустриальным гигантам в их стратегии нового колониализма. Соответственно, деятельность СБ ООН приобретает социальную ориентацию, к его операциям привлекаются контингенты социально ориентированных военно-политических союзов, в частности НАТО, а также наций, совершивших в прошлом агрессию. По недомыслию или по злему умыслу они направляются именно в те места, где их предшественники совершали военные преступления: Германия - на Балканы, Япония - в Индокитай, Италия - в Сомали. Стилем деятельности СБ ООН стал двойной стандарт в подходе к разным странам, обвиняемым или только подозреваемым в нарушении международного права. Санкции, не исключая применение силы, против народов, защищающих свой суверенитет (Ирак, Сербия, КНДР) и полная безнаказанность для истинных агрессоров - США или Израиля. Меры по "принуждению к миру" оказываются контрпродуктивными. Конфликты не гасятся, а загоняются вглубь, по существу, консервируются. Интернационализация операций, привлечение войск из государств, имеющих ту или иную (национальную, религиозную, географическую) причастность к конфликтующим сторонам, вовлекает конфликты в более широкий международный контекст, создает предпосылки новых противостояний. Практически ни одна из силовых "миротворческих" миссий не увенчалась успехом, и, видимо, именно это толкает "миротворцев" привлекать все большие массы войск и оружия. В результате "миротворческие" мероприятия приобретают оперативные - дивизионные или даже корпусные - масштабы, проводимые одновременно в нескольких регионах, они напоминают увязанные единым планом кампании на отдельных театрах мировой войны. Налицо глубокий кризис, по существу распад международных отношений. Вопреки ликованиям по поводу окончания "холодной войны" и легковесным предсказаниям эры всеобщего благополучия, мира без оружия и насилия, международные отношения, сохранявшие до середины 80-х годов относительную стабильность, вступили в полосу войн и конфликтов, турбулентного, непредсказуемого развития.

Сложившаяся после второй мировой войны, как один из ее непредвиденных итогов, жесткая двухполюсная международная структура с ее основным атрибутом - стратегическим паритетом - была на протяжении долгих лет "холодной войны" основой миропорядка. В противостоящих блоках, скрепленных идеологическими узами, господствовала коалиционная дисциплина, а отношения между ними регулировались "правилами игры", выстраданными в ходе проб и ошибок. Войны происходили, но только на геополитической периферии сверхдержав. Прямое столкновение между ними исключалось, и страны-патроны не допускали опасного развития событий, сдерживая воинственность союзников и клиентов. Например, во время Корейской войны 1950-1953 гг. Соединенные Штаты решительно отклонили предложение режима Чан Кайши направить в Корею тайваньский воинский контингент для участия в войне против Народной Армии Кореи и китайских добровольцев. С другой стороны, советскому руководству приходилось в те или иные острые моменты договариваться с союзниками и партнерами о мерах по смягчению возникшей напряженности, как это было, например, во время Карибского кризиса 1962 г.

Трудно, разумеется, назвать такую систему хорошей. Но ей в то время не было альтернативы, и в главном она работала: не допускала применения ракетно-ядерного оружия и обеспечивала международную устойчивость. К тому же эта система совершенствовалась: эволюционировала в сторону большей безопасности и меньшей затратности: контроль за вооружениями и их сокращение, безопасность и сотрудничество в Европе и многое другое было начато в годы конфронтации и определялось существом, логикой системы.

Положение коренным образом изменилось с началом "перестройки" в Советском Союзе и пересмотром внешнеполитического курса страны на основе т.н. "нового политического мышления". Это было связано с приходом к власти в стране группировки пробуржуазных, прозападных политиков (М.С.Горбачев и др.). На международной арене их деятельность выразилась в сдаче одна за другой геополитических позиций Советского Союза. В результате началось стремительное падение международного и стратегического веса страны, эрозия сдерживающего потенциала, стратегического паритета. В 1992 г. процесс разрушения государства, начатый М.С.Горбачевым, был завершен. Советский Союз был расчленен группой сепаратистов и изъят из мировой политики, из двучленной геополитической структуры, на которой строилась международная стабильность.

Уничтожение Советского Союза как структурообразующей части миропорядка можно смело назвать геополитической катастрофой. Она разрушила до основания международную структуру во всех ее частях и аспектах. Из межгосударственных отношений исчезли сдерживающие, дисциплинирующие начала, ослабли или перестали действовать коалиционные и идеологические узы, получил полную свободу национализм. Он немедленно дал о себе знать распадом федеративных многонациональных государств, межэтническими, межгосударственными и даже религиозными конфликтами и войнами. Вновь возникшие национально-государственные образования становятся самостоятельными геополитическими величинами. Сжатые в узких пространствах между крупными государствами, зависимые от прежних хозяйственных и политических связей, не обладающие опытом государственности, лишенные средств влияния на международную среду и не способные защитить свой суверенитет, такие новые государства становятся пешками в "Большой игре" великих держав.

Однако главный результат высвобождения национализма состоит все же в другом: "победа" в "холодной войне" вызвала взрывоподобный подъем шовинизма в США (речь об этом ниже), в то же время как в Германии и Японии - странах, потерпевших поражение во второй мировой войне, - наблюдается возвращение к имперской политике, ставшей полвека назад причиной мировой трагедии. Оба эти государства, бывшие верными соратниками США в

"холодной войне" против коммунизма, ныне освобождаются от американского патронажа. Ощущая поддержку со стороны России, они вступают в борьбу за гегемонию, соответственно, в Европе и азиатско-тихоокеанском регионе. Преодолевая с той или иной степенью успеха Ялтинскую систему, определившую место наций-агрессоров в мировом сообществе, и Германия, и Япония претендуют на мировые позиции, в частности, на кресла постоянных членов Совета Безопасности ООН рядом с державами-победительницами. Нынешняя политика Германии в Прибалтике, на Балканах, на Украине и в России напоминает о тех временах, когда она была плацдармом тевтонской экспансии в славянские земли. В АТР Япония возвращается к пан-азиатской политике, пытаясь модифицировать пресловутую формулу "Великой сферы сопроцветания Восточной Азии", под флагом которой в 30-40-е годы осуществлялась японская колонизация тихоокеанских народов. Любопытно, что в политический лексикон конца XX в. возвращаются такие забытые словосочетания, как "Великая Турция", "Великая Румыния" и даже "Великая Эстония".

Геополитическая катастрофа нарушила положение и соотношение всех субъектов и структур международного мира. К числу наиболее общих и далеко идущих последствий крушения послевоенной геополитической структуры относится выход на первый план, обострение отношений между индустриальными и развивающимися странами, между Севером и Югом. Этот застарелый и устойчивый конфликт между колонизаторами и их жертвами приобрел новое измерение и интенсивность. В недалеком прошлом он поглощался противостоянием между социализмом и империализмом, составлял один из аспектов этого противостояния. После окончания "холодной войны" развивающиеся страны, потеряв поддержку социалистических стран, оказались один на один с консолидировавшимся блоком индустриальных капиталистических государств, активно поддержанным сначала Советским Союзом, а затем Россией. Реальность угрозы этого блока для безопасности и суверенитета развивающихся стран - бывших колоний - продемонстрировала война в Персидском заливе. Она велась коалицией индустриальных держав против страны "третьего мира". В ее колониальном характере сейчас мало кто сомневается. В рамках этого понятия войну в Персидском заливе оценивают такие несхожие общественные силы и политические персонажи, как иезуиты ("Чивильта католика", Рим) и исламские фундаменталисты в Саудовской Аравии, бывший министр юстиции США Рамсей Кларк и бывший министр иностранных дел Франции Клод Шейсон, без обиняков назвавший "Бурю в пустыне" типичной колониальной войной.

Вместе с тем, война в Персидском заливе обозначила начало нового этапа в колониальной политике капиталистических стран, которые воспользовались кризисом социализма для наступления на "третий мир" в целях обеспечения устойчивого притока сырьевых ресурсов и доступа к пространствам менее развитых и распадающихся стран для размещения экологически вредных производств и захоронения промышленных отходов. Капитализм показал в Персидском заливе готовность утверждать статус-кво в отношениях с бывшими колониями любыми средствами. За агрессией Запада в Персидском заливе последовал ряд аналогичных акций, последняя из которых - бомбардировка жилых районов Багдада 26 июня 1993 г. - еще раз подтвердила новую расстановку мировых сил и состояние отношений между Севером и Югом.

Глубинную основу конфликта между Севером и Югом составляют различия в стадиях развития. Большинство стран "третьего мира" находится на ранних этапах модернизации (интеграции в мир современной индустриальной цивилизации). Внутри этих стран идет борьба за выбор пути к этой цели. На международную арену они вступают в процессе национальной консолидации, преодолевая трайбализм и иные архаические формы этнического бытия. Международные условия, в частности, давление индустриальных стран, заставляют молодые нации заботиться о защите своего суверенитета, накапливать средства обороны, участвовать в гонке вооружений. Подчас конфликтуя между собой, они, тем не менее, нередко коллективно борются за достойное место в мировом сообществе.

С другой стороны, индустриальные страны находятся на иной, значительно более высокой стадии социально-экономического развития. Они давно пережили детские болезни модернизации. Их экономика, социальные структуры, политические институты, международные позиции давно приобрели оптимальные формы и относительную стабильность. Вместе с тем, оскудение невозобновляемых естественных ресурсов в развитых странах и на их ближайшей периферии дополняется резким осложнением экологической ситуации. Так, одни только США при 5% мирового населения потребляют 40% добываемых ресурсов и сбрасывают 70% мировых индустриальных отходов. Этим, наряду с классическими стимулами колониализма, объясняется возвращение современного "гуманного" капитализма к колониальным формам политического мышления и к наиболее грубым формам колониализма, таким как колониальные войны.

Несовпадение стадий развития находит политическое выражение в различии подходов к международной действительности, к сложившемуся миропорядку. Мир развивающихся наций представляет в современной мировой политике революционный, будоражащий элемент. Развивающиеся страны не могут, не желают и, по-видимому, не будут мириться с положением сырьевого и экологического придатка богатых капиталистических стран. В то же время индустриальный мир, укрепивший свое положение с разгромом социализма в Европе и избавившись от его оппозиции колониализму, демонстрирует решимость обеспечивать свое экономическое благополучие за счет эксплуатации менее развитых наций. В этом один из главных уроков войны в Персидском заливе. Мир стоит, очевидно, перед перспективой нового раунда "холодной войны", на этот раз между индустриальными странами и "третьим миром". "Демократическая Россия" заняла в расстановке сил Север - Юг четко обозначенное место: партнерство (в перспективе союз) с США против "третьего мира", в котором российские демократы и зарубежные колонизаторы видят "основной источник глобальных и региональных угроз".

С распадом послевоенной геополитической структуры изменилось и место Соединенных Штатов на мировой арене.

Исчезновение Советского Союза из мирового стратегического уравнения (при том, что Россия на какое-то время утвердилась в качестве младшего партнера США) поставило Соединенные Штаты в уникальное положение единственной сверхдержавы. Впервые агрессивная буржуазия, находящаяся в США у власти, получила возможность беспрепятственной реализации своих представлений о миропорядке. Уникальное геополитическое положение США оказалось в опасном сочетании с тем фактом, что в данный момент Вашингтон оказался обладателем решающего превосходства в силах над любым государством или даже мыслимой в нынешних условиях международной комбинацией. Соединенные Штаты вновь оказались в ситуации, которую известный американский политический деятель У.Фулбрайт назвал в 1967 г. в разгар американской агрессии против Вьетнама "самонадеянностью силы" - чувством безнаказанности, проявлениями превосходства и тупой самоуверенности, свойственными американской дипломатии. Сейчас, однако, положение куда серьезнее: избавившись от противовесов, Соединенные Штаты стали источником диктата в международных отношениях, реальной угрозой безопасности народов, причем это имеет место, когда идет бурный процесс адаптации государств к новым условиям сосуществования, сопровождающимся всякого рода катаклизмами, которые легко становятся поводом для вмешательства. Претензии США на мировое господство, что когда-то воспринималось как пропагандистский штамп, сейчас становятся реальной опасностью.

Еще одна коренная перемена в расстановке мировых сил - новая роль Китая. Уже занимая 6-е место среди стран мира по совокупной мощи, Китай идет в XXI в. как динамичная, быстро развивающаяся мировая держава. Средства массовой информации, а то и ученые - западные и отечественные, - говоря о растущей роли азиатско-тихоокеанского региона в мире, охотно обращаются к сюжету впечатляющего экономического роста Японии или "малых драконов" - Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, замалчивая соответствующие показатели Китая. В действительности же, по темпам развития именно КНР занимает в регионе первое место. За десятилетие с 1980 по 1990 гг. ВВП Китая возрастал в среднем на 9% в год, увеличившись за эти годы в два раза. На 90-е годы запланировано новое удвоение и, судя по всему, этот план успешно реализуется: в 1992 г. экономика КНР выросла на 12%. Вместе с тем в Китае реализуется интересная модель социально-экономического развития, импонирующая странам "третьего мира". В силу этого обстоятельства, а также учитывая полуколониальное прошлое Китая, он стал центром притяжения для развивающихся стран, в известном смысле надеждой против надвигающейся с севера волны новой колонизации и агрессии. Немаловажен и тот факт, что в условиях наступления антикоммунистической реакции Китай становится центром разработки и реализации социалистических идей - к нему тяготеют левые движения и социалистические страны. А между тем независимо от того, какой видится Пекину будущая международная роль страны, Китай, в силу одних его геополитических габаритов, военной мощи (наличия стратегического сдерживающего арсенала), политического статуса (постоянного членства в СБ ООН) и социальной природы государства превращается из региональной державы в центр силы глобального порядка, в фактор сдерживания и геополитического равновесия. В этом смысле он замещает Советский Союз, а также нынешнюю Россию, которая добровольно отказалась от оставленной ей историей задачи поддержания стабильности и мира. Политика Пекина в этом отношении еще не определилась, нет полной ясности и в том, какое место Китай займет в расстановке мировых сил. Есть, однако, важные признаки того, что именно Китаю предстоит играть решающую роль в процессе восстановления стратегического равновесия и геополитической стабильности и в создании той новой системы международных отношений, которая неизбежно должна возникнуть из нынешнего хаоса.

Как представляется, стремление к равновесию - это всего лишь очевидный закон международного (геополитического) взаимодействия. Этот закон может осознаваться государством или государствами, и тогда он становится, как это неоднократно бывало в истории международных отношений, основой определенного типа внешней политики. Но даже когда этого не случается, тенденция равновесия неизбежно проявляет себя независимо от политической воли тех или иных субъектов международного процесса с тем, чтобы в какой-то момент стать политической реальностью. Очевидно, что чем раньше необходимость этого будет осознана в наше время, тем скорее международные отношения выйдут из нынешнего кризиса. В свете сказанного, пристального внимания и обсуждения заслуживают идеи, высказанные в статье Ю.Соколова "Нужен ли "второй полюс?" ("Обозреватель", 1993, № 14, с. 51-54.) Имеется в виду критика иерархической силовой структуры международных отношений, которая выстраивается вокруг США, равно как и убедительно аргументированная разработка проблемы возрождения "второго полюса" как отражения потребностей международного сообщества.

Нарушение глобального геополитического баланса сказалось также на соотношении основных театров мировой политики. Раньше военно-политическое положение в регионах в большой степени унифицировалось общемировым противостоянием между социальными системами. Теперь, с его прекращением, региональная международно-политическая специфика проявилась значительно определеннее. Как оказалось, явления, представлявшиеся глобальными, в действительности имеют разные количественные и качественные характеристики. Достаточно глубокие различия такого рода сложились, в частности, между Европой и азиатско-тихоокеанским регионом. Сейчас, когда российская внешняя политика вынуждена отказываться от европоцентризма, именно в азиатско-тихоокеанском регионе ее неспособность приспособиться к новым международным реальностям проявляется наиболее выпукло.

Средиземное море - океан прошлого, Атлантика - океан настоящего, Тихий океан - океан будущего". Эти слова,

произнесенные госсекретарем Дж.Хэем в 1898 г., любят сейчас вспоминать в Соединенных Штатах, где XXI в. называют веком Тихого океана. Как бы то ни было, предсказания грядущей роли Тихого океана и тихоокеанских наций в мировой истории, неоднократно делавшиеся мыслителями и политиками прошлого, теперь, в конце XX в., похоже, сбываются. Особенно знаменательны в этом смысле последние годы. Ряд тихоокеанских стран выделяется высокими темпами своего экономического развития. Уже просматривается недалекая перспектива выхода АТР на первое место по удельному весу в мировой экономике. Вместе с тем, переменами глобального порядка, вызванными дезинтеграцией Советского Союза и социальными переменами в России, возрастает роль региона и в мировой политике. Здесь складывается новая, пока не ясная геополитическая структура вокруг новых, выдвинутых на глобальный уровень центров силы, таких, как Китай, Индия, а также Япония, которая освобождается от американского патронажа и вступает на путь самостоятельной гегемонии в регионе. В ряду таких центров может оказаться и Россия.

Значительная часть Российской Федерации, лежащая к востоку от оз. Байкал, принадлежит к тихоокеанскому геополитическому театру. Перспективы развития российского Дальнего Востока в существенной мере зависят от его хозяйственной интеграции в формирующееся азиатско-тихоокеанское экономическое пространство и, прежде всего, его северо-восточный субрегион. В связи с потерей портов в Балтийском и Черном морях возрастает значение для России в целом приморских районов Дальнего Востока с удобными гаванями, обеспечивающими свободный выход в Тихий океан. То же относится к значению - хозяйственному и стратегическому - Северного морского пути, его восточного участка. Есть все основания предположить, что российской стратегии придется со временем уделять основное внимание азиатско-тихоокеанскому направлению, если, разумеется, России суждено развиваться в соответствии со своим положением мировой державы, связывающей своими континентальными евразийскими пространствами Атлантику с Тихим океаном, Европу с Азией, Запад с Востоком.

Такова в общих чертах объективная база основательно запаздывающих побуждений нынешнего политического руководства России устранить из внешней политики перекос в сторону Европы, уделив должное внимание тихоокеанской Азии. Естественно, что успешно осуществить эту задачу было бы возможно, лишь учтя международную специфику этого региона.

По своему происхождению особенности международных отношений в АТР связаны с "холодной войной" и ее последствиями. Однако само понятие "холодная война" и то, что называют ее окончанием, требует уточнения. Под влиянием антиимпериалистической пропаганды догребачевского Советского Союза и с легкой руки вашингтонских "победителей" коммунизма в российском общественном сознании утвердилось представление о "холодной войне" как идеологическом противостоянии в чистом виде.

В контрасте с этим плоским подходом на Западе, в частности в Соединенных Штатах, идет разработка различных аспектов "холодной войны" и ее последствий. Только за последние годы в США вышло несколько исследований именитых авторов, затрагивающих эту проблему: Ноам Комски "Устрашающая демократия" (1991), Френсис Фукуяма "Конец истории и последний человек" (1992) и Збигнев Бжезинский "Вне контроля. Глобальная разруха на пороге XXI века" (1993).

Действительно, конфронтация между двумя социально противоположными блоками, между Западом и Востоком, Соединенными Штатами и Советским Союзом обусловлена комплексом причин, включающих, наряду с социально-классовыми, "идеологическими" противоречиями геополитическое соперничество, экономическое соревнование, представления о историко-культурной несовместимости. Из этого ряда первостепенное значение имеют тесно переплетенные между собой социальный и геополитический аспекты. В этом смысле окончание "холодной войны" означает тот простой факт, что буржуазные контрреволюции в России и странах Восточной Европы устранили из отношений между противостоящими сторонами социально-классовые противоречия; с другой стороны, с присоединением Советского Союза, а затем и России к Западу, и особенно новые, партнерско-союзные отношения с США приостановили или, по крайней мере, сгладили геополитическое соперничество. Именно так закончилась "холодная война" в Европе и в отношениях между Россией и США.

По иному обстоит дело в АТР. Здесь "холодная война" - в обоих ее аспектах - социальном и геополитическом - продолжается. Об этом напоминает ряд фактов. В регионе расположены три крупные социалистические страны и среди них такой гигант современного международного мира, как КНР. Военно-политическая ситуация в регионе в значительной мере определяется политикой США по отношению к КНР, КНДР и СРВ. Одержав "победу" над коммунизмом в Европе, Вашингтон сосредоточивает острие своей антикоммунистической стратегии против социалистических стран тихоокеанского бассейна. Его поддерживают в этом союзники и друзья США - Южная Корея и др., а теперь и Россия.

Бросается в глаза и то обстоятельство, что в отличие от Европы, где с окончанием "холодной войны" военное противостояние по линии, разделявшей НАТО от ОВД, прекратилось, в северо-восточном субрегионе АТР, на Корейском полуострове имеет место вдоль 38 параллели непосредственное соприкосновение сил социалистической Кореи и американско-южнокорейского военного блока. Еще один признак "холодной войны" в АТР: в отличие от Европы, где коммунистическое движение переживает трудности и на какое-то время оттеснено реакцией от политического процесса, в ряде тихоокеанских стран оно остается влиятельной силой. Существенное место в политической жизни страны принадлежит компартиям в Индии. В странах, переживающих экономический бум, наблюдается отставание

политических систем и социальной защищенности трудящихся слоев населения от ускоренных темпов экономического развития. Это расширяет социальную базу левых движений и социалистических идей. Достаточно беглого знакомства с буржуазной прессой АТР, чтобы убедиться в том, что "холодная война" все еще остается реальным фактом политической жизни региона. В этих условиях попытки российской дипломатии пробиться в регион под антикоммунистическими знаменами вряд ли могут рассчитывать на серьезный, во всяком случае однозначный, успех.

Среди особенностей положения в АТР обращает на себя внимание высокий уровень милитаризации региона, продолжающий к тому же возрастать вопреки провозглашенному окончанию "холодной войны". В отличие от Европы, где более или менее утвердилась тенденция к сокращению военных структур и их влиянию на политику, в АТР процесс идет в обратном направлении. Наряду с влиянием идеологического противостояния этот процесс поддерживается геополитическими мотивировками. Нестабильность обстановки и неясность ее перспектив создается стремлением капиталистических стран - "победителей" в "холодной войне" - ускорить на европейский манер разрешение социального противостояния в регионе: расшатать социалистический строй в Китае и Вьетнаме, ликвидировать КНДР, присоединив ее к Южной Корее, закрепить Россию на пути капиталистического развития.

С другой стороны, явственно наметились вероятные линии геополитического соперничества в регионе между крупнейшими державами - Соединенными Штатами, Китаем, Японией, Россией с различными вариантами возможных многосторонних комбинаций. Соответственно, одни государства готовятся к расширению и утверждению своих позиций, другие - к защите своего суверенитета и достояния от внешних посягательств, от претендентов на гегемонию.

Соединенные Штаты, уже обладая в регионе решающим перевесом сил, сохраняют военные расходы на уровне, превышающем 5% ВВП. Намеченные в связи с окончанием "холодной войны" количественные сокращения военных структур компенсируются модернизацией вооружений, развитием стратегических и военно-политических инфраструктур, сохранением стратегии передового базирования - военного присутствия и плацдармов развертывания в Японии и Южной Корее.

Япония вступила на путь милитаризации, отказавшись от ограничения военных расходов рамками 1% ВВП. Знаменательно, что отменены также конституционные ограничения на использование японских вооруженных сил ("сил национальной обороны") за пределами национальной территории. Южная Корея и КНДР, находящиеся в военном противостоянии, а юридически - в состоянии войны, отличаются высокой степенью милитаризации. При этом боеспособность южнокорейских вооруженных сил обеспечивается Соединенными Штатами. Это в равной степени относится к вооруженным силам Тайваня. В самое последнее время тайваньский режим получил согласие Вашингтона на поставку тайваньским вооруженным силам 150 истребителей Ф-16 и двенадцати вертолетов многоцелевого назначения.

Это решение администрации Дж.Буша подтверждено президентом Б.Клинтоном.

Значительное внимание повышению обороноспособности уделяется в КНР. Оборонный бюджет страны увеличился на 15% в 1991 г. и на 12% в 1992 г. Военные расходы на 1993 г. запланированы в объеме 10% госбюджета (2% ВВП). Китай совершенствует свой ядерный потенциал, расширяет производство ракет, отдает приоритет развитию ВМС. Большинство стран АСЕАН включилось, в меру своих сил, в гонку вооружений, а некоторые из них обзаводятся собственной военной индустрией.

На этом фоне отчасти вынужденная по причине кризиса государственности, а отчасти неосмотрительно планируемая демилитаризация России, по крайней мере в том, что относится к зоне Тихого океана, ставит страну в заведомо уязвимое положение, лишает средств защиты государственно-национальных интересов и делает мишенью для военных авантур со стороны вероятных противников в АТР.

Еще одна особенность международно-политической ситуации в АТР состоит в специфическом проявлении той геополитической разбалансированности, которую переживает современный международный мир. Малые по тихоокеанским масштабам страны АТР с их колониальным прошлым с опаской относятся к крупным, милитаризованным державам и, особенно, (после "Бури в пустыне") к Соединенным Штатам. Хотя в прошлом в столицах этих стран нередко ворчали по поводу советских военно-морских сил и демонстрации их флага в Тихом океане и его морях, теперь становится ясным, что военное присутствие Советского Союза имело конструктивный аспект, сдерживая уровень доминирования США в регионе. Сейчас, когда Кремль уклоняется от защиты геополитических интересов и позиций России, пренебрегает задачей поддержания стратегического равновесия с США, более того, заявляет о стремлении к союзническим отношениям с этой сверхдержавой, в странах региона наблюдается рост "антиамериканизма" - опасений и подозрительности по поводу намерений Вашингтона. Естественно, что в свете сказанного проамериканская политика России вряд ли прибавляет ей популярности в регионе.

Наконец, было бы непростительно проигнорировать тот факт, что в азиатско-тихоокеанском регионе существует повышенный в сравнении с другими регионами мира потенциал российско-американского соперничества. Это связано

по крайней мере с двумя обстоятельствами: с весьма вероятным, почти неизбежным, возвращением нашей страны в число мировых держав, а с другой стороны, с тем особым значением, которое придавалось и придается Тихому океану в Соединенных Штатах. В последнее время это значение заметно возрастает. В Старом свете формируются силы, которые в новых международных условиях вряд ли будут мириться с назойливым военно-политическим присутствием, доминированием и несправедливой конкуренцией внеевропейской сверхдержавы, с ее претензиями на контроль над ресурсами и пространствами около европейской южной и восточной периферии, включающей новые государства Средней Азии, пополняющие ряд стран "третьего мира". Уход Соединенных Штатов из Европы представляется predetermined. Между тем, в Тихом океане есть все необходимое для выживания Соединенных Штатов как мировой державы XXI в. от благоприятного геостратегического положения континента и островных владений до обильных минеральных и биологических ресурсов.

Перспективы тихоокеанского будущего США давно прорабатываются и просчитываются в научной и политической литературе, а пока в Тихий океан перемещаются экономические интересы американского капитала (уже сейчас торговля США с тихоокеанскими странами на одну треть превышает американскую трансатлантическую торговлю); тихоокеанские штаты вышли на первое место в США по экономическому развитию и стали базой наукоемкой промышленности; в зоне Тихого океана размещены центры управления стратегическими силами и операциями в космосе; в опоре на тихоокеанские базы вооруженные силы США совершают свои пиратские вылазки в другие районы мира.

Вашингтону предстоит жестокая борьба за утверждение своего доминирующего положения в АТР и среди его потенциальных соперников, могущих осложнить реализацию этой задачи или даже помешать ей, первое место принадлежит России - единственной мировой державе, равновеликой по своим возможностям Соединенным Штатам. Знакомство с американским внешнеполитическим опытом, особенно в последнее время, не оставляет места для сомнений по поводу того, что Соединенные Штаты в борьбе с соперниками будут использовать все средства: от геополитических комбинаций и международных интриг до широкомасштабной вооруженной интервенции. Рассчитывать на союз с США в АТР Россия может лишь согласившись на роль младшего партнера, вспомогательной силы в реализации американских планов в АТР. Если же Россия будет стремиться сохранить свою внешнеполитическую самостоятельность, она вряд ли сможет избежать столкновений с интересами США в АТР или даже конфликтного состояния российско-американских отношений.

Сопоставляя сложившуюся в АТР обстановку с первыми шагами России в регионе и положениями "Концепции внешней политики Российской Федерации", подготовленной МИД РФ, которая содержит специальный раздел об отношениях со странами АТР, приходится сделать вывод, что теоретики и практики российского внешнеполитического ведомства либо не видят, либо предпочитают не замечать международные реальности.

Концепция" представляет собой острый идеологический документ, в котором общая антикоммунистическая направленность замаскирована давно понятными словосочетаниями-символами, такими как "демократическая природа российской государственности", "приверженность единым демократическим ценностям", "новый миропорядок", "интеграция в содружество цивилизованных государств" и т.д., и т.п. На практике все это выливается в проведение недоброжелательной, а то и враждебной политики по отношению к социалистическим странам параллельно или совместно с США и другими антикоммунистическими режимами, в грубое вмешательство России в "холодную войну" в АТР.

В политике на Корейском полуострове "Концепция" признает неизбежным "отдаление России от КНДР", в то время как "полномасштабные связи" с полицейским, по существу, режимом Южной Кореи, весьма далеким от стандартов западной демократии, предполагается строить на основе "общего понимания основных ценностей мировой цивилизации".

Подход к России, Китаю, как он определен в документах МИД, как бы ориентирован на то, чтобы на долгие годы осложнить российско-китайские отношения. Достаточно сказать, что "Концепция внешней политики Российской Федерации", составленная, как можно полагать, сторонниками освобождения внешней политики от идеологии, предлагает строить отношения с Китаем, учитывая "различия в идеологии и общественно-политических системах". В том же документе и на той же странице намечается перспектива "стратегического партнерства" с США на основе "приверженности единым демократическим ценностям", имея в виду, среди прочего, наблюдение "за действиями амбициозных и непредсказуемых режимов". В полном соответствии с этими установками, российская политика по отношению к Китаю не останавливается перед акциями, затрагивающими интересы и достоинство КНР и буквально заполнена всякого рода мелким недоброжелательством: российский Президент, находясь в Южной Корее, произносит пламенные антикоммунистические тирады и договаривается с антикоммунистическим режимом этой страны, лежащей в непосредственной близости от коммунистического Китая и состоящей в военном союзе с США, о военном сотрудничестве. Бывший российский премьер Е. Гайдар позволял себе бестактные выпады против общественного строя Китая. Соответствующие службы планируют создание радиостанции для пропагандистского вещания на Китай и т.п.

Казалось бы, значение Китая и добрососедских отношений с ним для будущего России не вызывает сомнений. Протянувшиеся на тысячи километров сухопутные границы отделяют густо населенные, и в определенной части

промышленно развитые, районы Китая от пустынных, экономически наиболее отсталых пространств России. Более чем миллиардное население, ищущее точки приложения своих сил, динамичное, предприимчивое, достаточно стабильное общество, социалистическое государство, готовое защищать свои ценности и обладающее всеми необходимыми для этого инструментами - с таким Китаем России придется иметь дело в условиях неизбежной утраты иллюзий по поводу Запада и весомой вероятности развития соперничества с США.

Концепция" определяет также "основной источник глобальных и региональных угроз". Ею она видит не в агрессивных действиях США и их союзников, направленных на обеспечение их колониальных интересов, а в странах "третьего мира". Соответственно, чтобы противостоять этой угрозе, предполагается развитие тесной кооперации и российско-американского партнерства в АТР, где большинство стран принадлежит к "третьему миру". Уже ставший фактом российско-американский параллелизм и даже сотрудничество в подходе к тем или иным неугодным государствам, например к КНДР, укрепляет худшие опасения местных народов по поводу возможности американо-российского альянса, направленного против интересов развивающихся стран азиатско-тихоокеанского региона.

Наконец, и "Концепция", и внешнеполитическая практика России явно исходят из представлений об отсутствии или незначительности геополитических противоречий с США в регионе. Поддерживая антикоммунистический курс США в регионе, демонтируя оборонный комплекс, разрывая связи с союзниками, отказываясь по существу от своей геополитической и стратегической роли в АТР, Москва лишает Россию внешнеполитической самостоятельности и средств ее защиты от претендентов на гегемонию в регионе.

Результаты и последствия первых шагов российской внешней политики в АТР очевидны: антикоммунистическая политика - вмешательство в "холодную войну" на стороне США - уже внесла обострение в обстановку в Северо-Восточной Азии - на Корейском полуострове, вокруг КНР; проамериканский курс вносит подозрительность в отношении намерений великих держав, создает нестабильность, подталкивает тихоокеанские страны к участию в гонке вооружений. В целом тихоокеанская политика России во всех ее компонентах выглядит контрпродуктивной: она препятствует расширению и укреплению позиций нашей страны в регионе. Наряду с конкретным ущербом российским политическим, экономическим и стратегическим интересам нынешний курс России в АТР создает предпосылки для развития и закрепления недоверия к России на отдаленное будущее. Возникает вопрос, может ли Россия - слабая и зависимая от внешних сил - играть в регионе позитивную роль? Таким вопросом, вероятно, задаются тихоокеанские народы и правительства.

Между тем социальная природа российской государственности далеко не определилась, не сложилась пока и сколько-нибудь устойчивая ситуация в АТР. Думается, что в этих условиях внешняя политика, построенная на догмах антикоммунизма и однозначно ориентированная на США, внешняя политика, отражающая интересы лишь какой-то, скорее всего меньшей части общества, не имеет права на существование. На время переходного периода Россия должна на деле избавить внешнюю политику от идеологических пут, отказаться от антикоммунистических догм в отношениях с международными партнерами; основные усилия должны быть направлены на утверждение внешнеполитической независимости и самостоятельности страны, на размежевание ее интересов с интересами США; и, наконец, должна быть осознана необходимость поддержания обороноспособности, адекватной геополитическим параметрам России и направлению глобальных геополитических перемен.

** Для анализа концептуальных основ использован документ Министерства иностранных дел России от 25 января 1993 г., озаглавленный "Концепция внешней политики Российской Федерации" (далее "Концепция").*

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

РОССИИ НУЖНА ИСТОРИЧЕСКИ ПРЕЕМСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Н.НАРОЧНИЦКАЯ,
кандидат исторических наук

***"Россия это не человеческая пыль и не хаос. Это прежде
всего великий народ, не промотавший своих сил и не растративший
своего призвания.***

***Не хороните же его преждевременно. Придет день, он
восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права".***

И. Ильин

Банкротство "нового политического мышления" стало окончательно очевидным лишь тогда, когда под рукоплескания доктринеров и прекраснотушных дилетантов, упоенных стерильной философией общечеловеческих ценностей, стало рушиться все то величественное здание, которое российские народы возводили в течение веков. Под флагом "западноевропейского либерализма" с Россией совершили то, что оказалось не по плечу Ленину и Троцкому. В течение последнего года неопровержимо обострились угрожающие тенденции в международных отношениях, вызванные изменением баланса сил после распада СССР. Стал очевидным и провал внешней политики России вследствие, увы, сознательного пренебрежения российским руководством тем непреложным фактом, что в мире действуют, среди прочих, своекорыстные и откровенно антироссийские силы, а также отсутствует подлинная концепция оборонной и внешней политики.

Неспособность и нежелание четко сформулировать понятие зоны национальных интересов и военно-стратегического пространства, осознанно и недвусмысленно ограждаемой от давления других сил, немало подтолкнуло борьбу за "российское наследство", которую неприкрыто ведет с попустительства российского руководства так называемое "цивилизованное" сообщество.

Целые регионы объявлены зонами стратегических интересов США. Прибалтика может превратиться в сферу влияния Америки и НАТО. Формируются условия для постепенной эрозии статуса Калининградской области как неотъемлемой части России, что в перспективе подрывает ялтинско-потсдамскую основу территориальной стабильности Европы и мира.

Положение российских войск и проблема их вывода обсуждается в русле прибалтийских, а не российских инициатив и в таком случае не гарантирует от появления в этом регионе вооруженных сил третьих стран (НАТО). Российское руководство с попустительства парламентского Комитета по международным делам безропотно приняло навязанную прибалтийскими "народными фронтами" концепцию "восстановления довоенных государств", из которой следует, что Россия была оккупантом, российские войска - оккупационными и подлежат безоговорочному выводу, а демографическая ситуация - следствие оккупационного режима, что, якобы, оправдывает власти Прибалтики в их беззастенчивой попытке лишить русских гражданских и политических прав, возможности получить образование на родном языке и вытеснить их в Россию как беженцев со всеми ужасающими политическими, экономическими и гуманитарными проблемами.

В концепции НАТО появился опасный и далеко идущий тезис об "экспорте стабильности", в значительной мере санкционированный бездумным согласием России на решения Совета Безопасности ООН, дающие мандат НАТО на

операции в Югославии, впервые выходящие за рамки действия Североатлантического договора. Даже на Западе эти решения показались слишком рискованными, но получили поддержку России.

Драма в Югославии. Все попытки военным грубым давлением повлиять на сербов, расчлененных противоправным образом на шесть квазигосударств, завели в очередной тупик, и даже Г.Киссинджер с присущим ему прагматизмом заявил, что сербы должны иметь возможность самоопределения в едином государстве, справедливо полагая, что на фоне предательства официальной России возможный дальновидный шаг США навстречу сербам навсегда уничтожит там российское влияние.

Россия потеряла самостоятельность и инициативу в решении вопросов стратегической обороны, заключив сомнительные договоры в области ядерного разоружения, хранения и перевозки некоторых видов оружия, прямо и косвенно подрывающих некоторые важнейшие аспекты безопасности и единство ее военно-стратегического пространства.

Если на Севере Россия почти возвращена к положению до Ливонской войны и может потерять обеспеченный в военном измерении выход к морю, то на Черном море развивается небывалая драма крушения исторической роли России как черноморской державы, что грозит непредсказуемыми последствиями для баланса сил в этом бассейне и возрождением, казалось, оставленного в прошлом веке Восточного вопроса.

Правительство явно отказалось от Севастополя как от неотъемлемой части России и ее военно-морской твердыни, а решения российского и украинского президентов о разделе Черноморского флота равносильны его уничтожению. Зрелое современное решение Верховного Совета о подтверждении российского статуса Севастополя вызвало явное раздражение "беловежских сил" на уровне Правительства и его клевретов, которые не замедлили объявить подтверждение российского статуса Севастополя в качестве авантюристического акта (!!!), окончательно показав себя как "партия измены".

На этом фоне Турция откровенно спешит утвердить свое влияние на Кавказе и Средней Азии, возродить идеи Великого Турана, нацеленные на отрыв и стратегическую переориентацию мусульманских и тюркских народов, среди которых Татарстан и Башкирия, что взорвет уже и саму Российскую Федерацию.

Германия, подобно кайзеровской, устремляет свои капиталы и инициативы на Украину и в Прибалтику. В это самое время Россия продолжает экономическую благотворительность по отношению к откровенно антироссийским силам, которые не скрывают желания дистанцироваться от России и поощрять все тенденции в ущерб России. При этом в конфликтах в республиках СНГ по вопросу о своем историческом выборе российское руководство с циничной беспристрастностью относится к тем, кто тянется к России и к тем, кто объявляет ее врагом, что отнюдь не уберегло российское руководство от втягивания в эти конфликты.

В такой обстановке возникает закономерный и печальный вывод: нация утратила инстинкт самосохранения, а на авансцене политической жизни оказались люди, полностью лишенные подлинного национального сознания.

Крайние адепты "нового мышления" (как и большевики) исповедуют исключительно планетарное сознание, обрушивая всю мощь и истовость своей ненависти к России как историко-философскому феномену на "партию войны" - то есть на тех, кто осмеливается возвысить свой голос в защиту исторически преемственных интересов и рубежей. У отечественных мондиалистов (в отличие от их коварных западных вдохновителей, сохраняющих по отношению к собственным интересам вполне "старое мышление") понятие национальных интересов принадлежит к отжившим идеалам, а мир опять движется к одному образцу.

Итак, классовый подход к международным отношениям, о котором вряд ли стоит жалеть, сменился очередным, еще более опасным доктринерством - мондиализмом. Опять налицо вульгарное, материалистическое и евроцентристское видение мира не в его многообразии культур и цивилизаций, а как идущего к одному образцу. У открытых марксистов и троцкистов это был коммунизм, а у их современных кузенов - мондиалистов - это глобальная вестернизация. На этом пути одни страны якобы уже преуспели, а другие, пока еще не цивилизованные, отстают в силу "шовинизма", "имперских амбиций" и неприобщенности к "общечеловеческим ценностям". Поскольку, откровенно не принимающему своеобразие России, Западу на сей раз не угрожает ради уничтожения ненавистной православной системы ценностей самому сгореть в огне мировой революции, он стал полным союзником сегодняшних мнимых антикоммунистов.

Поборники "нового планетарного сознания" сохраняют абсолютно большевистскую нигилистическую интерпретацию всей российской истории. Они, черпая свое вдохновение в идеях Троцкого, отрицают все исторически преемственные интересы державы, оставляя в качестве концепции внешней политики "идею демократии", "прав человека", которая и сделает Россию якобы той самой "первоклассной державой", которую с радостью примет "мировое цивилизованное сообщество". Подобный схематизм и доктринерство не имеют шансов обеспечить серьезную основу для сколько-нибудь успешного национального курса.

Но вечным спутником доктринерства, этой "этики убежденности" в правоте идеи по Макс Веберу, является

историческая безответственность и игнорирование геополитических, исторических и цивилизованных реальностей и последствий. Геополитическая катастрофа разрушения исторического государства российского и дальнейшая дезинтеграция его политического облика привели к таким тектоническим потрясениям и сдвигам в мире, перед которыми давно померк эффект объединения Германии. Понять задачи внешней политики России с целью привести мир к равновесию, можно лишь отказавшись от бесплодных трафаретов и основываясь на реальном понимании исторического процесса, его движущих сил и, главное, осознав ту роль, которую играла и должна играть в этом взаимодействии Россия. Основой внешнеполитической концепции может быть только идея национального интереса, которая имеет выражение не только в конкретных материальных понятиях территории, военно-стратегического пространства, зоны жизненных интересов, осознанно ограждаемой от экспансионизма других. Национальный интерес имеет также метафизические категории. Это обеспечение внешних условий для полнокровного развития не столько "общечеловеческих ценностей", являющихся ни чем иным, как попыткой установить в мире, где четыре пятых человечества живет вне западноевропейской цивилизации, политические стандарты, выросшие на основе протестантизма, а присущих только своему народу мироощущения и этики гражданских, политических и экономических отношений.

Отличникам истмата, идеологам нового мышления невдомек, а кое-кому явно ненавистен тот факт, что православная Россия никогда не была частью западноевропейской цивилизации в той ее ипостаси, что основана на рационалистической философии Декарта, идейном багаже Французской революции и протестантской этике мотиваций к труду и богатству. К тому же Россия - сама целый мир культур и должна охранять и защищать все его основы, иначе многие народы предпочтут раствориться не в западноевропейских, а в иных, более близких им, ценностях.

* * *

Итак, беспрецедентная конкуренция за новые сферы влияния, а вовсе не "вхождение России в мировое цивилизованное сообщество" - вот главное содержание нашей эпохи! Мощь восточного соседа России - Китая - похоже игнорируют близорукие мондиалисты и в Москве, и в Вашингтоне. Чуткий, как и весь Восток, к слабости партнера Китай, модернизирующийся без всякого саморазрушения и серьезно планирующий свою внутреннюю эволюцию и внешние позиции не менее как на сто лет, имеет с Россией границу протяженностью около семи тысяч километров. Данные о его народонаселении и технологическом потенциале, по оценкам специалистов, занижены почти на одну треть, а один из справочников дает возможные цифры его военных расходов к 2000-му году - около одного триллиона долларов... (в ценах 1987 г.). Китай - обладатель ракет средней и меньшей дальности, которые в угоду односторонним европейским симметриям были уничтожены в СССР. Отсутствие в таких условиях всякого намека на панорамное видение мировых процессов и желание односторонне разоружаться у российских новомышленников кажется либо наивностью, либо политической и национальной некрофилией.

Нынешнее расчленение состояния Советского Союза вовсе не означает невозможности для мудрой российской внешней политики воспрепятствовать обрисованным лишь схематично угрожающим России и стабильности мира тенденциям. Перед ответственным за судьбу своего народа, а также стабильности столь почитаемого новомышленниками "цивилизованного сообщества" политикам во всей своей многогранности встает задача сохранить геополитический облик ареала исторического государства российского, воспрепятствовать стратегической переориентации отделившихся частей на иных (не входивших в единое государство) партнеров, устранить соблазн для третьих стран, где бы они не находились, бороться за сферы влияния на территории бывшего СССР.

У этой концепции должен быть кристально ясный принцип, на котором базируется безопасность России и ее внешняя и оборонная политика: территория исторического государства российского, существовавшего в последней своей исторической форме как СССР, есть зона жизненно важных интересов Российской Федерации, других народов этого исторического государства, но не третьих стран. Ни из одной точки этой территории не должна исходить угроза безопасности России, и ни одной точке этого пространства не должна угрожать опасность извне для интересов России.

Тезис о зоне жизненно важных интересов России имеет юридическое бесспорное обоснование. Российская Федерация является правопреемником всех договоров Советского Союза в области разоружения, особенно ядерного. Именно территория СССР в конкретных военно-стратегических характеристиках, измерениях и конфигурациях определена как то географическое пространство, на котором продолжают действовать все договоры по разоружению, включая фундамент всей системы - Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО), Договор ОВС-1, Договор ОСВ-2, Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (Договор по РСМД), Договор о сокращении обычных вооружений в Европе (Договор об ОБСЕ) и Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор о СНВ).

Все эти договоры имеют один и тот же базис - единое военно-стратегическое пространство, единую границу этого пространства. Помимо этого, в Договоре по ПРО и Протоколу к нему (1974 г.) содержится обязательство не

развертывать в будущем РЛС предупреждения о нападении стратегических баллистических ракет, кроме как на позициях по периферии своей национальной территории с ориентацией вовне, так как иначе (перенесенные вглубь территории) РЛС предупреждения одновременно могли бы выполнять функции РЛС системы ПРО.

На территории бывшего СССР расположено 9 РЛС предупреждения о ракетно-ядерном нападении: в РФ - три; в Казахстане - одна; в Азербайджане - одна; на Украине - две (одна из них в Севастополе); в Белоруссии - одна; в Латвии - одна. То есть, эти РЛС расположены по периферии территории СССР и не могут быть переориентированы или перенесены вглубь территории на границу нынешней Российской Федерации, что было бы нарушением Договора по ПРО (статьи IV), которым давно тяготеют США.

Признав правопреемство и континуитет России по отношению к этим договорам (а это признано всеми), мировое сообщество признает, что Российская Федерация приняла военно-стратегическое пространство Советского Союза в качестве зоны своей договорной ответственности и безопасности. Иначе говоря, военно-стратегическое пространство СССР стало военно-стратегическим пространством России. Очевидно, что Россия не может допустить появления на нем вооруженных сил третьих государств и вступления частей этого пространства в союзы и блоки, направленные против Российской Федерации.

Совершенно очевидно, что силы, не заинтересованные в сохранении основ для такой концепции, будут прямо и косвенно способствовать разрушению или девальвации существующей системы договоров по противоракетной обороне, связывающих всю территорию СССР в качестве военно-стратегического пространства России, в частности, через новые коварные инициативы в области ядерного разоружения. Все такие инициативы должны быть анализированы именно с точки зрения незыблемости военно-стратегического пространства СССР. Для этого Российская Федерация - единственный правопреемник СССР в качестве ядерной державы - должна сохранять ядерные вооружения в таком количественном и качественном объеме, который побуждал бы США быть заинтересованными в сохранении существующей договорной системы ПРО. (Подписанный недавно договор СНВ-2, безусловно, не удовлетворяет этим критериям. В нем отсутствует прямое и недвусмысленное подтверждение сторонами приверженности обязательствам, вытекающим из Договора по ПРО, что изымает суть договоренностей и в перспективе развязывает американской стороне руки для обхода этого фундаментального договора.)

Единое военно-стратегическое пространство - это категория историческая, реальная и правовая. Оно сформировалось в результате разгрома союзниками стран оси во Второй мировой войне и закреплено в Ялте, Тегеране и Потсдаме. В политике "цивилизованного" Запада отчетливо проявляется тенденция заменить итоги второй мировой войны, которую СССР выиграл, на итоги войны холодной, которую он проиграл. Но эти итоги были подтверждены спустя 35 лет в Заключительном Акте Хельсинки, подписанном главами 35 государств Европы, США и Канады. Россия должна бережно охранять эти итоги, иначе, как это всегда бывает в истории, будут посеяны семена войны новой.

Таким образом, любые попытки игнорировать понятие единого военно-стратегического пространства для России и использовать его во враждебных для России целях должны подлежать немедленному пресечению. Все государства, члены ООН обязаны считаться с приоритетными интересами безопасности России в этом жизненно важном для нее районе - едином военно-стратегическом пространстве Советского Союза.

Только такая концепция реально восстанавливает исторически преемственные интересы и связи. Она сохраняет условия для мирного восстановления законного конституционного пути разрешения кризиса на территории СССР, что не исключает вопроса о самоопределении его народов, если на то есть конституционно выраженная воля. Эта концепция, очевидно, не вступает в противоречие и с раздельным развитием в нынешнем состоянии, ибо на Алма-Атинской встрече было подтверждено сохранение единого военно-стратегического пространства.

Область взаимоотношений с частями исторического государства Российского, СНГ, должна стать приоритетной задачей российской по-литики, нацеленной на бережное и осознанное поддержание единства экономических, политических и геополитических интересов всех партнеров, на предотвращение чьих-либо попыток переориентировать части СССР на новых опекунов. Бездумные заявления о приверженности только западным ценностям и горе-доктрине о "вхождении в мировое цивилизованное сообщество", где под "цивилизованной" понимается лишь западноевропейская цивилизация, не только толкает азиатские республики в объятия Турции, Афганистана, Пакистана и Китая, но и угрожает распадом самой Российской Федерации. Захочет ли бурят или сибиряк раствориться в безразличной им системе ценностей? Они могут предпочесть раствориться в той, что ближе им по духу.

Активное и осознанное ограждение от стратегического влияния третьих стран всей территории бывшего СССР ни в коем случае не означает давления и шантажа, ибо вовсе не препятствует нормальным и естественным политическим, экономическим, культурным и иным контактам новых субъектов международных отношений со всем миром. Но при этом необходимо четко дать понять, что Российская Федерация опирается на пророссийские силы в новых государствах, и именно они пользуются преимущественной поддержкой России во всех областях взаимоотношений - политической, экономической, культурной и т.д. Сейчас же поддержкой пользуются "беловежские силы" и широко практикуется недопустимая экономическая благотворительность по отношению к тем, кто откровенно торпедирует

попытки сохранить экономическое пространство и демонстрирует нелояльность.

Российская политика должна ясно демонстрировать мощный импульс политической воли к решению национальных задач, четкое осознание своей геополитической миссии и своей роли в мире и в судьбе соотечественников, не по своей воле оказавшихся на чужбине. Россия имеет полное моральное, политическое и юридическое право и обязана защищать интересы расчлененного русского народа и всех тех, кто сохраняет отношение к России как к своей родине и связывает с ней свою судьбу.

Политика Российской Федерации по отношению к частям Советского Союза должна обеспечивать сохранение условий для мирного восстановления единого государства. При этом надо четко осознавать, что силовые методы и военные решения полностью исключаются, ибо только свободное волеизъявление народов может окончательно решить кризис государства. Российская внешняя политика должна исходить из уважения к статус-кво, соблюдения вытекающих отсюда норм поведения, оставляя задачу сохранения и восстановления единства исключительно политическим, дипломатическим, экономическим и духовным инициативам.

При этом всем, кто признает или даже приветствует окончательность распада, так и тем, кто не признает его, следует в полной мере осознавать некоторые международноправовые и политические реалии и последствия противоправного расчленения СССР.

По действующей Конституции России Российская Федерация является частью единого союзного государства, правопреемника исторического государства Российского, незаконно объявленного несуществующим в декабре 1991 г. При этом по действующей Конституции ратифицировать Беловежские соглашения может только съезд. Следовательно, то одобрение, которое дал этому сговору Верховный Совет, не может считаться ратификацией.

Процесс национально-государственного переустройства СССР не является легитимным, поскольку не было проведено единой для всех конституционной процедуры выхода, в ходе которой каждый народ на территории союзных республик, заявивших о желании стать независимыми государствами, должен получить возможность свободного волеизъявления, и поэтому правомерно может считаться незаконченным.

Нынешний статус бывших республик СССР, объявивших о своем выходе, юридически ущербен, ибо не имеет главной основы легитимности - конституционной преемственности. Юридически некорректными являются попытки представить некоторые бывшие союзные республики в качестве восстановленных государственных образований, появившихся в процессе революции и гражданской войны и прекративших свое существование с образованием СССР и в 1940 г., ибо не было легитимного отделения этих частей от Российской империи. Их статус также не имел конституционной преемственности.

Российская Федерация не заявляла о своем выходе из СССР и потому является не только правопреемником СССР, каковым в известном смысле являются все другие части, но и единственным продолжателем личности союзного государства, то есть обладает континуитетом по отношению к СССР. Из этого вытекает один очень важный вывод: присяга Советскому Союзу автоматически есть присяга его продолжателю - России, а затем и тому восстановленному государству, которое возродится после смуты.

Взаимоотношения Российской Федерации - продолжателя личности СССР - с другими частями союзного государства строятся на уважении статус-кво, но должны исходить из вышеизложенного. С точки зрения юридической интерпретации категории права наций на самоопределение именно это право и было попрано и заменено на право территорий, которые почти все являлись многонациональными государствами. Отсюда вытекает правомерность считать, что русский народ является разделенной нацией, имеющей право на воссоединение.

Именно поэтому конфликты в Приднестровье, Осетии, Абхазии, Таджикистане и др. были прямо запрограммированы разделом страны. Попытки проявить "участие" в судьбе народов, борющихся за свой исторический выбор и положение русских, на основе признания их как конфликтов на территории суверенных государств в соответствии с Беловежскими соглашениями уже проявили свою бесплодность, ибо имеют в большей степени моральные, а в меньшей степени юридические основания.

При уважении нынешнего раздельного развития республик, новая концепция отношений с отделившимися частями должна исходить из определения конфликтов в Приднестровье, Осетии, Грузии, Таджикистане как конфликтов по вопросам незавершенного выхода из единого государства, где каждый народ имеет право на самоопределение во всей его полноте. Конфликт в Карабахе имеет не только эти черты, но и свою отличительную историю и истоки, восходящие к территориальному творчеству большевиков и кемалистов двадцатых годов. Этот конфликт особенно труден, огромная вина лежит на тех, кто немедленно после Сумгаитских событий не ввел там президентское правление.

Россия не должна забывать об идеях Великого Турана, быстро возрождающихся в Турции и на территории СССР, помнить о важности соблюдения баланса в развитии и геополитических устремлениях христианского и нехристианского миров. Но при этом Россия не может позволить себе роскошь быть втянутой в конфликт любыми

силами, видящими в России лишь прибежище в момент национальной катастрофы, а затем готовыми повернуться к ней спиной. Все ставки, возможности, будущее должны быть тщательно взвешены всеми участниками конфликта и самой Россией прежде чем сформулировать свои стратегические интересы и готовность к обязательствам.

Сложность выработки действенного курса России в отношении военных конфликтов между осетинами, абхазами и грузинами имеет ряд аспектов. Совершенно очевидно, что за этническим противостоянием лежит борьба по вопросу об историческом выборе. Если бы Гамсахурдия не объявил Россию врагом номер 1, возможно, не было бы ни осетинского, ни абхазского "сопротивления". Российские политики относятся с циничной беспристрастностью к силам, тяготеющим к России и к откровенно антироссийским кругам.

Россия однозначно не должна поддерживать антироссийские силы, и оказывать хотя бы явную моральную и политическую поддержку своим друзьям, преданным в Беловежской Пуще. Но это не означает, что любая пророссийская сила может неограниченно втянуть Россию в военные действия в качестве инструмента. Если участие России неизбежно в силу нравственных обязательств и объективных условий (нахождение российских войск на территории конфликта, судьба русских или угроза интернационализации конфликта, чего нельзя допускать ни в коем случае), то такое участие должно быть тщательно продуманным, осознанным следствием и инструментом собственной по-литики с четко определенными целями и стратегическими задачами. Недопустимо поманить своих приверженцев, а затем вновь бросить их на произвол судьбы. Но и те должны иметь четкое представление о своей готовности сделать окончательный выбор. Важно не забывать, что все народы - и те, кто трубит о России как враге, и те, кто демонстрирует лояльность и упование - явились жертвой чудовищной исторической провокации. Необходимо не разрушать основы для осознания всеми этой трагедии и восстановления исторической памяти и отрезвления.

При естественном стремлении избежать кровопролития и эскалации любых конфликтов и вовлеченности России следует осознавать, что дистанцирование России лишь приведет к немедленному заполнению вакуума третьими силами. Так или иначе России придется реализовывать и защищать свои интересы в этих регионах. Так, например, уход из Таджикистана повлек бы превращение этой республики в конфликтный узел глобального противостояния и кровавых перманентных войн, постепенно стягивающих территории России к северу. То, что происходит сейчас на южной границе Таджикистана, будет с еще большей разрушительной силой происходить сначала на южной границе Казахстана, а затем и Российской Федерации. Таджикистан граничит с Афганистаном, Пакистаном, Китаем и всего несколько десятков километров отделяет его от Индии.

Уход части таджикской территории в Афганистан вызовет сецессию таджикских киргизов в Кыргызстан, а киргизские узбеки немедленно заявят о присоединении к Узбекистану. Экспансия афганских моджахедов, поддерживаемая Пакистаном, породит проблемы с Индией, а за конфликтом этих держав всегда стояли интересы США. Приведенные очевидные перспективы лишь показывают, как наивны предположения о том, что Россия, уйдя из Средней Азии вообще, обрела бы покой на своих южных рубежах. Государства слагаются веками и границы пишутся кровью. Великой державе приходится сдерживать опасное развитие событий иногда ценой не всеми понимаемых жертв. Важно обеспечить единое осознание всеми южными республиками этих задач, сделав сдерживание многосторонним.

То же относится и ко всему региону Северного Кавказа, где проявляется наследие Российской империи (память о Кавказской войне), а также весь комплекс большевистских экспериментов с народами по доктринерскому принципу "сколько наций, столько государств". Необходимо время, чтобы осознание неизбежности восстановления закона пришло на Кавказ. Кризис незаконных структур власти и попыток уйти совсем из России налицо. Пока Россия должна проявлять мудрость и твердость в отстаивании прав русских.

Провал прибалтийской внешней политики российских "новомышленников", угрожающий некомпенсированной потерей выхода к морю на Балтике и стратегической неопределенностью, перерастающей в превращение этого региона в зону стратегических инициатив США и НАТО и вопиющим попранием прав человека русских и русскоговорящих жителей, а также унижением российских военнослужащих - очевиден. Но никакие спорадические резкие заявления российского руководства не способны радикально изменить ситуацию, ибо сама концепция "отделения" прибалтийских республик, навязанная народными фронтами и безропотно принятая российскими неолевыми - обличителями "тюрьмы народов" - лишает всех основ для отстаивания законных исторических преемственных интересов России в этом важнейшем регионе.

Эта концепция состояла в восстановлении довоенных прибалтийских государств на том лишь основании, что решения Верховного Совета Литвы, Латвии и Эстонии 1940 года о вхождении в СССР не имеют юридической силы, поскольку эти советы были избраны в условиях оккупации и недемократическим путем. Но признав это, российское Правительство само, вольно или невольно, признало, что данные республики в течение 50 лет были оккупированы, и, следовательно, находящиеся там войска являются оккупационными и подлежащими безоговорочному выводу, а демографическая ситуация - результат "оккупационного режима", что оправдывает якобы прибалтийские правительства в их политике лишения "колонизаторов" политических прав. В таких условиях российским дипломатам ничего не остается делать, как "угovarивать" своих прибалтийских партнеров сменить "гнев на милость".

Совершенно очевидно, что тезис о "недемократичном избрании Верховных Советов Прибалтики 1940 года" принадлежит к таким, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть, хотя ни один юрист не сумел бы найти

черты оккупационного режима в этих республиках. По-видимому, поборники универсальной легитимности в качестве "бесспорной" точки отсчета взяли Договор Ульманиса и Иоффе 1920 года, по которому Латвия становилась независимым государством.

Применяя тот же стандарт, что предложили прибалтийские политики для событий 1940 года, можно с гораздо большей определенностью сделать вывод, что никакого законного, легитимного отделения Прибалтики от Российской империи не было. Ульманис, диктатор фашистского типа, вообще никем не избиравшийся, пришел к власти на немецких штыках в условиях германской оккупации. Большевик Иоффе представлял правительство, не контролировавшее всю территорию страны и никем в мире не признанное. А договор, бесспорно, содержал тайные или устные статьи. Ибо Ульманису была передана Латгалия - часть Витебской губернии взамен на определенные услуги - по мощь большевикам в окружении и разгроме армии Юденича... В архиве Внешней политики СССР имеется письмо Г.В.Чичерина, где есть такие строки: "...Мы отдали Эстонии чисто русский кусочек, мы отдали Финляндии Печенгу, где население этого упорно не хотело, мы не спрашивали Латгалию при передаче ее Латвии, мы отдали чисто белорусские местности Польше. Это все связано с тем, что ...верховным принципом является самосохранение Советской Республики, как "цитадели революции" (С.А.Горлов "СССР и территориальные проблемы Литвы", Военно-исторический журнал, М., 1990, № 7, стр. 28).

Приводимые факты из территориального передела времен революции и гражданской войны вовсе не служат задаче выдвинуть территориальные претензии нынешним правительствам Прибалтики, а лишь демонстрируют необоснованность и юридическую несостоятельность концепции восстановления довоенных государств.

Совершенно очевидно, что в основу нового действенного курса Российской Федерации в отношении Прибалтики должно быть положено и донесено до всех четкое понимание, что мы имеем дело не с довоенными государствами, а с отделяющимися частями Советского Союза, то есть с бывшими Латвийской, Эстонской и Литовской Советскими Социалистическими республиками, пожелавшими стать независимыми государствами.

При этом нелишне вспомнить историю вхождения этих территорий в состав России. Ко времени окончания Северной войны латыши и эстонцы были не историческими субъектами, а мало кому известными этносами, подданными "Короны Свейской". Территории эти были переданы России не только в результате военной победы России, но и в результате уплаты Его Царским Величеством Королевству Свейскому двух миллионов "ефимков исправно без вычета" (Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992, с. 122). Выдержки из Ништатского мирного договора явно дают основания для компенсации России затрат на приобретение и последующее обустройство этих территорий, а также строительство портов.

В любом случае, предлагаемая концепция дает возможность вести дело с партнерами без каких-либо прав на обвинения. Вооруженные силы - это войска, волею судьбы оказавшиеся на отделяющейся территории, и вопрос о их выводе решается согласованным путем, причем в первую очередь соблюдаются интересы стороны, которая не была инициатором "развода". Из такой концепции следует четкое основание для равного подхода к представлению гражданства, ибо нет оккупантов. Причем вполне правомерно считать новые правительства Латвии и Эстонии, избранные при лишении почти половины граждан права участия в выборах, как незаконные. Бесспорно и право России требовать договорные гарантии со стороны Прибалтики, а также и НАТО в том, что в случае вывода российских войск их место не займут подразделения НАТО. Только после решения всех этих вопросов можно вернуться к рассмотрению проблемы полного или частичного вывода российских войск.

Необходимо четко и ясно заявить о российских геополитических интересах не только на Балтике, но и на Черном море. Пора прекратить делать хорошую мину при плохой и давно вышедшей из под контроля игре в вопросах Крыма и подтверждения российской принадлежности города Севастополя, являющегося не только исторической святыней, но и ключевым моментом в будущем России как Черноморской державы, а также сохранения военно-стратегического баланса в этом регионе.

Следует заметить, что именно промедление с окончательным решением вопроса о статусе Крыма, робкое начало которому было положено признанием акта о передаче его в 1954 г. неконституционным, как раз может привести к югославскому итогу.

Пора посмотреть правде в глаза и понять, что СНГ - это никакое не объединение "братушек - славян", а простой протокол о намерениях, который киевские политики даже не думали соблюдать, но по которому Россия должна отказаться от Крыма, от города русской славы - Севастополя и Черноморского флота, да еще продавать нефть за рубли. Сейчас уже всем должно быть ясно, что возобладавшим на киевской политической сцене деятелям, пытающимся отравить русофобией всю Украину, в значительной мере исповедующую общерусское мировоззрение, роспуск СССР и провозглашение СНГ нужны были лишь для того, чтобы, взяв контроль над частью общесоюзной армии и захватив Черноморский флот, закрепить свои необоснованные претензии на Крым, а также навсегда ослабить Россию.

Настойчивость и беззастенчивость, с которыми киевские лжедемократы нарушали все договоренности буквально через считанные недели после Беловежского сговора, свидетельствовали о невозможности сохранить совместный

контроль и о далеко идущих замыслах, которые стали очевидными, когда с попустительства российского Правительства Черноморскому Флоту подписан смертный приговор. Именно уничтожение Черноморского Флота будет результатом реализации только что подписанного Л.Кравчуком и Б.Ельциным соглашения о его разделе.

Пока мир с недоумением уже готов поверить в то, что нынешнее руководство России собирается примириться с ненормальным возвращением России к "положению после Крымской войны", Украина спешно наращивает военную силу. Настойчивость и скорость, с которыми Киев нарушал дух и букву того документа, который преподносился народам как панацея от конфликтов в СНГ, показывают, что Украина ощущала ущербность своих прав на Крым в силу абсолютно очевидной неконституционности указа 1954 года о передаче ей Крыма. Зависимые от поддержки националистов, нынешние украинские посткоммунистические лидеры понимают, что в исторической перспективе Россия осознает свои национальные интересы, и поэтому стремятся к этому моменту стать уже военной державой, чтобы страх перед "югославским вариантом" заставил Россию уступить. Этот страшный вариант скорее всего нам и уготован, если Россия будет медлить с конструктивной реализацией отмены указа 1954 года.

Пока Украина не имеет полноценных вооруженных сил и не "привыкла" еще считать себя Черноморской державой и владелицей Крыма, сильные и столь спасительные для всего региона и будущего мира шаги России вызовут лишь политический шум, хотя и достаточно громкий. Вероятно, крайние националисты будут требовать от Киева выхода из СНГ и обрушатся гневом на "империю". Можно и нужно ли во что бы то ни стало пытаться это предотвратить? Что же реально изменит возможный выход Украины из этого уже почти почившего в бозе образования?

Киев с самого начала демонстрировал цели, совершенно отличные от целей других республик в отношении Содружества, и откровенно торпедировал все попытки добиться большего объединения рассыпающегося "геополитического пространства". И если до сих пор целый ряд республик считали бы желательным (но, увы, все более невозможным) сохранить существующие связи, общее стратегическое пространство, если не единые, то хотя бы объединенные вооруженные силы, то задачей киевского правительства от начала процесса и до нынешнего дня было не допустить этого.

Надо отдавать себе отчет в том, что сегодня на политической сцене Украины, к сожалению, в силу совокупности объективных и субъективных факторов, сформировались влиятельные силы, чья значимость невозможна без поощрения любых тенденций в регионе в ущерб России, без игры на избавлении от "комплекса младшего брата", без демонстративного отказа исходить в политике из общеправославной цивилизации, общей судьбы. Примечательно, что после подписания Б.Ельциным и Л.Кравчуком соглашения об уничтожении Черноморского флота Первый заместитель Председателя Верховного Совета Украины В.В.Дурдинец провел координационный Совет по обороне и безопасности Всеукраинского Конгресса. Выступавшие Дурдинец и Черновил оценили соглашение как выдающуюся победу Украины над нашим врагом - империей Россией, как результат, на который они даже не рассчитывали (!!!) и предложили дальнейшую программу действий. Главными задачами были сформулированы цели: "убеждать Россию, что мы якобы ее союзники в политической и экономической области с тем, чтобы выкачивать из российских экономических структур максимум возможного для нас; исключить всякую возможность поднятия населением Крыма и Севастополя своих требований по территории и гражданству; укомплектовать к 1995 году все руководство лицами украинской национальности, до минимума сократить русские школы, все делопроизводство, СМИ перевести только на украинский язык..."

В настоящий момент необходимо осознать, что восстановление роли России как великой державы и независимой силы во многом зависит от ее способности отстоять Севастополь. Нарушение Киевом всех договоренностей по Черноморскому флоту подтверждает явную для всех, кроме "новомышленников", иллюзорность сохранить двоевластие.

Юридическая база, скрывавшаяся от общественности беловежскими стратегами, достаточна. Севастополь был указом от 1948 года выведен из состава Крымской области и сделан городом республиканского подчинения, то есть не передавался вместе с Крымом в 1954 году. (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г., № 761/2. В декабре 1992 года юридический отдел ВС РФ подтвердил тот факт, что данный Указ не отменялся, не комментировался и не был признан утратившим силу при передаче Крыма Украине и до настоящего времени не отменен).

Отношения Российской Федерации с окружающим ее единым военно-стратегическим пространством должны строиться на основе четкого понимания своей геополитической миссии держателя равновесия между Западом и Востоком в их не блоковой, а в цивилизационной ипостаси. Россия - это евразийское государство, в котором соединены в невиданном в истории конструктивном взаимодействии почти все религиозно-этические системы. Россия сама является своего рода целым миром и должна защищать все его основы. Она никогда не станет Западом, что обещают легковверным обывателям прозелиты, но может превратиться с "помощью" неокиплинганцев из промышленно развитого Севера в отсталый Юг. Только ярко выраженная роль России как сильной азиатской и тихоокеанской державы придаст ей силу в европейских делах. Сохранение фундамента европейских реалий с помощью сильной традиционной европейской политики позволит России сохранить престиж в отношениях с главными и перспективными пограничными партнерами в Азии - Китаем, Японией, Кореей и Монголией.

Стабильность и поступательное развитие европейской идеи подорвано далеко идущими последствиями распада СССР. В Западной Европе есть влиятельные силы, которые с пониманием отнесутся к новой российской политике. Большинство европейцев вряд ли верят в долговечность нынешней политической линии Москвы. Сильная традиционная политика России, вопреки распространяемому мнению, упорядочит и сделает предсказуемыми европейские процессы, покажет пределы возможностей на Востоке для европейских держав. Россия должна осознавать важность незыблемости реалий, выросших на основе Ялты и Потсдама, подтвержденных в Хельсинки. Статус Калининградской области как неотъемлемой части России не должен подвергаться ни малейшей эрозии. Именно с этой точки зрения должны оцениваться все широковещательные прожекты создания там свободных зон и "европейского Гонконга".

* * *

Ответственность за выбор Западной Европы в отношении России во многом лежит сейчас на новой Германии. Ибо ответственность есть один из важнейших современных компонентов мощи. Если в мышлении мощной Германии победят оправдавшиеся в ходе истории расчеты Штрэземана и Ратенау, оценки Буллита и Гарримана, то Германия обретет нового понимающего германские традиции и интересы партнера, а Западная Европа получит в лице консолидирующейся России фактор стабильности самих западноевропейских тенденций.

Такая Россия не противоречит, а напротив, соответствует долгосрочным интересам будущей Германии XXI века, хотя и в ней есть силы, вольно или невольно способствующие "новому мировому порядку". Но это будет иметь результатом лишь "эфирократию" обладателя космических вооружений. Понравится ли Германии роль инструмента в однополярном мире, управляемом из космоса? Германия может и должна сформироваться в региональную супердержаву, только дополнив свой, разумеется, незыблемый американизм, самостоятельной и исторически предопределенной "восточной" политикой, в которой сильная Россия должна рассматриваться как важная несущая конструкция евразийского будущего.

Никогда еще за всю историю антагонизм Германии и России не приносил ценных плодов этим странам, а конфликт между ними взрывал мир чудовищными бедствиями. Это говорит о геополитической необходимости конструктивного и в реалистической мере независимого от других сил взаимодействия этих двух опор континентальной Европы. Сближение России и Германии в прошлом веке дало поддержку Пруссии в ее упорной борьбе за "объединение Германии сверху" "железом и кровью". Россия же получила жизненно важное для нее согласие Пруссии на отмену условий Парижского мира, лишивших ее в результате Крымской войны статуса Черноморской державы. В нынешнем этапе Германия уже получила от России поддержку в деле объединения и приобретения полного суверенитета. Как поведет себя Германия в отношении интересов России на Юге?

Во время русско-японской войны кайзер Вильгельм заверил Николая II в самом благожелательном отношении и гарантировал спокойствие на западных границах империи (интриги же США в Портсмутских переговорах немало способствовали потере Южного Сахалина). Нынешний этап отношений России с Японией также требует германской лояльности.

Во многом от осознанной и сильной политики России зависит возобладают ли в германской внешней политике воззрения на Россию и ее наследие в широком смысле как на объект для расхищения. Важным поворотом должна стать демонстрация сильной и ответственной русской политики в югославской драме, показавшей всю безнравственность новомышленников. Вряд ли можно прогнозировать ее разрешение без трезвой переоценки Германией своей бесперспективной "сербофобии". Здесь могла бы помочь сильная Россия, сочетающая свои исторические традиции и нравственные обязательства с "престижем у Запада", заработанным в последние годы. Это показало бы Германии, что Россия учитывает и германские интересы. Не диктат из-за океана или коварный опережающий шаг по совету Киссинджера, уже понявшего бесплодность плана Вэнса-Оуэна, а евразийские интересы - вот будущее этого Соломонова решения.

Необходимо обратить особое внимание на опасный поворот в событиях в связи с недавними решениями Совета Безопасности ООН, дающими НАТО мандат на военные операции в Югославии. Впервые создается опаснейший прецедент выхода НАТО за рамки действия Североатлантического договора. Это превращает НАТО, военную организацию определенных интересов, совсем не совпадающих с российскими, в мирового жандарма, действующего под эгидой "универсальной" международной организации - ООН, которая становится в результате бездумной политики Москвы марионеткой тех самых интересов.

Не исключено, что в будущем будет поставлен вопрос о подобных действиях и на охваченных конфликтами территориях республик СССР, расчлененного таким же противоправным способом как и Югославия, когда внутренние границы были спешно объявлены международными и неприкосновенными. Но вся территория СССР является военно-стратегическим пространством России, что должно быть донесено до сознания НАТО.

Хорошо, если благоразумие восторжествует и будущим историкам не придется расценить расчленение Югославии как новый "Мюнхен", не только не умиротворивший и не сохранивший германские интересы в рамках европейской идеи, а лишь спровоцировавший на новые соблазны. Тогда в борьбу немедленно вступят и другие партнеры по объединенной Европе. Франция будет стоять перед дилеммой Наполеона III- на кого ориентироваться, чтобы не быть "уничтоженной своей ложной политикой", как охарактеризовал ее исторический просчет в прошлом веке блистательный русский канцлер князь Горчаков. Вряд ли удержится и Великобритания от противодействия приобретению любой западноевропейской державой преобладающих шансов на влияние на части исторической России, ибо это всегда был стержень британской стратегии, сформулированной У.Черчиллем. А М.Тэтчер уже наносила визит в Баку, связанный с нефтяным интересом. Кошмар коалиций, мучивший Бисмарка, покажется на горизонте "разъединенной" соблазнами Европы.

* * *

Не только европейцы, но и США должны понять, что традиционная политика России удержит мир от сползания к глобальной перестройке (термин, правомерно ставший синонимом катастрофы). Когда протагонист "свободы и демократии" в Москве, Киеве и Тбилиси американский президент Дж.Буш, пообещав признание Украине, благословил Беловежские соглашения - этот Брестский мир-2, когда США признали Грузию, даже не дождавшись легитимизации тбилисского режима, вспомнился его духовный предшественник - другой "прекраснодушный" американский президент Вудро Вильсон с его известным образцом "нового политического мышления" времен революции и гражданской войны - Программой из 14 пунктов. Пункт VI настаивал на выводе всех иностранных войск и признании всех существующих де-факто (т. е., не заботясь о легитимности) правительств с тем, чтобы иметь "чистый лист бумаги, на котором мы начертаем политику народов, населяющих Российскую империю". (The Intimate Papers of Colonel House, Seymour, London, 1926).

Нынешняя политика вездесущих американских интересов побуждает назвать ее "неовильсонизмом". Их не смущает отсутствие основы легитимности нынешнего состояния исторического государства российского - конституционной преемственности.

Так же, как и в Программе Вильсона, Турции отводится роль в проблемах кавказского региона. Вновь поощряется союз Прибалтики, Польши и Украины, некое подобие черноморско-балтийской унии, рассматривается переориентация Средней Азии на нового "опекуна".

Вильсонизм времен революции основывало свою демократическую экспансию на отсутствии в мире, в континентальной Европе и Азии серьезных политических сил, кроме англо-саксонского "атлантизма". Неовильсонизм сегодня является провокацией не только по отношению к России, но и к миру, в котором взаимодействуют силы, которых, похоже, недооценивают самонадеянные заокеанские политики. Хотя историческое государство российское и переживает распад, процессы в нем не могут расцениваться законченными. Международная обстановка и баланс сил совсем иные, чем во времена поверженной в руины Европы и Версаля. Но и в 1918 году разрушенные Россия и Германия опрокинули расчеты формирующейся атлантической доминанты. (Не без коварного влияния этих сил Германия и Россия столкнулись в войне). Теперь же Германия, которую по меткому выражению Бисмарка "достаточно, так сказать, лишь посадить в седло, а уж поскакать она сумеет", сильна как никогда и ей нужен противовес.

В США немало сохранивших прагматизм сил, понимающих, что только сохраняющая свою историческую роль евразийской, азиатской и тихоокеанской державы Россия могла бы быть противовесом Китаю - этому колоссу в Евразии, а также во всем мире. Будущая Япония, в которой начат серийный выпуск суперкомпьютера, делающего триста миллиардов операций в секунду, принципиально обогнала в суперэлектронике последний шедевр знаменитой Силиконовой долины с его пятнадцатью миллиардами операций. За океаном должно наступить отрезвление и осознание того, что сильная Россия необходима для поддержания динамического равновесия между Севером и Югом, между Западом и Востоком.

* * *

России нужна новая восточноазиатская и тихоокеанская политика. Стержнем ее должно стать отношение к Китаю как главному партнеру не только в регионе, но и в более широком глобальном смысле. Несмотря на длительную конфронтацию, в истории русско-китайских отношений позитивный потенциал гораздо мощнее негативного. Важнейшим фактором российско-китайского взаимодействия является заинтересованность обеих стран в сохранении целостности и России, и Китая. Дезинтеграционные процессы в дальневосточных районах России и подобные тенденции в пограничных частях Китая имели бы взаимостимулирующее влияние, дав при этом новый импульс к такому фактору, панмонголизм. Непредсказуемость проблемы объединения корейского государства также побуждает

и Китай, и Россию к единому подходу к сохранению незыблемости итогов Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Китай и Россия - надежные партнеры в деле неукоснительного соблюдения решений Ялтинской конференции по Дальнему Востоку, то есть подтверждения статуса Внешней Монголии, возвращения СССР Южного Сахалина и принадлежности Советскому Союзу Курильских островов.

Наряду с этим следует постоянно учитывать объективно растущий вес Китая как военной силы и ядерной державы с несметным людским потенциалом, который, при резком ослаблении России и ее бездумном ядерном разоружении, может, как это всегда бывает в истории, породить экспансионизм.

Бездумное и безответственное отношение к принципу незыблемости итогов Второй мировой войны - фундамента всех послевоенных международных отношений - почти завело в тупик отношения России с Японией. Но именно этот принцип должен быть положен в основу нового этапа русско-японских отношений, а термин "возвращение" в отношении предмета территориальных претензий послевоенного японского государства навсегда изъят из официального языка российских должностных лиц. Ибо сам термин является концептуальной ревизией итогов войны, означая косвенное признание новой Японии в качестве продолжателя личности того японского государства, которое развязало и проиграло войну.

Профессионалам и государственным деятелям следовало бы знать, что ни ФРГ, ни Япония, ни объединенная Германия не обладают континуитетом по отношению к довоенным государствам и их правопреемство ограничено решениями держав, обладавших четырехсторонней ответственностью. Это вытекает из юридического толкования не случайно заложенного в послевоенное устройство принципа полной и безоговорочной капитуляции. Простая капитуляция означала бы лишь признание поражения в военных действиях и побежденные державы сами в качестве юридической стороны вели бы переговоры об условиях мира. Полная и безоговорочная капитуляция означает демонтаж прежнего государства как политического института, потерю им суверенитета и всех властных полномочий. Новые государства были созданы на условиях союзников в новых границах с новыми конституциями и новыми органами государственной власти. Если признать право послевоенной Японии на довоенную территорию, можно ли гарантировать, что в будущем Германия не захочет претендовать на территорию третьего рейха!

Концепция безопасности и исторически преемственной внешней политики России исключает военные авантюры. В ее рамках интересы державы могут быть достигнуты всем комплексом естественных дипломатических, политических и экономических средств. Никто в России не тоскует по эре, когда государственные усилия СССР в значительной мере тратились на "расширение зоны коммунизма", провоцируя оправданные страхи и противодействие Запада. Но России, как и любому другому на ее месте, важно, чтобы Польша, например, не вела себя по отношению к ней, как во времена И.Пилсудского, чтобы ничто не угрожало ее законным интересам на Балтике, что предполагает там, возможно в иной, чем ранее, форме, но необходимое военно-морское присутствие, а также гарантии, что там не появятся вооруженные силы третьих держав.

Военно-стратегическое измерение присутствует в таком подходе не как отражение воинственности, а как компонент, сохраняющий значение в современном мире. Заокеанские "неовильсонианцы" должны постепенно осознать, что Россия не будет участвовать во всех вполне имперских акциях США на международной арене вопреки своим интересам. У России есть свои интересы на Ближнем Востоке, в Азии и Африке, не совпадающие с американскими. При этом необходимо четко заявить о том, что эра, когда наше государство соперничало с Соединенными Штатами за сферы влияния во всем мире, делая ставку на сомнительные и часто выходящие из под контроля режимы, безвозвратно ушла в прошлое. Задачи России - это естественное обеспечение своих исторических рубежей и интересов, оборона своего военно-стратегического пространства. Россия должна сейчас, как и в прошлом веке, "сосредоточиться" и заняться своим укреплением.

Только бережное сохранение своего исторического наследия может сделать государственную стратегию средством процветания страны и восстановления ее роли хранителя равновесия "цветущей сложности" многообразного мира, которому угрожает единый стандарт и управление. У "первоклассной державы", у большого государства должна быть большая политика. Оно не может позволить себе роскошь быть объектом чужой воли. Россия может и должна стать фактором международной и межкультурной стабильности, равновесия и безопасности, только обеспечив стабильность и безопасность своих исторически преемственных интересов и рубежей. Россия нужна миру как Россия и должна остаться ею.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Ю. СОКОЛОВ,

кандидат исторических наук

Роль мировой политики, международных факторов в целом, внешней политики самой России в судьбе нашей страны существенно усилилась. Если в недалеком прошлом Советский Союз был одним из двух основных субъектов международной жизни, то сегодня уровень самостоятельности ("субъективности") наследников и правопреемников СССР, в том числе России, явно понизился: их международное и внутреннее положение в значительно большей степени, чем в прошлом, зависит от развития международной ситуации. И причина не только в объективно обусловленных глобальных процессах, - возрастании целостности, системности, взаимозависимости в развитии мирового сообщества, - затрагивающих положение и роль практически всех стран мира. Ситуация в нашей стране многократно осложнена распадом СССР, глубоким и многосторонним общественным кризисом. Начиная с 1985 г., она еще больше усугубляется действиями реальных властей страны, которые в значительно большей мере, чем это объективно обусловлено, "подлаживаются" под внешние давления.

Внешние факторы и в прошлом (1917-1985 гг.) играли огромную роль в судьбе страны, в формировании ее внутренних структур и внешней политики, но Советский Союз в те годы был все-таки "игроком" (а не "подыгрывающим"), хотя и вынужден был многим жертвовать в изнурительной, драматической борьбе за выживание с многократно превосходящими силами соперника.

Сегодня, на наш взгляд, самое важное для россиян - политических лидеров и рядовых людей - проникнуться спасительным чувством тревоги за международное положение страны, научиться видеть и слышать реальность такой, какой она является на самом деле, а не такой, какой рисуют ее убаюкивающие нас "сирены", избавиться от губительных равнодушия и благодушия. Лучше в этом случае "переборщить", чем недооценивать опасности.

Несколько свежих цитат для начала.

"Экономическая и даже политическая судьба (бывших республик СССР) ... все более переходит под опеку Запада";

"Россия не выживет, если не ввести оккупационные войска";

"В НАТО уже готовятся войска для СНГ";

"Необходимо вернуться к старым колониальным временам и вводить в конфликтных районах (СНГ) протектораты";

"Московская орда слабеет, и для нее на ступает страшный Суд... Лучше России погибнуть, исчезнуть с лица земли, чем заниматься созданием или удержанием Галактической империи".

Первая цитата принадлежит человеку, который играл первую скрипку в разработке стратегии "холодной войны" Запада против СССР - Збигневу Бжезинскому. Вторая - ныне американскому политологу, в прошлом советскому гражданину, Александру Янову, к рекомендациям которого самым внимательным образом относятся реальные власти в России и почти все его предложения пытаются осуществить в политической практике. Третья цитата - бывшему командующему Объединенными вооруженными силами СНГ, маршалу авиации Е. Шапошникову. Следующая мысль принадлежит Е. Боннер, роль которой в политической жизни страны трудно переоценить. Наконец, последняя цитата - В. Новодворской (она, кстати, тоже за оккупацию страны войсками НАТО), не последней фигуре в "демократическом" лагере. Подобные цитаты можно множить почти без конца. Они принадлежат, как видим, не безответственным журналистам, а людям, которые реально делают Большую политику.

Реальная жизнь заставляет серьезно отнестись к этим, казалось бы фантастическим, планам и предложениям. Обвальное ослабление экономической мощи страны, ее оборонного потенциала, развал СССР на самостоятельные государства и вероятное раздробление Российской Федерации, добровольный разрыв связей с бывшими союзниками, отказ от монополии внешней торговли, деморализация армии и органов безопасности, резкое ослабление научного и технологического потенциала, "новое политическое мышление", драматическое ослабление

самосознания народа и многие другие "неконтролируемые" процессы нанесли страшный удар по международным позициям России, горечь которого руководители западных стран и России пытаются ослабить политико-пропагандистскими мерами. Авторитет и влияние страны в мире существенно упали; уровень безопасности резко снизился; страна потеряла союзников и, по существу, оказалась в одиночестве; в колоссальных размерах идет перекачка национального богатства за рубеж (ближний и дальний). Страна по существу перестала вести самостоятельную внешнюю политику. Независимость России обернулась на деле "независимостью" от Большой, тысячелетней России и растущей зависимостью от Запада, о чем уже откровенно говорят его политические лидеры.

Ситуация усугубляется тем, что страна, на род переживают величайшую историческую драму, а власти убеждают население, что международное положение страны даже улучшается, безопасность ее надежно обеспечена, никто не собирается покушаться на ее суверенитет и т.п.

Озабоченность, тревога не должны перерасти в отчаяние, не должны вести к потере оптимизма и надежды. Возможности России не исчерпаны: это и не до конца разрушенный производственный и научный потенциал, и научно-технологические возможности военно-промышленного комплекса, и не до конца растроченная военная мощь, сохраняющиеся пробуждения самосознания, патриотизма и энергии народа, и славная и драматическая история России. Опора на прошлое, на историю России - существенна и оправдана: "Были времена и похуже, но ведь выдержали, пережили и остались Великой державой" (Э.А.Поздняков. - "Международная жизнь", № 1, 1993). Но, ради объективности, надо сказать, что, пожалуй, такой ситуации, в прошлом все-таки не было. Многие опоры, которые в прошлом позволяли преодолеть трудности, сегодня отсутствуют. Никогда ранее народ не был так ослаблен изнутри, никогда не было до такой степени размыто патриотическое сознание, никогда не было таких мощных разрушительных сил внутри страны, никогда не было такого всестороннего разлома общества, никогда страна не была так уязвима перед лицом внешнего воздействия.

Делу международной и российской безопасности больше всего может повредить в нынешних условиях благодушие и пустые разговоры о мире и безопасности при фактическом игнорировании реальных угроз, подстерегающих Россию во многих направлениях. (Напомню здесь несколько загадочное, будто для нас предназначенное, предсказание-предостережение апостола Павла из Библии: "Когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба").

* * *

Сегодня трудно встретить искренне заинтересованных в судьбе России людей, которые не критиковали бы внешнюю политику российского руководства и недавно обнародованную "Концепцию внешней политики Российской Федерации" (в дальнейших ссылках - "Концепция"). Такая реакция естественна: провалы в этой сфере и слабость Концепции слишком очевидны. Трудно не заметить разрыва их с национальными интересами страны, несоответствия реальной ситуации в мире.

Отсюда не следует, что Концепцию надо отвергнуть "с порога". Многие провозглашенные в ней намерения заслуживают одобрения и поддержки. Конечно, необходимо приложить максимум усилий, чтобы смягчить и стабилизировать обстановку в мире, добиться сбалансированного сокращения вооружений, улучшать отношения со странами Запада и Японией, поддерживать и углублять отношения сотрудничества и, возможно, партнерства с Соединенными Штатами и т.п. Но исходить при этом желательно не из благих пожеланий, а из реальных возможностей, из трезвого анализа обстановки в мире и в России. И добиваться этих целей не любой ценой, не ценой отказа от национальных интересов России. Иначе благие намерения приведут к противоположным результатам.

При оценке внешнеполитической концепции важно видеть и принимать в расчет не только "конечный продукт" (выводы, предложения, выбранные стратегические цели и тактические средства и т.п.), но также логику, использованную при формировании концепции, и основания, на которых она строится.

Даже при обсуждении концепции в журнале "Международная жизнь", носившем в целом апологетический характер, справедливо указывалось на отсутствие в ней философии внешней политики. Не менее существенно и то, что в Концепции ни прямо, ни косвенно не присутствует социология внешней политики. Иначе говоря, Концепция не выводится из реальных российских и мировых условий, из существующих закономерностей мирового развития. В лучшем случае она отражает лежащие на поверхности, а не глубинные, процессы международной и национальной жизни. Отсюда и ее недостатки.

Концепции, обнародованной МИДом, больше всего не хватает именно концептуальности, научной основательности, проникновения в суть происходящего. Россия - неразрывная часть мирового сообщества, которое развивается не столько по прихоти отдельных держав, сколько в соответствии с закономерностями, присущими человечеству в целом. Отсутствие в Концепции философии, методологии и социологии внешней политики обрекает ее на сугубый прагматизм, делает ее несамостоятельной и конъюнктурной.

Внешняя политика любой страны по своей природе должна быть гораздо более деидеологизирована, чем внутренняя; она в меньшей мере связана с особыми интересами тех или иных классов, в ней сильнее выражаются интересы страны как целого, в значительно большей степени она является отражением геополитической ситуации, от классовых интересов независимой. (Иллюстрацией может служить тот факт, что партии оппозиции социалистического, коммунистического, патриотического, либерально-демократического направлений находят общий язык по большинству проблем внешней политики; ход обсуждения на настоящем "круглом столе" также подтверждает этот вывод).

В современных условиях еще больше возрастают требования к дальнейшей деидеологизации внешней политики, т.е. к ее дистанцированию от внутриполитической борьбы в связи с возрастанием значения общих проблем всего мирового сообщества.

Реальная внешняя политика России на эти объективные требования, похоже, не реагирует. Основным, фатальным недостатком и Концепции, и практической внешней политики России - ее избыточная идеологизация. Вместо назревшей деидеологизации внешнеполитической деятельности на деле произошла ее переидеологизация, несмотря на декларации об обратном.

В той же мере, как внутренняя политика реальных властей России жестко подчинена идеологическим целям (в максимально быстрые сроки провести капиталистические преобразования, сделать их необратимыми и любой ценой), так и внешняя политика оказалась подчиненной тем же целям - скорейшей и необратимой реставрации, а не созданию благоприятных внешних условий выхода страны из кризиса, сохранения производственного потенциала и стабильности, социальной защиты населения (на Западе даже на официальном уровне многие откровенно заявляют, что помощь оказывается не России, а Правительству Б.Ельцина). "Большой скачок" осуществляется не только в социально-экономической сфере, но и в сфере внешней политики. Прежде всего, это проявляется в радикальной идеологической переориентации (реидеологизации). Характер внешнеполитических и внешнеэкономических отношений с внешним миром в огромной мере зависит от идеологических предпочтений реальных властей. Руководители внешней политики, в противоположность международной практике, активно участвуют во внутриполитической борьбе в пользу "своих" политических сил внутри страны и на международной арене. Это, конечно, не способствует защите подлинных национальных интересов страны, укреплению внешнеполитических позиций России и, наконец, формированию взвешенной, научной концепции внешней политики. Реставрационная "чесотка" (по аналогии с "революционной чесоткой") наносит стране, в том числе ее внешней политике, огромный ущерб.

Жертвой избыточной идеологизации прежде всего стала внешняя политика советского периода российской истории, что выразилось в предвзятой, сугубо отрицательной оценке этой политики, в радикальной переоценке всего внешнеполитического курса, в отрицании преемственности внешней политики. Я, отнюдь, не собираюсь брать под защиту проводившуюся в прошлом политику - в ней было немало ошибочного или "топорно" проводившегося в жизнь, со многим предстоит еще разобраться, но она безусловно не заслуживает полного отрицания.

Официальные лица охотно восприняли сугубо идеологический тезис Запада об "имперской политике", проводившейся Советским Союзом. Они могли бы принять во внимание тот факт, что, если Советский Союз и был империей, то весьма своеобразной, отвергавшей многие основные черты классических империй давнего и недавнего прошлого. Во-первых, дореволюционную и послереволюционную Россию образовали страны и народы, которые добровольно вошли в ее состав (Украина, Грузия, Армения, Казахстан, Молдова, Белоруссия и др.). Во-вторых, в России и Советском Союзе никогда не шла речь (на уровне официальной идеологии и общественного сознания) о превосходстве русского народа или Российской Федерации над другими народами или республиками. В-третьих, не республики были "донорами" для РСФСР, а Российская Федерация выполняла, к несчастью, роль донора для других республик, отдавая значительную часть создаваемого ее народом богатства другим (согласно официальной статистике, средний россиянин производил в полтора раза больше национального дохода, чем представители других республик). Тезис об "имперской политике" СССР - прием из арсенала "психологической войны". Нет смысла оспаривать слова Председателя комитета по внешней политике ВС РФ Е.Амбарцумова: "Поражение потерпела советская империя, победу одержала справедливость", - поскольку это вопрос не научный, даже не совсем политический, а нравственный.

Не выдерживает критики запущенное в последние годы "в серию" и ставшее официальным мнением утверждение, что на руководителях СССР лежит основная вина за развязывание "холодной войны". Если их не убеждают исторические факты, то они могли бы обратить внимание на высказывания Дж.Буша на съезде республиканской партии, выступление Дж.Бейкера в Принстонском университете, статьи Дж.Кеннана в "Нью-Йорк Таймс", другие материалы западной прессы, которые неоспоримо свидетельствуют, что инициатива в развязывании "холодной войны" исходила от Запада, прежде всего от США. Они свидетельствуют, что многое во внешней политике СССР (не все, конечно) было не результатом альтернативного политического выбора, а навязанной извне жестокой необходимостью.

Смена знаков в оценках прошлого - путь простой, временно, может быть, эффективный, но чреватый серьезными

последствиями в длительной перспективе.

События последних лет в мире рассматриваются внешнеполитическими деятелями России лишь как поражение социализма, как фактор сугубо положительный. В расчет не принимается, что в результате ослабли позиции России как великой державы, что уменьшились ее возможности влиять на положение дел в мире. Зб.Бжезинский был весьма откровенен: "Отправным пунктом... должно быть признание, что с исторической точки зрения крушение Советского Союза, который просуществовал 70 лет, более чем затмевается развалом великой Российской империи, которая существовала более 300 лет. Это событие поистине исторического масштаба, чреватое геополитической неопределенностью. Пройдет много лет, прежде чем уляжется пыль этого события, но уже ясно, что посткоммунистический переход в бывшей империи будет более трудным и гораздо более продолжительным, чем демократическая реконструкция как Германии, так и Японии после 1945 г."

Не может удовлетворить и оценка содержания и результатов практической политики, основанной на "новом политическом мышлении". Для всех очевидно, что надежды, связанные с этой политикой, не оправдались, более того, осуществились "с точностью до наоборот". Почему так произошло - ведь идеалы "нового политического мышления" гуманны и вытекают из реальных потребностей нашего времени? Почему "новое политическое мышление" оказалось иллюстрацией старинного выражения, что "благими намерениями вымощена дорога в ад"? Без непредвзятого анализа этого "мышления" и основанной на нем политики трудно формулировать новую политику. И здесь авторы Концепции ограничиваются поверхностными идеологическими декларациями. Они критикуют горбачевское "новое мышление" только за приверженность идее социализма (весьма сомнительной, кстати говоря), а не за содержание основанной на нем политики, приведшей к катастрофическим результатам. То, что "новое политическое мышление" было камуфляжем "холодной войны" на ее последнем этапе, остается незамеченным, как и то, что Запад ни на минуту не отказывался от политики с позиции силы, на словах поддерживая Горбачева.

Идеологическими мотивами обоснованы и многие предлагаемые и осуществляемые на деле направления внешней политики. Например, когда ведут речь об отношениях России и Китая. Последние, оказывается, "должны учитывать различия в идеологии и общественно-политических системах" (Китай, между тем, провозгласил, что строит свои отношения с другими странами вне зависимости от общественно-политических и идеологических различий). Отношения России со странами Индокитая предлагается строить "с учетом их стремления встать на рельсы рыночной экономики и войти в АСЕАН". Почему так жестко ставится вопрос? Кому будет польза от разрыва традиционных, имеющих большие экономические заделы отношений с Вьетнамом? Кому-то другому, но не России.

Что касается КНДР, то концепция настраивает на "неизбежное (!) отдаление" России от КНДР, которое "следует сочетать с использованием сохраняющихся рычагов нашего влияния на Пхеньян в плане сдерживания возможных негативных проявлений с его стороны". Здесь переидеологизация в квадрате: не только сознательно планируют ухудшение отношений с КНДР, но еще и обещают Западу и Японии всяческую помощь в давлении на северных корейцев.

Идеологически окрашена и политика по отношению к арабским странам, к некоторым странам Латинской Америки (прежде всего, конечно, к Кубе), к мусульманским странам, к странам СНГ. Создается впечатление, что действует твердая установка: негативное отношение ко всем, кто так или иначе противостоит атлантическому центру и соответственно позитивное к тем, кто его поддерживает. Конечно, это не всегда подчеркивается прямо, но постоянно присутствует в подтексте.

Вызывает сомнения и оценка источников международной нестабильности и опасности. По тексту Концепции: "Третий мир" с его глубокими социально-экономическими, национальными и цивилизационными проблемами превращается в основной источник глобальных и региональных угроз предстоящих десятилетий". Если бы речь шла просто о "горячих точках", то такое утверждение, возможно, и отвечало бы действительности. Но если говорить об источниках, т.е. причинах опасности, то оно, по меньшей мере, спорно. Многие международники высокого уровня на Западе, например, полагают, что причиной возникающей опасности в наши дни является распад прежней относительно стабильной двухполюсной мировой системы. Игнорируется в качестве источника международной нестабильности и стремление развитых индустриальных держав всеми средствами сохранить и упрочить свое особое, привилегированное положение в мире. Такого рода оценки источников угроз не отвечают реальности, но они соответствуют западной идеологической интерпретации действительности: "белый безгрешный" Запад плюс Япония и "черный нецивилизованный" Юг и Восток.

* * *

Другая сторона той же идеологической медали - некритическое, апологетическое отношение к планам и действиям бывшего внешнеполитического соперника. Похоже, дипломаты действуют под девизом: "Никакой критики Запада!". Сегодня критика американской внешней политики чаще раздается со стороны Англии, Франции, Германии, Японии, чем со стороны официальной России. Россия - в лице Министерства иностранных дел - старается не просто одобрить

политику Запада, прежде всего США, но старается одобрить ее первой! Руководители внешней политики России не замечают того факта, что США по многим позициям являются - в силу геополитических причин - естественным соперником России и поэтому неестественно во всех случаях соглашаться с американцами.

Согласно Концепции в предвидимом будущем "группа западных стран будет выступать как основной динамический фактор мирового цивилизационного прогресса". Такой стиль допустим в юбилейных речах, но не в концепции внешней политики великой державы... Далеко не бесспорно, что эта группа - "основной" фактор прогресса (в Концепции это подается как нечто само собой разумеющееся, не требующее доказательств). Даже официальные круги Запада признают, что влияние западных стран, по меньшей мере, противоречиво: они, если быть объективным, одновременно препятствуют прогрессу (для примера упомянем их огромный вклад в экологический кризис). Существенным фактором прогресса, тем более в будущем, являются и другие страны и, возможно, не в меньшей мере, чем развитые капиталистические страны, если не мерить прогресс только "железками" и массовой культурой.

Апология Запада, порой, явно "зашкаливает", смыкаясь с шовинизмом. Министр иностранных дел А.Козырев обещает России приобщение к "клубу первоклассных держав". Сама постановка такой цели смущает. Есть, выходит, "первосортные" ("первоклассные") державы (США, Япония, Германия, одним словом, "семерка") и есть "второсортные" (вроде Индии, Китая, Бразилии, Ирака и др.). Это нечто новое, необычное для наших дипломатов - ни в дореволюционное, ни в советское время мы таких слов не слышали. Да и руководители промышленно развитых держав избегают таким образом сортировать и "отбраковывать" страны мира. Другой вопрос - ждут ли Россию в этом "клубе"? Захочет ли "семерка", к примеру, превратиться в "восьмерку", как об этом намекнул Б.Клинтон. Мне представляется, что такие перспективы не основаны на реальных интересах и действиях и рассчитаны на исключительную доверчивость россиян.

В Концепции есть положения, после знакомства с которыми надолго пропадает желание читать дальше. Например: "С окончанием "холодной войны" исчезла (!) сформировавшаяся в условиях конфронтационности мотивация "западной солидарности". Интересно бы знать, в чем это проявилось? Действительно, существенно ослаб один из мотивов "западной солидарности", но сохранились многие другие. Сохранились общие интересы развитых стран перед лицом всего остального мира, их стремление отстаивать свое привилегированное положение в противовес всем другим странам, "третьему миру", Югу и т.п. Разве есть признаки того, что "семерка" или другие экономические, политические, военные организации западных стран собираются распустить? Отнюдь не случайно западные страны упорно не хотели выпустить объединенную Германию из НАТО, а Германия не стремилась выйти из этой организации.

И еще: "Запад перестает быть военно-политическим альянсом в традиционном силовом смысле". Авторы могли бы написать дальше: "Война в Персидском заливе и действия западных держав в Югославии подтверждают это со всей очевидностью". Но если без иронии, то, пожалуй, никогда в прошлом Запад не демонстрировал в такой мере свое военно-политическое единство, - и именно "в традиционном силовом смысле". В целом можно утверждать, что западная солидарность сохранилась и сохранится в будущем, и она будет одним из самых важных факторов той мировой системы, которая формируется в наши дни.

В тех случаях, когда все-таки говорится о негативных моментах в политике Запада, их стараются до предела минимизировать. Так, "имперские проявления в политике Вашингтона" рассматриваются не как актуальный, открыто провозглашаемый курс, а лишь как "возможные рецидивы". Маскируется и тот факт, что США уже являются "единственной сверхдержавой" и лишь говорится о необходимости противодействовать возможным попыткам встать на позиции "единственной супердержавы". Будто и не говорил Дж.Буш: "Соединенные Штаты должны оставаться военной сверхдержавой, экономической сверхдержавой, сверхдержавой в экспортной торговле". Будто и не подтвердил эту позицию Б.Клинтон в инаугурационной речи: "Америка должна, безусловно, продолжать быть лидером мира и добиваться своих целей при необходимости и с помощью силы". Что США постоянно и демонстрирует на практике. Даже посол России в США В.Лукин говорил о "каком-то детском проамериканизме" российской внешней политики.

В период, когда формируется новая мировая структура (система), когда Россия находится в состоянии жесточайшего кризиса, Запад, прежде всего США, стремится плотно "курировать" внешнюю политику России, осознавая, что на этом этапе нельзя допускать "вольностей", что сегодня легче отвести Россию на предназначенное ей место. При этом используются все рычаги - от экономических и военных до психологических, вплоть до решений по кадровым вопросам ("Вы просили оставить на месте А.Козырева, и я выполнил вашу просьбу"). Неудовольствие из этой сферы стараются устранить и, порой, не без успеха. "Отстрел" Ю.Скокова начался не в июне 1993 г., когда он ушел в отставку, и не в марте 1993 г., когда он отказался визировать указ об "особом положении", а значительно раньше - в июле 1992 г. ("Независимая газета", 29.07.92), когда в составленном им проекте Положения о Совете безопасности РФ (для служебного пользования) заявил о необходимости определенного противодействия гегемонистским устремлениям США. Силы, осуществляющие сегодня реальную власть в России, такие вещи не прощают - это для них покушение на "святая святых".

Стремясь добиться своих целей Запад использует старую тактику "кнута и пряника" (это хорошо изобразила карикатура во французской "Монд": Г.Коль держит перед Б.Ельциным морковку - кредиты МВФ, а Дж.Буш держит

морковку за другой, нижний конец - и морковка у него принимает вид дубинки). Американский Президент откровенно сказал Б.Ельцину в январе 1993 г., что содействие Президенту России "будет сохраняться и в будущем при условии, что Вы столь же решительно будете продолжать идти по пути реформ. Новая администрация энергично поддержит Вас в этом". Действительно, администрация Б.Клинтона твердо воспроизводит тот же подход.

Политика Запада в отношении России включает четыре основных стратегических направления:

Первое. Всеми средствами содействовать переводу России на западную, скорее всего, американскую, модель экономики и политического устройства; внедрить в сознание населения западные (под видом общечеловеческих) ценности с помощью массовой культуры и информации. Или, как декларировало радио "Свобода", необходимо "коренным образом изменить менталитет русского народа", перестроив его в рыночно-индивидуалистическом духе. Хотя многие видные ученые и политики высказывают сомнения в успехе такой стратегии, она твердо проводится в жизнь. Нынешние руководители, как постоянно подчеркивают западные политики и журналисты, - самые прозападные за всю историю России и более прозападных фигур на российской политической арене сегодня нет. Поэтому Запад стремится всеми мерами помочь нынешним реальным властям удержаться у власти. Открыто воспроизводится циничный принцип политики США, ставший знаменитым более тридцати лет тому назад: "Сомоса (бывший диктатор Никарагуа. - Авт.), конечно, сукин сын, но он наш сукин сын". Бывший госсекретарь США Дж.Бейкер, выступая в Принстонском университете, заявил, что США будут поддерживать в России тех, кто будет проводить в жизнь американские принципы и ценности. Зимой 1993 г. официальные представители США открыто заявили, что США поддержат Президента Б.Ельцина, если он разгонит Съезд и Верховный Совет и установит авторитарную диктатуру. Цинизм? Но еще более циничны те россияне, кто испытывает восторг по поводу такого отношения к России.

Копирование чужих-то социально-экономических моделей губительно для России. Мировой опыт доказывает: страна добивается успеха только в том случае, если, осуществляя преобразования, не отказывается от своих традиций и ценностей. Путь к успеху - не отказ от традиций, а их обновление на основе преодоления сдерживающих развитие структур.

Второе. Экономическими, политическими, пропагандистскими, военно-политическими, через агентов влияния и др. средствами навязать России колониальную структуру экономики, ориентировать ее на производство сырья, энергоносителей, полуфабрикатов для промышленно развитых стран. Такая направленность не очень-то и скрывается. Премьер-министр Англии открыто говорил об этом на пресс-конференции. Аналогичные заявления мы найдем практически у любого высшего руководителя Запада. Такой путь, очевидно, исключает возможность возрождения экономики России, возможность стать вровень с западными странами.

Другой стороной этого направления западной политики является недопущение в Россию современной технологии. Списки КОКОМ существовали, существуют, и думаю, их не собираются отменять (пообещать могут). Попытки приобрести на Западе новую технологию твердо пресекаются.

Еще недавно указание на это направление политики Запада клеймилось официальными политиками и прессой как выдумки "красно-коричневых". В последнее время ее начинают осознать и высшие руководители страны (например, В.Черномырдин, выступая по телевидению после визита в Германию).

А вот что говорится в Концепции по этому поводу: "Ведущие страны Запада и другие партнеры за рубежом", оказывается, "заинтересованы в стабильном развитии России" и готовы "содействовать" этому. Мед бы пить этими устами, но практика, к сожалению, свидетельствует об обратном.

Третье. Запад содействует созданию и укреплению международного и российского механизма, обеспечивающего перекачку национального богатства из России в западные страны. Я уже пытался проанализировать ситуацию и обнаружил, что за последние пять лет в результате такой перекачки Россия потеряла не менее 250 млрд. долл. безвозвратно и безвозмездно.

Такой механизм включает стимулирование низких экспортных цен на продукцию российских предприятий, поддержание совершенно нереального курса доллара по отношению к рублю - он, по оценкам специалистов, раз в десять, а то и больше, превышает паритетный курс, т.е. раз в десять превышает реальную покупательную способность доллара. Запад, обратим внимание, еще полтора года назад твердо обещал 6 млрд. долларов кредита на поддержание курса рубля, но до сих пор не выделил этих средств, тем самым сохраняя крайне выгодный для себя курс. Запад и российское руководство фактически стимулировали вывоз на Запад десятков миллиардов долларов, полученных за экспорт российских товаров. Запад с помощью "триумvirата" (М.Горбачев, А.Яковлев, Э.Шеварднадзе) добился того, что экспорт российской военной техники и оружия за два года сократился с 23 млрд. долл. до 1,5 млрд. долл. (!) в год и соответственно на столько же увеличился экспорт западной, прежде всего американской, военной техники и оружия. Можно перечислять и другие каналы освобождения от национального богатства. Например, по информации бывшего Министра финансов Б.Федорова, помощь России развивающимся странам (главным образом, странам СНГ) составила в прошлом году 17 млрд. долл. (около 20% ВВП), в то время как помощь США составила всего 9 млрд. долл. (менее 1% ВВП). Печально то, что механизм перекачки национального богатства специалисты до сих пор держат от россиян в глубоком секрете.

Четвертое. Не допустить нового объединения республик бывшего Советского Союза в рамках обновленной федерации.

Исторические документы беспристрастно свидетельствуют, что Запад издавна стремился раздробить Россию (большую Россию) на отдельные, враждующие между собой государства. Еще в 1959 г. конгресс США единогласно принял "Закон о порабощенных нациях", где содержалось обязательство поддерживать борьбу всех национальностей против СССР. Закон действовал и не отменен до сих пор. Можно сослаться и на более ранние документы, например, на стратегический план "Дропшот", принятый в конце сороковых годов. Сегодня планы стали реальностью - формально большая Россия уже не существует: скоординированные действия извне и изнутри разрушили великое государство.

Какова сейчас должна быть главная стратегическая цель Запада в отношении его бывшего противника в "холодной войне"? Так ставит вопрос Зб.Бжезинский и отвечает: "Она состоит в обеспечении того, чтобы распад Советского Союза стал бы мирным и прочным концом Российской империи". И еще: не допустить обратного процесса, т.е. восстановления в какой-либо форме прежнего единого государства. Эта цель должна быть подкреплена системой экономических, политических, идеологических и даже военных мер. Обещание "партнерства с Западом" предлагается странам СНГ в качестве "разумной альтернативы их длительному имперскому статусу". Некоторым (Украине, Белоруссии, прибалтийским республикам) предлагается "западная поддержка Балтийско-Черноморской зоны усиленного сотрудничества". Все возможное должно делаться для того, чтобы отдалить эти республики от России. "Все это должно быть подкреплено настойчивыми западными усилиями в целях содействия национальному строительству в бывшей советской империи". Особое внимание при этом уделяется, естественно, Украине: "Прежде всего геополитически важно, чтобы Украина могла стабилизироваться как прочное независимое государство". Зб.Бжезинский снова и снова возвращается к мысли, что "особо важным компонентом западной стратегии должны быть целенаправленные усилия - не только экономические, но и политические - с целью консолидировать стабильную и суверенную Украину".

Не стоит осуждать Запад за такую политику - она соответствует его интересам (думаю, правда, понятием узко). Такая политика не очень гуманна по отношению к странам бывшего СССР, но она естественна и, как свидетельствуют стратегические планы, традиционна для Запада. Неестественно закрывать на это глаза, держать в секрете от общественности, как это делается в Концепции.

Избыточная идеологизация неизбежно ведет к принижению значения объективных, научных подходов к исследованию международной реальности. Разработчики Концепции искусственно понижают уровень научности, когда сознательно закрывают глаза на реальные факты и процессы в угоду идеологическим установкам. Среди них:

- игнорируется господствующая тенденция к формированию однополюсной (иерархической, квазифеодальной) мировой системы и не анализируется значение этого процесса для человечества, для России;
- игнорируется процесс дестабилизации системы международных отношений, нарастание военной опасности в мире. В этом случае даже политические лидеры Запада, страшно сказать, даже Дж.Буш и Б.Клинтон перестают здесь быть авторитетами для составителей Концепции;
- умалчиваются, маскируются подлинные интересы и намерения западных партнеров-соперников в их отношениях с Россией и другими странами СНГ;
- не принимаются в расчет кризисные процессы в развитых промышленных странах, их внутренние проблемы и интересы;
- принижается реальная опасность для России оказаться окруженной кольцом недружественных государств, своеобразным "санитарным кордоном";
- явно недооценивается (не в словах, а в содержании Концепции) значение назревания в мировом сообществе кризиса цивилизации, необходимость отказа от индустриально-капиталистической модели. Мировое сообщество нуждается сегодня в такой мировой политике (и, следовательно, внешней политике всех субъектов), которая стимулировала бы (или, по крайней мере, не мешала бы) поискам нового типа цивилизации, не подталкивала бы к воспроизводству западных моделей, ведущих к углублению цивилизационного кризиса. Из опубликованной Концепции вытекает, что Россия ориентируется на воспроизводство индустриально-капиталистической модели и не участвует в поисках нового типа цивилизации. Это близорукая политика.

Можно ли создать приличную концепцию внешней политики, если игнорировать все эти и многие другие, достаточно очевидные реальности? Думаю, ответ самоочевиден.

* * *

Слабость Концепции во многом предопределена невниманием к основным мировым тенденциям. Особенно важен анализ тенденций в переходный период - от одной мировой системы к другой, от прежней двухполюсной (СССР - США, Варшавский договор - НАТО, капиталистические - социалистические страны) к другой, содержание которой окончательно еще не определилось.

При исследовании современной мировой ситуации внимания заслуживают, на мой взгляд, четыре фундаментальные тенденции.

Первая - к формированию многополюсной мировой системы с несколькими независимыми друг от друга центрами силы. В основе этой тенденции изменение мирового соотношения сил, прежде всего, в экономике, - укрепление позиций Европейского сообщества и особенно Германии, Японии, Китая, возможно, Индии, Бразилии, каких-то международных группировок. В этом же направлении действует рост национального самосознания, стремления к более полному суверенитету. Но последствия победы такой тенденции для стабильности и безопасности в мире трудно оценить, во всяком случае, потенциально такая система чревата нестабильностью и обострением противоборства на мировом уровне. Кроме того, формирование многополюсной системы представляется маловероятным, поскольку в группе ведущих капиталистических стран, скорее всего, будут преобладать общие для них интересы.

Вторая - к формированию коллективно организованной (на базе общих интересов всего мирового сообщества и баланса интересов субъектов мировой политики) мировой системы. В идеале это наиболее желаемая модель, но, как показала практика, в ближайшей перспективе осуществить ее будет вряд ли возможно. Сегодня принцип баланса силы преобладает над принципом баланса интересов, интересы отдельных групп государств - над интересами всего мирового сообщества. "Новое политическое мышление" оказалось своеобразной "весенней песней глухаря", или, по-другому, идеологическим мифом, под прикрытием которого осуществлялся развал великой державы и социалистической системы.

Третья - к формированию однополюсной мировой системы. И эта тенденция, если держать глаза открытыми, сегодня и на ближайшую перспективу является явно преобладающей. В данном случае, основным силовым центром являются не столько США, сколько группа развитых индустриальных держав Запада и Япония. США же с общего добровольного согласия группы выполняют роль лидера (супердержавы) и главного исполнителя принимаемых силовых решений. Есть все основания полагать, что как в годы "холодной войны", так и в будущем в ней будут господствовать общие интересы, стремление защитить свое особое положение в рамках мирового сообщества. Не только экономическая, военная и прочая мощь этой группы, но прежде всего их объединение, организация обеспечивают защиту привилегированных позиций этих государств. Ни одна страна в мире, даже Китай, в ближайшие годы не смогут конкурировать с этим мировым центром.

Что может принести миру окончательное утверждение однополюсной системы?

Во-первых, однополюсная система утверждает явно несправедливый мировой порядок или, как часто формулируют, "(бес)порядок" для большинства стран мира. Мощное и высокоорганизованное меньшинство ("клуб первоклассных держав") будет иметь все преимущества в отстаивании своих особых интересов. Надежды на то, что эти страны в равной мере будут защищать интересы других стран, в лучшем случае, наивны. В одиночестве ни одна из стран дезорганизованного большинства отстаивать свои интересы не может. Игнорировать эти аксиомы, как это делают руководители внешней политики России, неразумно и опасно.

Во-вторых, такая система по своей природе (силовое обеспечение интересов небольшой группы) нестабильна и не обеспечивает международную безопасность. Распад двухполюсной системы уже привел, по общему признанию (за исключением авторов Концепции), к понижению стабильности и, следовательно, к возрастанию военной опасности в мире. Утверждение некоторых международников, что, хотя уровень стабильности понизился, международная безопасность укрепилась, представляется крайне противоречивым.

В-третьих, однополюсная система, вопреки заверениям российских и западных лидеров, отодвигает Россию на "задворки" мировой политики и экономики. Выше я уже говорил об основных направлениях политики Запада по отношению к России. Маловероятно, что Россия в одиночку может сопротивляться "западнизации", колонизации и раздроблению страны.

Неизбежно ли господство в мире однополюсной системы?

Значительно более благоприятные перспективы перед мировым сообществом и перед Россией открывало бы преобладание еще одной реально существующей, но сегодня весьма слабой, тенденции. Речь идет о возрождении на новой, неконфронтационной основе, на иных принципах, с другими, нежели в прошлом, целями новой двухполюсной мировой системы.

Обратиться к идее "второго полюса" заставляют не беспочвенные фантазии, а реальные общественные (мировые)

потребности. Воспроизведем их в краткой форме:

- недостатки и опасности "однополюсной" системы: силовая иерархическая структура может трагически дестабилизировать международную ситуацию. Двухполюсная система по своей природе может быть более стабильной и справедливой;
- двухполюсная система позволит странам "третьего мира", Индии, Китаю, России, другим странам в более или менее организованной форме, более эффективно выражать и отстаивать свои интересы;
- существует реальная потребность в расширении экономических связей, в формировании экономического пространства и регионального рынка (или рынков) в зоне предполагаемого "второго полюса";
- создание "второго полюса" могло бы укрепить военно-политическую стабильность в примыкающих к нему странах, стать инструментом урегулирования конфликтов без вмешательства Запада;
- объединение усилий позволило бы более эффективно развивать национальные культуры и защищать их от разрушающей культурной экспансии Запада;
- создание "второго полюса" позволило бы создать альтернативную систему информации в мире, в дополнение к существующей, полностью контролируемой Западом;
- вероятно, наиболее существенным основанием для формирования "второго полюса" является поиск нового типа (типов) цивилизации в противовес повсеместно господствующей индустриально-капиталистической, истощенность и кризис которой становятся все более очевидными;
- взаимодействие двух полюсов с большой вероятностью могло бы привести к видоизменению характера "первого полюса" в позитивном направлении. Неантагонистическая двухполюсность могла бы стимулировать процесс формирования глобальной коллективно организованной системы.

Сказанное здесь о "двухполюсной системе" - не ответ на поставленный вопрос, а лишь постановка самого вопроса, призыв к тщательному исследованию реальной проблемы.

Отказ руководителей внешней политики России от исследования реальных тенденций, в том числе возможностей возрождения "двухполюсной" системы, представляется неоправданным и недальновидным.

Форсированная идеологизация внешней политики России привела к тому, что действительным стало правило, сформулированное Дж. Оруэллом в романе "1984" для супертоталитарной Океании: "В нашем обществе те, кто лучше осведомлен о происходящем, меньше всех способны увидеть мир таким, каков он есть... Чем больше понимания, тем сильнее иллюзии". Иллюзии - не иллюзии, а произведение, названное "Концепция внешней политики России" и подготовленное, как предполагалось, наиболее осведомленными людьми, очень далеко от понимания международной действительности и подлинных интересов России.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ЗА ГРАНЬЮ "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ"

Т.ВИНОГРАДСКАЯ,
доктор технических наук

Можно с разными чувствами следить за поворотом в общественном сознании россиян, которые сегодня считают, что наиболее дружелюбно к России относятся США, Германия, Франция, Великобритания (перечисление идет в порядке убывания числа респондентов, разделяющих такое мнение) и наиболее враждебно - Япония, Афганистан, Ирак, Куба*, но вряд ли можно утверждать, что от этого стало безопаснее в мире, в России.

Геополитические трансформации конца 80-х годов нынешнего века отчетливо свидетельствуют, что спираль исторического развития, завершив очередной виток, начала новый, который все более явственно становится зеркальным отражением предыдущего и реализует идеи прошлого, но с обратным знаком. Действительно, основополагающая идея прошлого - закономерность победы всемирноисторического революционного процесса, победы коммунизма, трансформировалась в идею торжества капитализма во всем мире. Идеи прошлого, воспринимающиеся Западом как экспорт социалистической революции, преобразовались в правомерность экспорта ценностей буржуазно-демократического общества.

Маятник качнулся в другую сторону. Но дает ли это позитивный импульс общемировому развитию? Вряд ли. Такое мнение, в частности, разделяет и Роджер Коэн. Он пишет в "Нью-Йорк таймс": "Но как ни называй потрясения, которые смели коммунизм в Восточной Европе, у всех у них есть общее свойство, удивительное для столь радикальных изменений: заметное отсутствие каких-либо новых конструктивных идей". И в самом деле, являются новыми или конструктивными, например, идеи типа: "Демократия и капитализм - близнецы-братья", "Капитализм - это свободный рынок плюс ваучеризация всей страны?" А ведь по сути они рефреном звучат в устах российских реформаторов. 1993 год вот-вот назовут годом поголовной приватизации и разгосударствления, быть может скоро объявят "капсоревнование" за звание самого приватизированного города, области и т.п. Можно бесконечно упражняться в перелицовке старых лозунгов и идей. Но суть происходящего от этого не меняется. Она в том, что общемировые процессы с точки зрения безопасности и стабильности не приобрели нового качества. А добровольно-принудительные изменения внешнеполитической стратегии СССР, при всей их привлекательности, привели к резкому снижению статуса России в мире и столь же резкому росту нестабильности в России, на всей территории бывшего СССР, во всем бывшем социалистическом лагере.

В подтверждение этого тезиса приведем некоторые фактические данные. Так, на вопрос, что тревожит москвичей накануне предстоящей обычной недели, назвали безопасность членов семьи и близких в январе 1992 г. - 23%, в мае - 31%, в сентябре - 42% опрошенных.

Или, например, по данным разведслужбы Министерства обороны США прогнозируется возможность 12 вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР - пять в Закавказье и на Северном Кавказе, четыре в Средней Азии (везде с участием Узбекистана), а также между Украиной и Молдовой, Россией и Украиной, Россией и Казахстаном. По расчетам, в этих конфликтах погибнет в результате военных действий 523 тыс. человек, 88 млн. человек пострадает от голода, 4,24 млн. человек погибнет от болезней, число беженцев достигнет 21,67 млн. человек. А сколько не родится, если уже сегодня в России смертность вдвое превысила рождаемость?

Повышают нестабильность и снижают безопасность внутренние причины, которые являются прямым следствием внешнеполитических изменений, такие, как рост преступности, безработица, деградация экономики. За 1992 г. число преступлений в России (зарегистрированных) возросло на 28%.

Национальный доход в 1992 г. сократился на 20%. Прогнозируется, что за 1991-1995 гг. он сократится на 46%. Чтобы оценить масштабы такого спада напомним, что в годы Великой Отечественной войны максимальное снижение национального дохода составило 34%.

Безработица, по правительственным прогнозам, затронет от 3,5 до 6 млн. человек, по данным Международной организации труда - 10-11 млн. человек, а по прогнозам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН за пять лет численность занятых в материальном производстве России сократится на 26 млн. человек, т.е. почти вдвое. Высвобождение рабочей силы произойдет не по причине роста производительности труда и перепроизводства, как это свойственно известным экономическим кризисам мирного времени, а из-за абсолютного их сокращения. Снижение объема промышленного производства за эти пять лет прогнозируется на уровне 38%. И это будет не желанное сокращение производства группы А, ради чего затевалась "перестройка", например, производство продукции легкой промышленности сократится более чем вдвое. А душевое потребление продукции легкой промышленности населением России снизится более чем на 60%. Но именно относительно низкий уровень душевого потребления по сравнению с промышленно развитыми странами был основным козырем в доказательстве несостоятельности социально-политического устройства СССР. Для прогнозируемых 26 млн. безработных это будет катастрофа. В таких условиях не придется говорить о сколь-нибудь значимой социальной их поддержке. Безработные России и их семьи будут оставлены на произвол судьбы - на вымирание, эмиграцию, гибель в кровавых стычках за выживание.

Вот далеко не полные последствия для России от реализации идеи безальтернативности торжества капитализма. Можно назвать и рубеж, когда эти идеи начали открытый процесс своей легитимизации. Это - август-декабрь 1991 г. И если в бытность последних дней существования СССР признавалось, что формула "развития за счет другого" изживает себя, что решение глобальных проблем требует новых "объема и качества" взаимодействия государств и общественно-политических течений независимо от идеологических и прочих различий, то сегодня торжествует именно формула "развития за счет другого", доминирование одних государств над другими, одних общественно-политических воззрений над другими.

Для подведения нормативной базы под такую тенденцию выдвинута концепция поражения СССР в "холодной" или "третьей мировой" войне. Похоже, что руководством СССР, а затем и России эта формула принята безоговорочно.

Такие всеобъемлющие и одномоментные метаморфозы от идей "взаимозависимости" до торжества формулы "разделяй и властвуй" порождают экстремальные условия для внешней политики России. И прежде, чем говорить о ее внешнеполитической стратегии, представляется целесообразным получить ответы на такие вопросы:

О какой России идет речь?

Закончилась ли "холодная война" или началась "экономическая", "научно-техническая" или еще какая-то война?

Что собственно можно считать критериями безопасности России, в чем состоят ее интересы?

После Беловежской Пути Россия стала правопреемницей СССР. Это в том или ином объеме подтвердили страны "ближнего" зарубежья, на первых порах молчанием - и страны "дальнего" зарубежья. По сути же объем правопреемства в основном ограничивается почти исключительно признанием за Россией необходимости обслуживания внешнего долга СССР (и то Украина не вполне с этим согласна). Что касается остального, то, например, так и не ясно, с кем у России сохраняются условия мирного договора, обеспечивающего определенное равновесие после второй мировой войны, и не начнется ли всерьез пересмотр его условий, в том числе и в части бывших государственных границ СССР и нынешних - России?

В результате новой внешнеполитической концепции Россия получила ближайшими соседями 14 государств, которым есть что делить с ней (имущество, территории, ресурсы, сферы влияния, даже западную помощь) и потеряла почти всех своих сторонников в Восточной Европе и более дальнем зарубежье. В то же время бывшие "противники" все-таки не стали друзьями, готовыми на равных взаимодействовать с ней. Такое положение обременяется перспективой дальнейшей дезинтеграции ее геополитического пространства. Сегодня правомерен вопрос: "Являются ли отношения с Чечней, Татарстаном, Башкортостаном и практически с любой автономией России внутренними или внешними?" А завтра может стать правомерным такой вопрос и по отношению к Уралу, Сибири, любому другому региону.

Отступление СССР от ведущих позиций в мире возможно и носило закономерный характер, но привело к тому, что реалиями внешнеполитических отношений России становятся, во-первых, повышение зависимости от внешнего влияния внутренних процессов - экономических, политических, социальных, во-вторых, снижение возможности оказывать самостоятельное влияние на международные процессы. Все более отчетливо проявляется тенденция к превращению традиционно внутренних проблем для любого суверенного государства, на что претендует Россия, во внешние. Чтобы не быть голословной, приведу некоторые примеры.

Вполне обычным делом для Российского руководства становится привлечение к консультациям по экономическим вопросам государственного уровня американских специалистов. Но уже есть и примеры того, как американские политики вмешиваются во внутриполитические вопросы. Зб.Бжезинский, кстати, консультирует шахтеров на тему, как им проводить забастовки и кого еще привлекать к ним. По его совету шахтеры должны постараться вовлечь в забастовки и железнодорожников. В США функционируют курсы Г.Маршалла, на которых проходят обучение

представители политических партий восточноевропейских стран, в том числе и России, которые становятся потом государственными и политическими деятелями. Специалисты по проведению предвыборных кампаний приезжают и в Россию, где также обучают, как ловчее "обвести избирателей вокруг пальца", к кому обратиться за средствами. Посулами оказания материальной помощи, снятия каких-либо ограничений в торговле или угрозами в отмене посулов, уже данных ранее, постоянно предпринимаются попытки оказывать влияние на решения Верховного Совета России и съездов народных депутатов. Возможно, не без участия Запада устанавливаются цены и объемы на энергоносители для Прибалтики и других бывших республик. Да и парад суверенитетов в России вряд ли проходит без внешнего влияния.

В связи с последним весьма актуален вопрос, в каких геополитических рамках будет ориентирована внешнеполитическая стратегия России. А также каковы возможности руководителей России удержать желаемые геополитические рамки, если, конечно, желаемыми для них не является Россия в пределах Московского княжества. Пока представляется, что эти возможности весьма скромные. Сугубо внутренняя для суверенного государства проблема сохранения своей территориальной и государственной целостности превращается в проблему внешнюю. На ее разрешение оказывают влияние не только промышленно развитые страны, но "ближнее" зарубежье, и вообще все кому не лень.

Опыт развала СССР, а для него проблема сохранения государственной целостности тоже была внутренняя, настораживает. Сегодня все более ясно становится, что причина распада не исчерпывается только "крахом коммунизма" и волей народов к самоопределению. По данным социологического опроса "Евростата" конца 1992 г., считают, что им жилось раньше легче, чем теперь, 59% опрошенных в России, 69% - в Молдове, 60% - в Беларуси, даже в Эстонии так считают 46%, а противоположного мнения придерживаются только 22%. Если Президенту России на референдуме оказали поддержку 34,9% от числа избирателей и это считается безоговорочным доверием, то уж совсем безоговорочным неодобрением можно считать такое мнение. По данным Фонда "Общественное мнение"^{**}, более двух третей опрошенных жителей девяти регионов России сожалеют, что Советский Союз распался. И это в России, которая относительно меньше (пока) пострадала от распада.

Впрочем версия исключительно внутренних причин распада активно поддерживалась только до его свершения. А как только он произошел, то по признанию Дж.Буша и Зб.Бжезинского, оказалось, что против СССР велась война и его целостность была разрушена в результате поражения в этой войне.

Несмотря на то, что война названа "холодной", но последствия ее для Союза мало чем отличаются от последствий поражения в "горячей" войне. Действительно, приметами проигранной войны всегда были изменения границ, потери территорий, введение оккупационного режима, сопровождающегося хождением на ее территории валюты, языка победившей стороны, насаждением новой идеологии, системы ценностей, культуры, а также разрушением государственных структур власти, экономики, армии, инфраструктуры. Не надо очень внимательно присматриваться к России, чтобы найти все признаки поражения в обычной войне.

И пока не осмыслены уроки этой войны, которую незримо вели с нами (хочу сразу оговориться, что ее особенность состояла в том, что народы стран-победителей почти и не участвовали в ней, даже не догадывались, что их страна воюет с Союзом) вряд ли можно выработать адекватную внешнюю политику и, прежде всего, в части обеспечения безопасности России. Замена такого анализа переориентацией общественного мнения, когда всей мощью современных методов промывания мозгов внушается формула: "Вчерашний враг - сегодня друг, вчерашний друг - сегодня враг", - не выход. Возможно от такой новой уверенности россиян и стало безопаснее в Вашингтоне и всех штатах США, но, очевидно, что ни спокойнее, ни безопаснее в России и других республиках не стало.

Анализ же показывает, что в современной войне побеждают ресурсы и современные технологии: социальные, информационные, экономические. Пока в мире ожидали "звездных войн" и усиленно готовились к ним, пока Союз "топил" свою гражданскую экономику, ориентируя почти 90% своего национального богатства на оборону, содержал мощнейшую армию в мире, противная сторона работала на технологическом и психологическом фронтах.

Если бы в 1941 г. под Москвой вдруг появилось столько же танков, сколько накануне российских выборов в 90-х годах появилось, как из-под земли, видеосалонов, видео- и аудиокассет, факсов, ксероксов, всех видов средств связи, а также пепси, колы, жвачки, тряпок, всевозможных суррогатов в пестрых упаковках, с заклепками и лейблами, то исход битвы под Москвой мог быть таким же, как и в 90-х, когда на выборах победила никому ранее не известная ДемРоссия. Ее роль в развале Союза (в виде Демконгресса, Координационного совета и т.д.) нельзя переоценить.

Технология победы в "холодной войне" требует своего анализа. Современные информационные технологии располагают широчайшим спектром навязывания своих взглядов, помимо воли реципиента. Вместе с тем международное законодательство, как и законодательство отдельных стран, не способно оградить людей и даже целые государства от такого вмешательства в их внутренние дела. А то, что такое вмешательство страны с более развитой технологией осуществляется, можно не сомневаться. Приведу пример беспардонного навязывания "нужного" мнения населению Китая при помощи компьютеров. Китайцы, обменивающиеся со своими сверстниками, обучающимися в США, компьютерными программами, внесли в китайскую компьютерную сеть оригинальный вирус.

Как об этом поведала газета "Нью-Йорк таймс": "Один из таких перебежчиков (т.е. вирус) возникает на экране в виде вопроса: "Вам нравится премьер-министр Ли Пэн?". Отрицательный ответ дает возможность оператору продолжать работу. Стоит только ему ответить "да", как вирус тотчас стирает все из компьютерной памяти". Ну чем не выработка условного рефлекса по Павлову, но не на животных, а на китайцах! И это еще не самая опасная и разрушительная "шутка", на которые способны компьютерные технологии. Введение компьютерного вируса, который может поступить в страну вместе с компьютерной техникой, например, в государственную банковскую систему, может полностью дезорганизовать ее работу, а в системы навигации - привести к авариям и катастрофам. Можно не сомневаться, что такие "современные технологии" применялись в Союзе, да применяются и теперь в России.

Несколько слов о ядерном оружии Союза.

Конечно, если бы не советский ядерный щит, не армия, то экспорт буржуазных ценностей мог принять и форму "бури в пустыне". Впрочем, история не знает сослагательного наклонения. Но если не извлекать уроки из истории, то кто может поручиться, что над Россией, особенно, если исчезнут остатки "ядерного щита", и в будущем не разразится "буря в пустыне", если она окажется мало способной воспринять навязываемые ей ценности.

В связи с последним заметим, что исчезнуть остатки "ядерного щита" могут не только в результате реализации договоров СНВ-I и СНВ-2, хотя и они, как говорят специалисты, не симметричны, не обеспечивают паритета, ослабляют безопасность от ядерного удара. И все же эти договоры рождаются в привычных политических и юридических рамках международного права. И даже создается иллюзия равноправия и возможности Москвы отстаивать свои условия. Но за этой ширмой благопристойности, вне всяких условностей международного права, рамок и договоров, происходит нечто, что влияет на безопасность России не менее разрушительно. Я имею в виду форсированное разрушение военно-промышленного комплекса, научно-технического потенциала, энергетического и ресурсного потенциалов.

Действительно, масштабы разрушения ВПК не имеют аналогов в мировой практике. В 1992 г. сократились военные заказы на две трети к уровню 1991 г., вовлечены в конверсию 1000 предприятий и 300 научных организаций, высвобождено около 1,5 млн. высококлассных специалистов. Сможет ли Россия поддерживать свой "ядерный щит" и не развалится ли он сам по себе без всяких договоров. Можно ли будет говорить о модернизации не только вооружения, но оборудования для гражданского производства, в котором так нуждается промышленность России, в условиях, когда научно-технический потенциал тает на глазах. На начало 1991 г. потери за счет эмиграции научно-технической интеллигенции составили почти 100 млрд. руб. Расчеты по методике ООН оценивают возможные потери СНГ от интеллектуальной эмиграции к концу 90-х годов в 60-70 млрд. долл. ежегодно.

Из России не только рекой текут (по ценам ниже мировых) энергоносители, металлы, но ее активно выживают со "свободного" международного рынка, прежде всего, с рынка оружия. В 1991 г. Россия на рынке оружия получила 1,55 млрд. долл., т.е. почти в 10 раз меньше, чем на ее долю приходилось в предшествующие годы, итоги 1992 г. и того хуже. А это важная статья в источниках финансирования обороны и научно-технического потенциала. Брошены на произвол судьбы предприятия космического производства, имеющие достижения мирового уровня и вынужденные за гроши продавать их вкупе с учеными. В России начался настоящий космический "стриптиз". Даже, если отбросить мысли о том, что возможно использование российского реактора "Топаз-2", почти даром переданного США, и ракеты "Протон" в "звездной войне" против России, то нельзя сбросить со счетов масштабы потребностей России в средствах промышленности, имеющей износ основных фондов свыше 40%. Или того, что США не спешат раскрывать перед Россией не только своих космических или технологических достижений, но и не спешат отменить список КОКОМ, других ограничений на приобретение вычислительной техники, средств связи для сугубо гражданского потребления.

Так действуют не только США. Недавно министр МВЭС С.Глазьев заявил: "В тех областях, где Россия является конкурентоспособной, мы вместо поддержки со стороны Европейского сообщества, сталкиваемся с дискриминацией... Пока мы не отвечали на эту торговую войну, но если нам не пойдут навстречу и не распространят на российские товары общепринятые в мировой практике правила торговли, то мы будем отвечать адекватными мерами". Вопрос только, какими?

В январе-апреле 1993 г. внешнеторговый оборот РФ по сравнению с предыдущим периодом прошлого года уменьшился на 27%. В 1992 г. увеличился оборот с промышленно развитыми странами и, что самое главное, - объемы российского экспорта в эти страны превысили импорт почти в два раза. В 1993 г. по сравнению с четырьмя месяцами прошлого года экспорт в них остался на прежнем уровне (101,3%), а импорт уменьшился более чем в два раза (45,1%). И при этом внешний долг России этим странам растет как на дрожжах.

В результате таких реформаторских изменений экономики России она становится все более открытой для грабежа, но экономика мирового сообщества становится все более закрытой для России. Она все более становится "сырьевым придатком" промышленно развитых стран. Прогнозируется усиление сырьевой направленности российского экспорта. Если в 1990 г. сырьевые и топливно-энергетические ресурсы составляли 65% экспорта, то в 1995 г. доля их возрастет до 84%. Соответственно почти в три раза упадет доля машиностроительного экспорта, в том числе экспорт машин и оборудования сократится на 64-65%. Вот такова реализация надежд на приобщение к мировой цивилизации в сфере

достижений научно-технического прогресса.

Что же, такие процессы вполне объяснимы в контексте признания руководством России концепции проигрыша в "холодной войне". Такая концепция предполагает законность прав победившей стороны на контрибуции и ущемления. Вот Россия и платит контрибуции, а ущемления состоят в том, что она разрушает свою экономику, науку, армию, отворачивается от друзей, экономических партнеров, но и сама вытесняет себя с собственного внутреннего рынка, превращает себя в источник ресурсов (любых, вплоть до биологических, генетических) для "Большой семерки", вопреки собственным интересам, за счет обнищания своего собственного народа, большая часть которого не имеет возможности потреблять биологически необходимые объемы продуктов питания.

И все же, в этой стройной концепции есть свои "черные дыры". Парадигма "проигрыш-победа" - предполагает подписание мирного договора. Однако, хотя представители победившей стороны (например, Зб.Бжезинский) и считают, что дата 19 ноября 1990 г. и место - Париж были годом и местом подписания СССР "акта о капитуляции", но остаются в тени дата, место, условия мирного договора. Мирный договор не только подводит правовую базу под контрибуции и принуждения, но и очерчивает размеры контрибуций, сферы принуждений. Пока этого не произошло, Россия напоминает поверженный город времен средневековья, отданный победителю на разграбление. Вот только число победителей постоянно увеличивается. Это уже не только "Большая семерка" и страны Восточной Европы, а также Прибалтика, а недавно к ним присоединился и Китай, судя по инцидентам в Южно-Китайском море.

Проблему неподписания "мирного договора" не стоит сводить только к умыслу победившей стороны. Война заканчивается не тогда, когда руководители проигравшей стороны подписывают акт о капитуляции. Война заканчивается только тогда, когда у народа исчерпана воля к сопротивлению, растрчено чувство собственного достоинства. А в таком великом государстве, каким был Советский Союз, и все еще остается Россия, потенциал сопротивления не исчерпывается мгновенно. И социальный процесс - яркое свидетельство тому. А сожаления победителей, что реформы идут не так быстро и не так, как надо, постоянные взвешивания их необратимости свидетельствуют о том, что победители осознают неполноту, незавершенность победы. А раз так - война продолжается. Поле ее сражения - не только и не столько экономика и все материальное, с ней связанное, хотя и они тоже. Поле ее сражения - сфера человеческого достоинства, разума, духа России. О капитуляции России можно будет говорить только тогда, когда будет разрушен российский менталитет, исторические и культурные корни, когда ценности Запада вытеснят полностью российские ценности.

В связи с этим интересы России состоят не только в сохранении обороноспособности, восстановлении экономического потенциала, модернизации производства. Но в создании условий возрождения национальной культуры, науки, образования, в формировании адекватных этому механизмов взаимодействия социальных, национальных, этнических групп, форм государственного правления. Это и может служить критериями эффективности или даже просто приемлемости внешнеполитической концепции России.

* См. приложение к газете "Репутация" (пробный номер), с. 15.

** См. приложение к газете "Репутация" (пробный номер), с. 15.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

СУДЬБА РОССИИ

С.ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
кандидат философских наук

На сегодняшний день можно с уверенностью говорить о двух основных интересах России, которые придется признать всем, вне зависимости от партийных пристрастий. Первый - сохранение исторического сознания и историко-культурной самоидентификации, второй - технологическая реконструкция производства, без которой невозможен выход из кризиса.

Вопрос историко-культурной самоидентификации является сегодня особенно важным в силу произошедшего распада государства и тенденции к распаду РФ. Проблема заключается в том, что в отличие от распадавшихся империй, сохранявших некое историческое национальное ядро, распад Советского Союза уже оказался распадом исторической России. Невозможно самоидентифицировать себя, невозможно уважать себя как народ, имея не только распавшуюся страну в настоящем, но распавшуюся историческую традицию в прошлом. Ситуация, когда в состав государства, именующего себя Россией, не входит территориальный очаг возникновения и формирования русской культуры, означает отрубленные корни истории. Россия без Киева не есть Россия, поскольку непризнание Киевской Руси Россией означает непризнание ее истории историей России, а тогда последняя начинается не с призвания Рюрика, а с присоединением Твери к Москве и покорения Новгорода Иваном III, т.е. сокращается с 1100 до 500 лет.

Более того, потеря Прибалтики означает вовсе не территориальную, а историко-моральную утрату, ибо неясно, зачем Россия вела Северную войну, чем занимался Петр I, оправдано ли стремление к морям и выход в Европу. Из истории вычеркивается наиболее романтизированный момент и вместе с ним - весь петербургский период, а поскольку Советский период без СССР не существует, то встает вопрос: что такое Российская нация и Россия? Это означает, что встает вопрос и о распаде того странного образования, которое принято называть Российской Федерацией.

Поэтому сохранение национально-историко-культурной самоидентификации возможно только путем восстановления СССР, поскольку ни один из народов других республик не согласится считать себя частью некой Великой России.

Отсюда приоритетный внешний интерес России - восстановление Советского Союза.

Второй вопрос - вопрос технологической реконструкции производства. Старая технологическая база себя исчерпала. Мир переходит к производству нового типа. Основной ресурс, имеющийся для такой реконструкции у Страны - это ее невостребованный пока научно-технический задел. Мы до недавнего времени занимали первое место в мире по количеству не внедренных научно-технических разработок. Это и техническая база реконструкции, и возможность создания финансовой базы путем экспорта новых технологий на мировой рынок. Это - единственный путь получения финансового задела, поскольку никто никогда не даст стране кредиты на реконструкцию - как потому, что подобных денег - около 500 млрд. долл. - никто не имеет, так и потому, что подобное перевооружение менее всего нужно наиболее богатым странам.

Отсюда - для России приоритетно развитие отношений с теми странами, которые могут выступить потребителями наукоемкой продукции и технологий, защита своих интересов на этих рынках от других технологических держав.

Наряду с этим внешняя политика должна обеспечить учет интересов России и невмешательство других стран в ее внутренние дела, обеспечение благоприятного внешнего климата для проведения коренной реконструкции производства в стране, политической стабилизации и акций России по восстановлению СССР.

Однако учитывая несовпадение интересов России и других развитых стран, учет интересов России может быть осуществлен только в случае ее жесткой позиции во внешних отношениях. Это не должна быть агрессивная или враждебная политика, поскольку для страны приоритетным является внутренний, а не внешний вектор, но это должна быть позиция ясно определяющая, что своими интересами она не поступится в любом случае, несмотря на любые дипломатические издержки. Условно такую позицию можно было бы определить как политику "ворчливого соседа", не ищущего ссор, но каждое покушение на свои интересы превращающего в такую проблему, когда выигрыш противной

стороны не оправдывает потерь. Эта политика требует жестких акций, убеждающих мир в том, что периоду уступок положен конец. В качестве аналогии можно вспомнить о вводе немецких войск в демилитаризованную Рейнскую зону.

В переносе на современные условия, можно сказать, что другие страны начнут считаться с Россией всерьез тогда, когда она развернет войска в той или иной из союзных республик для защиты русскоязычного населения.

Следующий момент - восстановление мирового доверия. Можно, конечно, сказать, что у России, как когда-то у Англии, нет вечных союзников и вечных противников, но есть вечные интересы. Однако невозможно защищать интересы, не имея на том или ином этапе тех или иных союзников. И нельзя иметь союзников, если они не будут доверять партнеру, памятуя о том, как были выполнены обязательства по отношению к прежним. А это означает, что нельзя восстановить доверие к себе, не выполнив обязательства по отношению к старым союзникам, во всяком случае тем из них, в которых сохранились бывшие союзные режимы: Кубе, Ираку, Югославии. Можно любить или не любить эти режимы, но мир должен знать, что Россия свои обязательства выполняет.

И в этом отношении надо четко понимать, что главным соперником нашей страны были и остаются Соединенные Штаты. Это вытекает как из того, что эти две страны - потенциально самые сильные, так и из того - и много больше из того, что США - основной технотронный конкурент России. Экономика США последнего десятилетия построена на экспорте наукоемкой продукции, новых технических проектов, технологий, продажа которых другим странам, в частности - Японии, Западной Европе позволяет приобретать их продукцию, выпускаемую после внедрения инноваций, и поддерживать высокий жизненный уровень внутри страны. Если США сами перейдут к выпуску такой продукции, они не смогут оплачивать труд по нынешним ставкам внутреннего рынка рабочей силы, она оправдана только при сосредоточении усилий на наиболее перспективных разработках, опережающих мировое научно-техническое развитие.

Поэтому для США Россия прежде всего опасна не как носитель коммунистических идей, неизбежность возрождения которых здесь они скорее всего понимают, а как потенциальный конкурент в борьбе за потребителя наукоемкой продукции. А это значит, что данные две страны не могут быть союзниками, союзниками России могут быть противники США.

Вообще сегодня в отношениях России с другими развитыми странами возможна только одна логика: страна поверила их проектам и обещаниям, она пошла на реформы, т.е. выполнила свои политические обязательства. Но реформы приносят одни убытки, а помощь не поступает. Следовательно, либо Россия получает полномасштабную помощь и подобные реформы продолжает, либо она их прекращает, переходит к иному варианту развития. Но даже в этом случае развитые страны должны компенсировать России ее доверчивость. Убытки, понесенные народами СССР начиная с 1987 года должны быть возмещены. Если они не возмещаются сегодня, страна прекращает выплату долгов, оставляя за собой право требовать возмещения убытков в будущем.

К тому же одной из форм расплаты может быть доступ страны на рынок современных технологий.

При этом надо учитывать и другое. Сегодняшняя ситуация все больше напоминает расклад между Первой и Второй мировыми войнами: там победившая Антанта, побежденная Германия и ослабленная, осуществляющая социалистический эксперимент Россия, мужающая с каждым годом. Здесь: победившие США, побежденный СССР, набирающий силу социалистический Китай. Усиление Китая может оказаться более значимым, чем предполагается. Не говоря о том, что истинный его потенциал явно скрывается, возможный приход Африканского Национального Конгресса к власти в наиболее экономически сильной стране Африки - ЮАР - кардинально изменить ситуацию как минимум на всем южном конусе континента, сняв ограничитель и создав мощного экономического союзника для просоциалистических и афросоциалистических стран региона, дополняя этим создание дуги Гавана-Кейптаун-Пекин, т.е. создание второй мировой системы социализма. В этих условиях дальнейшее развитие кризиса в России, когда другие страны уже не смогут уделять ей столько внимания, как раньше, с неизбежностью приведет к власти те силы, которые более уверенно поклянутся отомстить за унижение периода перестройки. И тогда ситуация повторит ситуацию конца 30-х годов.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ

А.ФИЛИППОВ

В ходе дискуссии участники круглого стола высказывали различные точки зрения на национальные интересы России. Отмечалось, что в обществе необходимо достигнуть консенсуса по данной проблеме. В этой связи возникает несколько вопросов, ответы на которые пока трудно получить.

Во-первых, каков механизм выработки внешней политики России, принятия решений и их реализации. Здесь мы являемся свидетелями полного отсутствия ясности. Существует несколько вариантов концепции внешней политики нашей страны. Год тому назад "Независимая газета" опубликовала один из вариантов, подготовленный рядом ведущих специалистов-международников. Однако, к сожалению, серьезной публичной дискуссии по этому материалу так и не состоялось. Очевидно, общественность больше интересуют проблемы физического выживания в условиях экономических реформ внутри страны нежели вопросы внешней политики. Концепция внешней политики, разработанная российским МИДом, так и не стала достоянием широкой общественности.

Таким образом, мы не знаем, как будут развиваться отношения России с внешним миром. Можно предположить, что кроме четкой линии на сотрудничество (партнерство, союз) с США, других четко определенных направлений у нашей дипломатии нет. Мы, очевидно, будем свидетелями очередных шараханий во внешней политике, заявлений Президента, разъяснений его пресс-секретаря о том, что имелось в виду по тому или другому вопросу, а также быстрого реагирования МИДа по итогам новых акций американских друзей.

Где же вырабатывается внешняя политика? Различные партии и движения фактически лишены возможности влиять на процесс ее выработки. Парламент пытается поднимать голос по внешнеполитическим вопросам, этот голос остается в стенах Белого дома и не слышен во властных структурах. МИД его игнорирует, Совет безопасности не слышит, Президент на дух не переносит народных избранников. Остается только один возможный ответ - кухня внешней политики находится в президентской администрации и ее создатели подгоняют внешнюю политику под свои собственные интересы и интересы тех кругов за рубежом, с которыми они связали свою судьбу. Что касается судьбы России, то она решается по принципу: "что хорошо для Америки, хорошо для всех".

Во-вторых: в проекте Конституции, внесенном Президентом, в ряде статей, а также в Договоре о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации (аналогично краев, областей, городов Москва и Санкт-Петербург, автономных областей, округов и т.д.) внешняя политика и международные отношения, Международные договоры, вопросы войны и мира, внешнеэкономические связи относятся к ведению федеральных органов государственной власти Российской Федерации. С другой стороны, там же говорится, что республики в составе Российской Федерации (края, области, города Москва и Санкт-Петербург и т.д.) являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений, соглашений с другими республиками, краями, областями и т.д. Интересно отметить, что здесь не идет речь о зарубежных странах. На практике же субъекты Федерации приватизируют внешнюю политику. Татарстан, Чечня и другие субъекты Федерации активно выходят на международную арену не только в экономической, но и в политической области. И здесь полный разноречивости. Интересно, сколько суверенитета возьмут субъекты Федерации во внешней политике? Многочисленные сообщения прессы говорят о том, что провинция не хочет быть в отрыве от дальнего и ближнего зарубежья. Республики, края, области открывают свои представительства за рубежом, их лидеры осуществляют рабочие визиты в различные столицы мира. Все это будет продолжаться и впредь, поскольку их интересы никак не учитываются федеральными властями при выработке и реализации внешней политики. Зарубежные предприниматели, которых активно поддерживают свои правительства, предпочитают налаживать прямые связи, минуя недостаточно дееспособный Центр.

В структуре МИД есть подразделение, которое занимается связями со странами СНГ, но нет подразделения, которое

занималось бы субъектами Федерации, координацией их связей с внешним миром, анализом и учетом их интересов в ближнем и дальнем зарубежье. Поэтому по всей стране проводятся семинары, встречи, конференции экономического и политического характера, участниками которых являются представители правительств зарубежных стран, местной администрации, промышленники, где обсуждаются важные проблемы, которые не всегда соответствуют национальным интересам всей Федерации. Так продолжится до тех пор, пока не будет отработан механизм участия субъектов Федерации в процессе выработки и реализации внешней политики России.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

МОЛОДЕЖЬ И ПРОБЛЕМЫ ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (по результатам социологического исследования)

С. ВАСИЛЬЦОВ,
доктор исторических наук

Наверное, одним из основных направлений развития современного политического сознания в России, а также в большинстве некогда составлявших Союз ССР республик, в ближайшие годы будет - а отчасти уже и является - понимание жизненной необходимости восстановления той или иной формы государственного единства народов, исторически игравших роль ядра геополитического образования, каким некогда была Российская Империя, а затем Советский Союз, - русского, украинского и белорусского. Их разобщенность, тем более подозрительность или враждебность друг к другу, будет вечным источником нестабильности и угрозы кризисных потрясений во всем огромном регионе, тысячелетиями выполнявшем роль синтезирующего начала мировых культур - европейской и азиатской. Их воссоединение способно положить начало надежной стабилизации всего этого региона, предотвратить превращение его в обширнейшую зону мировой напряженности, постоянно грозящей перерасти во всеобъемлющий конфликт.

Многое говорит за то, что уже сегодня мы можем наблюдать, как развивается медленное и мучительное осознание данной зависимости. В том числе - в среде самих этих славянских народов, оказавшихся как бы между двух эпох: раскола и нового воссоединения.

Впрочем, не все обстоит так просто. История давно доказала: единожды порушенное куда как трудно вновь сложить. Часто это вообще не удается.

Так и поиски путей сближения для славянских народов бывшего СССР обещают оказаться непростыми и долгими. Трудности лягут, судя по всему, не столько на зрелые поколения русских, украинцев, белоруссов, представителей других бок о бок с ними живущих народов, сколько на людей, сегодня еще только входящих в самостоятельную жизнь. Им предстоит с учетом опыта последнего десятилетия оценить и переоценить историю как всей страны в целом, так и собственных народов. И уже опираясь на сделанные выводы, принимать государственные решения.

Однако процесс этого осмысления и переосмысления идет уже сегодня. Именно сейчас, как это всегда бывает в истории, в мировоззрение молодых людей закладываются взгляды, которые могут потом видоизмениться, однако, как правило, сохраняют свой характер и общую направленность. И особое значение приобретает этот процесс в среде образованной молодежи, которой предстоит на протяжении ближайших десятилетий встать у руля экономики, политики, духовной жизни своих народов, пополнить сферы принятия государственных решений.

Некоторые характерные, устойчивые черты их умонастроений возможно выделить, используя уже накопленный ныне социологический материал. В том числе - данные, касающиеся особенностей политической ментальности российских, украинских и белорусских студентов вузов, полученные в ходе недавнего социологического обследования, проведенного независимым Центром исследований политической культуры России в городах, принадлежащих в последние годы к очагам суверенитетского и демократического движения в трех славянских республиках СНГ.

Общий итог полученных сведений позволяет говорить о том, что даже в этих регионах, еще недавно захваченных процессами раскола единой отечественной государственности, ситуация в настоящее время коренным образом переменялась, либо начинает меняться. Сепаратистские настроения переживают кризис и вырождаются, тенденции же к новому объединению славянских национально-государственных общностей, похоже, возрождаются, крепнут и начинают определять состояние массовых умонастроений.

Первая и весьма характерная черта молодежной ментальности - отторжение окружающего их общества, своего рода

синдром бегства от него. Данные анкетирования показывают: окажись у большинства образованных молодых людей, участвующих в обследовании, сказочная возможность выбрать эпоху для жизни, мало кто из них (один из шести-двенадцати респондентов) остался бы в нынешней. Наиболее же притягательны для них времена общей единой государственности. Их выбрали бы для себя, окажись такое возможным, 46,6% образованных молодых людей Новосибирска, 44,9% студентов Гродно, 42,7% учащихся Симферополя, 33,5% студентов из Ровно и 26,2% москвичей. Чаще всего их манят времена Российской Империи XVIII, XIX столетий, начало XX века.

При этом примерно 13-20% респондентов не отказались бы возвратиться и в годы пресловутого "застоя". Даже своего рода "остаточные" его следы в нашей жизни не вызывают у них смущения: скажем, всего 12-13% опрошенных оскорбились бы, если кто-либо по старинке назвал их "советскими людьми", треть же сочла бы такое звание даже почетным.

Правда, такая государственническая ретроспективная нацеленность носит во многом эмоциональный и слабо подкрепленный реальными знаниями характер.

Несколько примеров. Скажем, имя Рюрика, полулегендарного основателя Древнерусского государства, в состоянии оказались извлечь из собственной памяти от 3,4% студентов в Ровно до 14,8% учащихся Москвы, в то время как их белорусским сверстникам оно как бы и вообще неведомо. Всего лишь половина опрошенных во всех трех республиках смогла назвать и князя, крестившего Русь: похоже, что недавние торжества, связанные с 1000-летием принятия православия, уже основательно забылись даже столичной молодежью, в чьей среде об апостольском подвиге Владимира Святославовича помнят 29,1% опрошенных.

Историческая память образованной столичной молодежи вообще выглядит крайне скромной, иногда убогой даже на фоне познаний, сбереженных ее сверстниками из Новосибирска или других славянских земель бывшего Союза. Например, об Александре Невском и его победе над крестоносцами на льду Чудского озера осведомлены 46,1% московских вузовских студентов против 91,4% учащихся новосибирцев, 67,7% крымчан, 50% белорусских и 49,7% украинских учащихся. Близкая картина наблюдается и в других вопросах.

Впрочем, студенчество Украины и Белоруссии также подчас смутно представляет себе вехи собственной истории. Скажем, студенты Гродно еще могут назвать (72% верных ответов) имя Ф. Скорины, своего великого ученого и просветителя, но, как правило, пасуют перед просьбой указать время присоединения их земель к России. В то же время в Ровно опрашиваемые весьма свободно - в каждом третьем случае - вспоминают точную дату воссоединения украинского и русского народов, однако, почти не ведают (исключая 0,8% случаев), когда была заключена на Украине уния между православной и католической церквями. А ведь отзвуки этого события сегодня вновь болезненно и тревожно отдаются в окружающем их обществе.

Все это дает основание утверждать, что на уровне массового восприятия политические ориентации формируются не столько за счет знаний и накопленного опыта, сколько на почве чувств, своего рода исторически окрашенных рефлексией на происходящие вокруг события. С одной стороны, это лишает их прочной основы; с другой же, оставляет огромное пространство для развития и укоренения в массовое сознание.

Особенно наглядно проглядывает эта зависимость в вопросах, связанных с восприятием тех или иных лидеров и руководителей как настоящего, так и прошлого.

Казалось бы, здесь все должно быть подчинено преимущественно эмоциям. Ибо сами личностные, ориентированные на лидеров политические настроения всегда как бы держатся на своего рода "пене" людских чувств. Однако именно этого сегодня и не происходит.

Да, уровень престижа ныне действующих политиков на всех славянских землях СНГ крайне невысок. В России имя Б.Ельцина в качестве человека, способного вывести страну из упадка, назвали лишь 5-9% респондентов. Совсем немногие, от 0,6 до 1,7%, упомянули в этом качестве М.Горбачева. Среди опрошенных на Украине (в Ровно) аналогичные оценки Л.Кравчуку дали также около 9% студентов. Заметно ниже (2,5% оценок) стоит рейтинг С.Шушкевича в Белоруссии. Еще с полтора десятка упоминавшихся политиков, как демократической, так и оппозиционной направленности, собрали по 2-6% упоминаний каждый. Остальные же образованные молодые люди не назвали никого. Промолчали 90,7% опрошенных в Белоруссии, 83,2% респондентов с Украины, 78% охваченных анкетированием студентов Москвы и 77,6% новосибирцев, 58,3% опрошенных в Крыму.

Однако и выдвигать в адрес нынешних лидеров обвинения собирается далеко не каждый. Во всяком случае, от 40% образованной молодежи Новосибирска до 61,7% студентов-москвичей не стали пенять никому из них за развал страны и всеобщий упадок. Остальные, почти в каждом четвертом случае, недобро упомянули М.Горбачева. Примерно в два-два с половиной раза реже их негодование обращалось и против Б.Ельцина. Еще реже вина возлагалась на собственных руководителей. Показательная черта - мало кто по привычке решился пенять и давно умершим руководителям большевистской поры: в среднем 1-3% предпочли предъявить счет за нынешние беды В.Ленину, И.Сталину или Л.Брежневу.

Похоже, что на землях России, Украины, Белоруссии, как то случалось в прежние смутные времена, воцарилась та ситуация в людских умах, которая своею "тихостью" предвещает скорую бурю. Как до формулы сжато, сказано в пушкинском "Борисе Годунове", - "народ безмолствует..."

Впрочем, в коренных вопросах государственного порядка никакого "безмолвия" нет. Люди, похоже, достаточно четко и точно стремятся определять и определяют собственные позиции. Идеал политика ищется в прошлом. И олицетворяет его сегодня для русских, украинских и белорусских студентов Петр I. Именно им пытаются "мерить" нынешних политиков до трети московских студентов, каждый второй опрошенный учащийся в Симферополе и Гродно, один из пяти анкетированных в Ровно. И уже с большим отрывом от основателя Российской Империи следуют почитаемые в лучшем случае каждым десятым-пятнадцатым фигуры В.Ленина, И.Сталина, Д.Сахарова, А.Столыпина.

Как следует из анализа социологического опроса*, идеи той или иной формы единой государственности трех славянских народов имеют сторонников в лице решающего большинства студенческой молодежи, т.е. того обращенного в будущее слоя населения, от ориентаций которого будет в скором времени зависеть очень много.

Конечно, речь идет лишь о тенденциях, только-только заявляющих о себе в сфере молодежного (а по ряду данных - и всего национального) сознания России, Украины и Белоруссии. Шок и оцепенение, наступившие после крушения союзного государства, не прошли. Наметившиеся воззрения на прошлое, настоящее и будущее своих государств и единой исторической государственности, ядром которой были три эти народа, могут и не перерасти в побудительный стимул политического действия. Тем паче, что носители унитаристских идей, как видим, есть, а вот организованной силы, способной их сплотить и помочь реализовать эти взгляды, практически нет. Однако один вывод уже сегодня не подлежит сомнению: окончательный и полный раскол трех славянских народов - по крайней мере на уровне их самосознания - не состоялся. Более того, не исключена ситуация, при которой объединительный (если угодно, имперский) синдром окажется наиболее сильным вовсе не в российской среде, а в смежных с нею украинской и белорусской национально-государственных общностях, которые станут оказывать растущее давление на потерявший себя "центр".

** Опрос был проведен методом анкетирования в 12 учебных заведениях Москвы, Новосибирска, Гродно, Ровно, Симферополя, Опрошено около 700 человек. Обследование репрезентативно по полу, национальности, социальному происхождению, политической ориентированности, уровню доходов семей.*

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ РОССИИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

М.МУНТЯН,

доктор философских наук

Новая, постиндустриальная фаза развития, в которую со все большим ускорением стягивается человеческая цивилизация, ставит все народы и страны перед проблемой пересмотра собственного видения современного мира, формирования индивидуально-национального взгляда на становление сознательно регулируемого миропорядка, определения своего места, своей "ниши" в разворачивающихся глобальных процессах смены основ жизнеустройства мирового социума. Россия в этом отношении находится в особо сложном положении.

Во-первых, страна переживает глубокий и всеохватывающий социально-экономический, политический и духовный кризис, связанный с исчерпанием ресурсов командно-административной общественной системы, с ее крахом и зарождением новой социальной реальности, ориентированной на демократию и рыночные отношения. Идет острая дискуссия вокруг вопросов о стратегии модернизации, средствах и методах ее осуществления, общество расколото социально и политически, не способно сформировать сколько-нибудь превалирующее общероссийское понимание национально-государственных интересов, в том числе и реализуемых на международной арене.

Во-вторых, не завершилось становление России как суверенного государства современного типа. Признание Российской Федерации после развала СССР его правопреемником на международной арене в известной мере "затуманило" несколько самоочевидных вещей:

- государственность новой России не может ни идентифицироваться, ни выводиться из советской государственности;
- внося решающий вклад в ликвидацию Советского Союза, ее лидеры одновременно отвергли любые связующие моменты с исторической российской государственностью;
- борясь до обретения независимости в декабре 1991 г. против Центра, Россия во многом боролась и против самой себя, так как лишившись преимуществ и возможностей единого хозяйственного комплекса, до предела ослабив себя экономически, она продолжает быть спонсором, топливно-сырьевой базой, покровителем, арбитром бывших советских республик - теперь уже суверенных государств;
- вступив в противоборство с Центром с единых с национальными республиками позиций, не учтя своей по сравнению с ними специфики, Россия крайне усложнила обустройство собственной государственности.

В-третьих, по сравнению с бывшим СССР серьезно изменилось геополитическое положение России, резко сократилась ресурсная база обеспечения ее международной деятельности и влияния. Разделом Советского Союза Россия как бы оттеснена дальше в северную и северо-восточную часть Евразии, лишена большей части удобных выходов в Мировой океан, ослаблена инфраструктурно, так как с Украиной, Белоруссией, Прибалтикой отошли наиболее развитые в этом отношении регионы, решавшие задачу обеспечения коммуникационных потребностей и Российской Федерации. Она отделена от Западной и Центральной Европы поясом суверенных государств.

Россия унаследовала от СССР 75% территории, 51 - населения, 60 - основных производственных фондов (в стоимостном выражении), 76 - предприятий, производящих средства производства. На ее долю приходится 90% добычи нефти, 73 - газа, 63 - производства электроэнергии, 80% экспорта сырой нефти и почти 100% - природного газа. Она производит менее половины валового национального продукта, произведенного в СССР в 1990 г.

Ответ на вопрос, куда идет Россия, а не та или иная политическая группировка, тот или другой набор реформ, еще впереди. Аналитики пока что предпочитают формулировать на этот счет альтернативные варианты. Однако это не значит, что сейчас не имеет смысла анализировать модернизационные перспективы страны, ибо ее сегодняшняя

внутренняя "расхристанность" не отменяет национально-государственных интересов, базирующихся на постоянных геополитических факторах и реализующихся объективно в реально складывающейся мировой ситуации.

Если исходить из того, что Россия удержится на траектории демократического развития (а это соответствует ее национальным интересам, вписывается в основные векторы общемировых процессов), если учитывать, что Россия остается одним из центров мировой политики как постоянный член Совета Безопасности ООН, как одна из двух сильнейших ядерных держав, то можно выделить цели и ориентиры, учет которых необходим при определении стратегии ее развития и поведения в мировом сообществе народов.

Содержание и структура геополитических интересов реформируемой России, распределение внешнеполитических ориентиров страны хорошо видны на схеме концентрического, начиная с периметра ее границ, расположения российских интересов, позволяющей вместе с тем учитывать и диалектику их соотношения. Н.В.Загладин считает, что первую из подобных окружностей образуют государства СНГ (где можно выделить по крайней мере два самостоятельных сегмента - западный и юго-восточный). Вторую, тоже делящуюся на несколько секторов, составляют Восточная Европа, исламские страны, Китай и, возможно, Индия. Третью, в таком случае, представляют государства "евроатлантической цивилизации" и Япония. Четвертую - страны "Юга" (Латинской Америки, Африки, акватории Тихого океана).

В каждой из перечисленных окружностей у России свои специфические интересы, требующие специального рассмотрения. В отношениях со странами СНГ непосредственно решаются важнейшие проблемы внутреннего развития страны, ее демократизации, экономического реформирования, включая вопросы ее государственной целостности как федерации. Они, вместе с тем, не могут быть сведены только лишь и исключительно к межгосударственным в их традиционном понимании, ибо в данном случае в общеизвестные нормы международных отношений вторгаются и специфика, и богатый опыт многообразных связей между народами, столетиями развивавшихся в рамках единого государства.

Связи и сотрудничество России со странами второй окружности также выходят за рамки, обуславливаемые чисто политическими мотивами или же взаимосвязанностью, взаимозависимостью модернизирующихся пространств, волею истории расположившихся в более или менее близком историческом времени, ибо вместе со странами СНГ они образуют гигантскую дугу существующей или потенциальной нестабильности (на Северном Кавказе эта дуга проходит по территории России) у российских рубежей, что в определенных обстоятельствах способно угрожать жизненно важным интересам Российской Федерации.

Россия имеет интересы и вне прилегающих непосредственно к ней регионов, она постоянно присутствует на арене мировой политики в качестве одного из ее "грандов" и в связи с мировым размахом ее экономических связей, и постоянным ее вовлечением в глобальные отношения со странами внешнего периметра, и увязанностью своего развития с общемировыми процессами. Другое дело, что ни внутреннее состояние России, ни ее геополитическое окружение не благоприятствуют сейчас проведению самостоятельной глобальной политики, что на ближайшие годы наибольших усилий потребует реализация ее региональных интересов. Не меняет ситуации и фактор обладания Россией мощным ядерным потенциалом, так как в настоящее время этот потенциал как стимулятор международного влияния имеет лишь символическое значение и при коллизиях со странами "Севера" ли, "Юга" ли не способен стать решающим козырем. С другой стороны, Россия впервые за многие годы находится в положении, когда для нее не существует определенной сколько-нибудь значимой внешней военной угрозы.

Территориальные споры, существующие или эвентуальные, связаны со странами, которые заведомо не прибегнут к военной силе для их разрешения, если, разумеется, Россия не перестанет быть единым государством. Все это чрезвычайно выгодно для концентрации усилий страны на решении внутренних задач радикальных преобразований и проблем, постоянно возникающих во взаимоотношениях со странами СНГ.

В равной степени сомнительны нередко появляющиеся в отечественной печати опасения тех или иных политических деятелей или обозревателей, что США и другие державы "Севера" стремятся к вассализации России, ее расчленению на экономически зависимые от них небольшие государства-полуколонии, что именно в этом направлении действуют различного рода "агенты влияния" и т.п. Нет спора, что в плюралистическом политическом мире Запада есть силы, высказывающиеся за подобную перспективу, в лучшем случае - за жесткое дирижируемое развитие России, но они в настоящее время представляют собой маргинальные группы правящих элит западных государств. В целом же здесь доминирует осознание того факта, что Россия не может стать "хвостовым вагоном" ни одного, будь то евроатлантический или азиатско-тихоокеанский, постиндустриального экспресса, что превращение ее в экономическую периферию одного или нескольких высокоразвитых центров модернизации потребует таких вложений в российскую экономику, которые непосильны ни для США, ни для их партнеров.

Здесь необходимо также иметь в виду, что каждая из развитых стран Запада и Япония имеют свои периферийные зоны преимущественного влияния, которые требуют постоянных усилий в виде значительных инвестиций, поставок технологии и т.д. Кроме того, каждому непредвзятому наблюдателю ясно, что в силу экономической и политической нестабильности на всем постсоветском пространстве ведущие финансовые группы евроатлантического мира проявляют сдержанность и осторожность в инвестиционной политике в России. Ею занимаются, как правило, малые и

средние компании-посредники, более склонные к риску, заинтересованные в основном в скупке по демпинговым ценам сырья, энергоносителей, оружия (для стран "Юга"), что можно характеризовать как использование благоприятной конъюнктуры, но никак не в качестве долгосрочной политики "закабаления".

Любопытно, что пищу для разговоров о "порабощении" России могла давать в 1991 - 1992 гг. не столько западная политика, сколько нескрываемая ориентация руководства российского МИДа на всемерное и приоритетное развитие межгосударственных отношений России с Западом. В сентябре 1991 г. Министр иностранных дел России А.Козырев писал, призывая "учиться жить цивилизованно у более продвинутых членов демократического клуба. С прямым участием их экспертов на всех этапах следовало бы готовить и реализовывать совместные программы реформ как в области экономики, так и в сфере безопасности и конверсии". Российское руководство в этот период в целом исходило в своей политике из убеждения, что наилучшим образцом для реформирования России является западный опыт, приведший к успеху их постиндустриальную модернизацию и поэтому главная проблема заключается в точном следовании их урокам. С этим связано и рождение идеи о США и других западных странах как о "естественных союзниках России".

Анализируя этот "перекосяк" в ориентации внешней политики Российской Федерации, Я.Пляйс отмечал недавно, что "в соответствии со своей индивидуалистской философией и либерально-демократическим укладом жизни Запад (и особенно западный частный бизнес) будет, естественно, стремиться извлечь из связей с нами максимально возможную прибыль. Поэтому на его филантропию и искренние партнерские отношения рассчитывать не приходится". Попытки официальных российских представителей "поднять планку" отношений с Западом нередко ставили его в неловкое положение и даже для дипломатии выглядели делом неестественным. В политическом плане страны Запада не могут пока с достаточной ясностью сформулировать свои цели в отношении России, поскольку неясны перспективы ее внутреннего развития. Для общественного мнения западного мира самым неблагоприятным был бы такой путь развития России, при котором в стране в той или иной форме произошло возрождение тоталитаризма (неважно, в социалистическом или великодержавном обличьи), ориентированного на борьбу с "внешним врагом", ищущего враждебных Западу партнеров, союзников в противостоянии "евроатлантической цивилизации". Также неблагоприятным видится ведущим западным политическим кругам и углубление этнических и межнациональных конфликтов в СНГ, экономического и социального хаоса на этом огромнейшем евразийском пространстве. Превращение СНГ в зону перманентной нестабильности не только исключает возможность использования ресурсов этой зоны в мировом разделении труда, для динамизации собственной экономики, но и создает, по их мнению, опасность втягивания в углубляющиеся здесь конфликты третьих стран, расползания зоны нестабильности, что может быть чревато катаклизмами глобального порядка.

Наиболее приемлемой для Запада, как это явствует из официальных позиций западных государств, является демократическая стабилизация в России и других странах СНГ, подразумевающая их превращение в партнеров. Младших, в чем-то зависимых или же равноправных, суверенных в определении своих действий - это уже другой вопрос, ответ на который лежит не в сфере политики Запада, а в решающей степени способен дать только само развитие России.

В принципе ее превращение в самостоятельный региональный центр модернизации со своей периферией, вхождение России в коалицию дееспособных, ответственных, инициативных государств, которые, действуя в соответствии с нормами международного права, строят новый демократический миропорядок, в наибольшей мере может соответствовать интересам США и их западных союзников, если они всерьез и полностью отказываются от военно-конфронтационного и силового прошлого и стереотипов политики, основанной на концепции "баланса сил". Б.Клинтон и в своей президентской избирательной кампании, и уже после инаугурации обосновывал перспективу отказа Америки от принципов, связанных с так называемой "реальной политикой". Однако, как с сожалением отмечал американский политолог Дж.Мроз, "политическое мышление Америки, по-прежнему, зиждется в основном на устаревших концепциях баланса сил, уравниловки и противопоставлений одних стран или групп государств другим, будь-то экономических гигантов ЕС и Японии, Индии и Китая или исполина "третьего мира" Бразилии".

Разрыв между намерениями, устремлениями западных государств и их конкретной политикой во всем, что касается России, весьма характерен и будет еще долго оставаться таковым. И здесь хочется сделать одно уточнение. Пользуясь собирательным термином "западные страны", все же нужно иметь в виду, что интересы Германии и Франции, Великобритании и Италии, их всех вместе взятых и США далеко не идентичны и отличаются друг от друга. Другое дело, что на данном этапе развития России, когда опасность усугубления хаоса на постсоветском пространстве, соскальзывания в сторону привычного тоталитаризма еще не преодолены окончательно, еще реальны варианты попятных движений того или иного рода, а перспективы действительного и близкого превращения России в стабильное демократическое государство так и остаются перспективами и не кажутся необратимыми, различия в подходах постиндустриальных держав к российским проблемам еще не дают о себе знать в полной мере. Это - вопрос близкого будущего, но еще не настоящего.

Более продвинута по сравнению с другими позиция Германии, наиболее близко принимающая к своему "политическому сердцу" проблемы и заботы России.

Для России ее превращение в самостоятельный центр модернизации представляется оптимальным. Она может

использовать для этого благожелательное в целом на данном этапе отношение других центров мировой политики к курсу страны на экономическое развитие в сторону овладения ценностями и достижениями постиндустриализма, на последовательную демократизацию общественной жизни, на создание правового государства современного типа. Запад здесь попал в довольно-таки сложное, двойственное положение, описанное Я.Плясом следующим образом: "Ситуация, с одной стороны, побуждает и даже требует от него (Запада. - *Авт.*) помогать России разоружаться, менять общественную систему, становиться демократическим государством и т.д., потому что это снижает уровень угрозы, идущий от России, а с другой - ему, конечно, не хочется вместо советской военной сверхдержавы заполучить в скором времени могущественного экономического конкурента. Со всей наглядностью это проявилось на примере мирового рынка вооружений. Но вектор содействия России, судя по всему, сильнее, чем вектор противодействия ей, и это дает основание для осторожного оптимизма..."

В то же время целый ряд факторов затрудняет России результативно использовать имеющиеся, и немалые, ресурсы модернизации: достаточно высокий уровень индустриального развития, значительные природные и людские потенциалы, мощные, но пока что слабо задействованные интеллектуальные силы, обширную зону соразвития. Следует особо подчеркнуть, что решению модернизационных задач в России препятствуют не только и даже не столько объективные трудности, сколько факторы субъективного порядка. Они порождаются как старыми догмами мировоззренческого характера, инерцией классового или псевдо-классового мышления, великодержавных и националистических подходов, так и попытками слепо, бездумно, а потому безумно копировать зарубежный опыт демократизации и модернизации.

Перетягивание" политического каната между сторонниками этих двух крайних ориентаций не могло и не смогло "родить" стратегию реформирования страны, обеспечивающую столь необходимое для этого национальное согласие. Так, экономические преобразования России были начаты Правительством Е.Гайдара - Б.Ельцина с внедрения монетаристской школы (США), применявшейся в Америке, других развитых странах для стимулирования ускоренного развития передовых наукоемких отраслей хозяйства. Но при этом, похоже, не было учтено, что меры, способные улучшить функционирование рыночной экономики, столкнувшейся с нарушением нормального цикла расширенного воспроизводства, могут оказаться контрпродуктивными в условиях России.

Шоковая терапия" и ее социальные последствия отодвинули на "задворки" общественного сознания понимание самой сути постиндустриальной модернизации России, которая требовала концентрации усилий страны на следующих решающих направлениях:

- полном технологическом перевооружении экономики с одновременной ее структурной перестройкой в соответствии с требованиями нового типа производства;
- диверсификации форм собственности и организации их производительного сотрудничества на базе рыночных отношений;
- постепенном вытеснении государства из сферы производства по мере складывания механизмов экономической саморегуляции;
- демилитаризации всей жизни общества и государства, важнейшей частью которой, но только частью, является конверсия;
- сосредоточении усилий общества на всемерном развитии науки, народного просвещения и здравоохранения, постоянном повышении квалификации трудящихся, что позволяет формировать и развивать умение людей жить и работать в новом технологическом укладе пост индустриализма, пользоваться достижениями современного компьютерно-коммуникативного мира, участвовать в его развитии и совершенствовании.

Экономическая стратегия гайдаровской "команды реформаторов" в считанные месяцы поставила большую часть общества на грань выживания, практически превратив ее из субъекта в объект модернизации, и вызвав к жизни феномен, в свое время, названный В.О.Ключевским "сопротивлением среды". Да, "на современном этапе истории, - как писал академик Н.Н.Моисеев, - при нынешней организации планетарного сообщества основным направлением развития будет его движение по пути социально ориентированной либеральной экономики". Но если это утверждение справедливо как отражение общемировой тенденции, быть может, даже закономерности, то столь же правомерно поставить и вопрос о том, что либерализация экономики различных стран, особенно бывших социалистических, не может не быть процессом долговременным, специфическим, эволюционным, сочетающим бережное и рациональное изменение социально-экономических отношений с учетом тенденций их длительной эволюции, селекции и институционализации наиболее естественных в существующих условиях форм общественной организации со способностью и готовностью общества к соответствующим социально-экономическим и политическим преобразованиям, с точным определением скорости изменений, которая должна коррелироваться с потребностями сохранения целостности социума.

В этом же ряду стоит и понимание, что демократия с ее неизменными атрибутами (развитым гражданским обществом, разделением экономической и политической власти, рыночной экономикой в качестве базы) не "строится", не появляется в соответствии с теми или иными законами, указами. Ими лишь можно убрать препоны на пути ее развития, создать для этого соответствующие условия. Отечественные публицисты, близкие или лояльные по

отношению к "команде Гайдара", пытаются оправдывать "шокотерапию" уже не аргументами в пользу применимости таких методов в условиях России, а с позиции, что либерализацию экономики "с чего-то нужно было начинать". Нет смысла спорить с подобным подходом, его ущербность очевидна. В данном случае можно ограничиться выводом ученого, серьезно анализировавшего перспективы развития России, уже упоминавшегося Н.Н.Моисеева. "Сталкиваясь с людьми, всю жизнь посвятившими политике, - писал он, - я вижу такую направленность их мысли, которая исключает возможность спокойного обсуждения будущих возможностей страны, без ориентации на собственный, притом сиюминутный успех. Это свойство политиков современной волны, может быть, одно из самых страшных наследий коммунистической эры".

Геостратегия же современной России, выступающая в качестве симбиоза осознания объективных геополитических интересов и проблем страны и широкомасштабных последовательных мер по достижению стратегической цели - демократической постиндустриальной модернизации России, должна в обязательном порядке учитывать несколько фундаментальных моментов принципиально нового плана.

Во-первых, вся предшествующая история России показывает, что в "споре" государства и общества победу всегда одерживало первое, государственность выступала высшей ценностью, системообразующим началом, препятствующим возникновению и развитию гражданского общества. Постиндустриальная модернизация ставит вопрос о смене самой парадигмы государства, возвышения человека из объекта властвования в субъект власти, переходе к новой концепции федерализма с четким разграничением функций центральных и местных властей, предоставлением последней проводить собственную политику по обустройству и развитию регионов, вплоть до введения и распоряжения местными налогами. Вне реализации права народов и этнических групп на консолидацию и развитие в рамках широкой национально-культурной автономии, без ее сочетания с максимально возможной, но без ущерба целостности государства, самостоятельностью крупных "ландшафтных" регионов нельзя достигнуть необходимой степени управляемости делами всей федерации, невозможно построить "сильное государство" в современном, а не традиционном понимании этого термина.

Во-вторых, модернизация российской экономики требует учета зарубежного опыта, который показывает, что переход от индустриальной фазы развития (на которой "застрял" СССР) к постиндустриальной осуществлялся: а) с использованием финансовых ресурсов транснациональных банков, международных корпораций, обладавших мощными центрами разработки инновационных технологий, то есть утилизацией достижений научно-технической революции; б) с помощью государства как мощного инструмента содействия модернизации, имея в виду налоговый и инвестиционный режимы для транснационального капитала, направляемого в наиболее перспективные производственные сферы, вкладывая в них государственный капитал и технологии, разработанные в военно-промышленном комплексе, содействуя реализации программ подготовки и переподготовки кадров и работников для постиндустриальной экономики, обеспечивая средствами внешней политики новым и обновляющимся отраслям выход на мировые рынки, сочетая протекционистские меры с субсидированием экспорта.

Этот опыт показывает, что для России следование западной схеме модернизации сейчас нереально, даже если такое и возможно в принципе. Социально-экономические и политические условия в стране таковы, что массовое привлечение иностранного капитала просто исключено, в то же время российский бизнес лишь зарождается, причем не в главной сфере, не в производстве, а в области торговли и денежного обращения. Государство из-за жесточайшего кризиса и собственной слабости, а также в соответствии с официальной концепцией реформ, оказывает весьма ограниченное воздействие на весь процесс экономического реформирования страны.

Ряд российских и зарубежных экономистов убедительно свидетельствуют в этой связи, что чем дольше государство будет экономически пассивным, тем выше риск новых десятилетий упадка. В частности, член-корреспондент РАН Д.Львов, высказываясь за одновременное осуществление радикальной хозяйственной реформы и крупномасштабных преобразований в базисной структуре экономики, подчеркивал, что без сочетания "старых" и "новых" методов государственного управления экономическим реформированием не обойтись. Э.Кине из Франции, анализируя отечественный опыт разгосударствления национализированных предприятий и их включения в рынок, на первое место в этом процессе ставил планирование, основанное на диалоге с государственными предприятиями, что обеспечивало плановый переход к приватизации.

И мировой опыт, и практика экономических реформ в России доказывают, что вполне возможно, ускоряя движение к рынку, сочетать его со стратегическим, долгосрочным планированием и прогнозированием, регулированием со стороны государства не только на макроуровне, но и в производственной сфере, раз речь идет об экономике, почти на 90% представленной государственной собственностью. Государство, и только оно должно и может заниматься выделением комплекса отраслей, которые могут быть ведущими в ходе модернизации, созданием для них преференциальных условий развития. Только оно способно и может принять меры (в виде государственных субсидий, привлечения иностранного капитала) для развития инфраструктуры постиндустриализма и, как минимум, сохранения тех его предпосылок, которые существуют в виде интеллектуального и научного потенциалов. Только государство способно трансформировать "капитал симпатий" Запада к демократическим реформам в России в конструктивное участие мирового сообщества. Все это позволяет сформулировать вывод, что в России речь должна идти о существенной, принципиальной коррекции стратегии модернизации, если исходить из национальных интересов страны.

В-третьих, мировой модернизационный процесс, связанный с втягиванием человечества в постиндустриальный этап его развития, демонстрирует одну свою важную особенность. Она заключается в том, что решение тех или иных экономических проблем, в том числе и овладение новым, технотронным типом производства, отнюдь не автоматически ведет к реализации других общественно значимых модернизационных задач. Более того, претворение в жизнь стратегии продвижения к постиндустриализму в области экономики возможно лишь при условии существования так называемого "активного социума", выступающего одновременно субъектом, осуществляющим перемены, и объектом, на который непосредственно воздействуют социально-экономические преобразования. Именно поэтому глубокая демократизация общественных отношений должна являться не следствием свершившихся реформ, а идти "нога в ногу" с экономическими преобразованиями. Целенаправленная корреляция скорости одних и других обеспечивает, как правило, известную безболезненность реформ, крайне необходимую для стабильного развития. Учет этой специфики тем более необходим для модернизирующейся России, где отсутствует гражданское общество в его общепринятом понимании. Где государство выступает и еще долго будет выступать и инициатором, и координатором всего процесса перемен.

В-четвертых, и настоящее, и будущее модернизационного процесса в России самым тесным и непосредственным образом связаны с СНГ. Вне зависимости от того, видят ли в СНГ "ликвидком", т.е. инструмент дезинтеграции СССР, институт "цивилизованного развода", сомнительного с юридической точки зрения происхождения, или же формулу, символ "бестелесного", аморфного образования суверенных государств, рассматривают ли его в качестве способа уйти от исторической ответственности за содеянное, результат "боязни истории" творцов беловежских решений, считают ли СНГ отправной точкой к новому единству, теперь на независимой, суверенной основе народов бывшего Советского Союза, все непременно признают, что вместе с развалом СССР произошло насильственное расчленение уникального организма, воплощенного в едином хозяйственном комплексе, оборонительном пространстве, однородной политической культуре, интегральной духовной сфере и т.д. Они, эти многочисленные объективные связи, которые трудно разрушить, во всяком случае, в короткий срок, а не политическая воля или мудрость лидеров стран СНГ, удерживают "на плаву" содружество, политики которого до сих пор заняты проблемами завершения раздела имущества бывшего СССР, нагнетают страсти в межэтнических отношениях, будируют территориальные вопросы, ревниво охраняют абсолютизирующиеся суверенитет и самостоятельность.

Они, эти объективные экономические потребности и интересы, традиции межнационального общения переломили с лета 1992 г. тенденцию ускоряющегося "разбегания" бывших советских республик и проявились сперва в инициативах Президента Казахстана Н.Назарбаева, а затем и других руководителей суверенных государств осознанным стремлением к восстановлению хозяйственных и иных связей, в целом сотрудничества на уровне всего Содружества. СНГ постепенно начинает обретать перспективу, обрастать "плотью" совместных координационных органов и организаций, формировать собственное ядро из государств, уже на данном этапе готовых к налаживанию интеграционных связей и сотрудничества.

Вместе с тем при анализе перспектив развития СНГ не покидает ощущение, что будь Россия хотя бы чуточку удачливей в собственной модернизации, стань хоть немного успешнее ее экономическое реформирование, и динамика межгосударственного сближения ради решения однородных по существу проблем стала бы превалирующей. В данном случае нельзя не отдать должное реализму Р.Никсона, который писал в своей книге, что "если реформы в России будут успешными, то другие бывшие республики СССР пойдут за ней".

Размышляя о будущем России и СНГ, можно предположить пять возможных сценариев развития событий:

- полная дезинтеграция СНГ в результате политического решения лидеров суверенных государств Содружества. Россия в таком случае попала бы в изоляцию по значительной части периметра своих границ;
- развал СНГ в результате хаоса и социальных беспорядков на всей территории бывшего СССР, в том числе и в России;
- имперское перерождение или изменение режима в России, в результате которого СНГ станет жертвой попыток восстановления в той или иной форме Советского Союза. Это самоубийственный для России путь, вне зависимости от цветов ее государственного флага;
- сохранение и постепенное упрочение СНГ, но несколько в преобразованном виде, когда группа стран переходит к более высокой степени интеграции, другие же государства продолжают руководствоваться мотивами дистанцирования от России как гарантии от возрождения "диктата Москвы". В таком случае возникает "Содружество разных дистанций", но сохраняется единое модернизационное пространство на всей постсоветской территории.

Это оптимальный в складывающихся условиях сценарий, позволяющий России гармонизировать стратегию собственной модернизации с преобразованиями в других суверенных государствах СНГ, связывая их общей логикой и направленностью, обеспечивая необходимый уровень сотрудничества. Такой путь следует признать единственно перспективным, но он одновременно и наиболее труднопреодолимый, так как требует от России выдвижения масштабных, привлекательных и реализуемых инициатив, учитывающих общие и индивидуальные интересы стран

Императивным для успеха диалога России с партнерами по СНГ выступает восприятие последних в качестве равноправных субъектов международного общения. Безусловно, уровень экономической взаимозависимости государств Содружества очень велик, Россия пока что еще имеет свои войска на территориях бывших союзных республик СССР. Суверенитет каждого из государств СНГ взаимоограничен, причем Россия объективно является первым из них. И, тем не менее, а, может, именно поэтому, пока что не ослабевает тенденция к дистанцированию от Российской Федерации вплоть до вызовов ее интересам, ослабления связей, поиска союзников и партнеров вне СНГ.

Не только непродуманные или неуклюжие шаги Правительства в отношениях с государствами СНГ, но и заявления лидеров различных общественных организаций о том, что границы России не совпадают с границами бывшего РСФСР, о желательности восстановления СССР (даже если они исходят из лагеря оппозиции) оказывают деструктивное воздействие на развитие СНГ. Можно понять сердцем и умом остроту проблем и эмоций, связанных с положением русских в ближнем зарубежье, оказавшихся там в положении неравноправного меньшинства. Но не менее должно быть понятным и то, что в нынешней ситуации заявления о тождестве России с Россией исторической, о необходимости всеми имеющимися в распоряжении Правительства средствами защищать русских, русскоязычных, оказавшихся за пределами ее границ, могут лишь ухудшить их положение и ситуацию в СНГ. Напротив, гибкость, готовность к диалогу, компромиссам, признанию реальностей скорее снимут остроту проблем в сфере межэтнических отношений, чем что-либо другое. Силовые методы неэффективны и тогда, когда суть вопроса заключается в националистических "вывихах" внутренней политики суверенных государств, связанных с эйфорией по поводу обретения государственности и суверенитета, отсутствием опыта в государственном строительстве, несформированностью новых политических элит.

В целом геостратегические позиции России в современном мире следует признать благоприятными для осуществления глубокой модернизации и фундамента, и всего общественного здания страны. Первые реальные шаги на этом пути свидетельствуют, что российская модернизация не может оставаться только "модернизацией сверху", что она не может превратиться в ту или иную форму "вестернизации" жизни народа. Более верной, с точки зрения стратегии развития, следует считать ориентацию на такие принципы реформирования, когда освоение высших достижений постиндустриализма ведет не к разрушению, а к трансформации национальной самобытности страны.

В Японии их синтез дал столь сильный толчок к прогрессу общества и его производительных сил, что это позволило ей во многом опередить страны "евроатлантической цивилизации".

Вместе с тем стратегия преобразования современной России должна быть скоррелирована с прогрессом всего тяготеющего к ней евразийского модернизирующегося пространства, по всей видимости даже большего, чем территория бывшего СССР, ибо только в таком случае она может стать оптимальной по результатам и минимальной по издержкам.

С другой стороны, отражая объективные национально-государственные интересы страны, она должна учитывать и интересы мирового сообщества народов. Малопродуктивны попытки противопоставления России миру как якобы страны с "особой" исторической судьбой и предназначением, и восприятие России в качестве "медвежьего угла" атлантической цивилизации, страны, годной лишь на положение ее периферии. Россия нужна миру как цивилизационная самоценность, как лидер огромного евразийского пространства, обеспечивающий стабильные и плодотворные отношения между великими цивилизациями Запада и Востока.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ЕДИНСТВО РУССКОЙ НАЦИИ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Э.ВОЛОДИН,

доктор философских наук,
профессор

Хотел бы высказать несколько тезисов в связи с проблемой национальной и государственной безопасности. Исторически российское государство складывалось на основе единства и целостности коренного народа, который создавал нашу страну, а именно русского народа. Практически всегда мы имели целостные и не выходящие за пределы распространения своего языка границы. Это - наше наследие, реальность, которая отразилась на нашем национальном характере. Эмоционально-психологически воспринимая мир, мы всегда были убеждены в том, что живем в России, которая является Россией русских и всех народов, ее населяющих.

То, что произошло на исходе 1991 г., иначе как национально-государственной трагедией назвать нельзя. Дело даже не в документах, скрепленных тремя подписями. Дело скорее в том, что эти люди одним росчерком пера лишили русскую нацию целостности.

Имея в виду эти обстоятельства, считаю, что проблемы национально-государственной безопасности будут должным образом восприниматься народами великой России лишь при том условии, если состоится, - на каких угодно основаниях и на каком угодно уровне, - национальное объединение. Приведу ряд соображений в этой связи. Возьмем Балтию. При существующих ныне независимых государствах Прибалтики мы впервые в нашей истории получаем национальный анклав - Калининградскую область. Это не может не настораживать, ведь речь идет о весьма взрывоопасной зоне. То, что было подписано в 1991 г., привело к возникновению границ с так называемым ближним зарубежьем. Ни в национальном, ни в экономическом, ни в историческом, ни в военно-политическом смыслах эти границы не являются продуктом нашей национальной истории и судьбы. Не случайно они остаются достаточно открытыми. В противном случае возникают конфликты, подобные кавказским.

Национально-государственная безопасность не есть реальность сегодняшнего дня, ибо нет целостности проживания единой нации и нет исторически предопределенных нам границ. В этом смысле все разговоры на данную тему могут рассматриваться лишь как промежуточные.

Реинтеграционные процессы представляют собой вопрос первостепенной важности для национального и государственного выживания России, а также и других ныне независимых государств на пространствах Союза. Устоялось мнение, что национальная безопасность - это прежде всего учет суммы факторов, складывающихся из внешнего окружения, геополитических интересов, экономического расклада сил. Сейчас следует отнести к таким факторам и проблему национального выживания. Демографические процессы, развивающиеся в России, катастрофичны, и экологические условия на наших территориях усугубляют эту губительную тенденцию: резкое сокращение рождаемости, умирание старшего поколения. Последнее обстоятельство напрямую отражается на внуках, поскольку прекращается воспроизводство национального характера, национальной идентификации, традиций быта.

Возникает ряд вопросов в связи с военной доктриной, которую мы собираемся строить. На каком основании мы будем это делать, если отсутствует статистический учет и службы прогнозирования, и мы не знаем, следовательно, каков будет демографический облик общества через 10 лет. Неясно и то, каков будет экономический потенциал, на котором Россия будет строить свою армию через 10 лет, при продолжающемся общем плане падении производства, упадке технологии и экономики в целом. У нас отсутствует внутренняя национальная политика (если не считать абсурда под названием "суверенитеты", что не более, как самая дальняя абстракция для реального национального бытия). Неясно, как будут выстроены взаимоотношения между отдельными национальными образованиями и как это отразится на военном строительстве.

УРЕГУЛИРОВАНИЕ С ГЕРМАНИЕЙ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ИЛИ УРАВНЕНИЕ СО МНОГИМИ НЕИЗВЕСТНЫМИ?

А.АХТАМЗЯН,
доктор исторических наук

Среди приоритетов внешней политики России, по крайней мере в течение двух столетий, центральное место занимают ее отношения с Германией. Мирные, хотя и не всегда гармоничные, в период от наполеоновских войн до первой мировой войны - "золотой век" в истории отношений двух народов - давали основания для уверенности в том, что всегда так будет. Однако опыт XX века с его двумя мировыми войнами, невиданными в истории жестокими блокадами и сражениями, огромными жертвами и разрушениями с обеих сторон, казалось, говорил о непримиримости жизненных интересов двух стран. Во всяком случае, он изменил сложившееся в отношениях между двумя европейскими державами понятие "общности судьбы" и создал устойчивый стереотип - образ врага:

Фрица, с одной стороны, и Ивана - с другой. Правда, в промежутке между двумя войнами оказалась целая полоса взаимовыгодного сотрудничества, экономического и даже военно-технического, получившая наименование "рапалльской эры". Именно в этот период, как отмечал один из германских дипломатов того времени, в сознании среднего немца сложилось убеждение, что дела в Германии идут хорошо, когда у нее хорошие отношения с Россией.

В большой политике, к сожалению, не всегда действуют соображения простого человеческого здравого смысла. Над "большими" политиками чаще довлеет демония власти, стремление к расширению сферы власти и даже к доминированию, господству. Говорят, что в этом суть политики: в борьбе за расширение сферы владения материальными ресурсами, в первую очередь, землями и недрами. Во всяком случае, нацистская Германия совершила нападение на Советский Союз 22 июня 1941 г. с целью осуществления за ранее разработанных планов расширения жизненного пространства и вытеснения славян по "Плану Ост" из европейской части за Уральский хребет.

Попытки современных псевдоисториков, и германских и "русских по крови", представить нападение гитлеровского вермахта как превентивную атаку или упреждающую "другого агрессора" войну, поставив на одну доску двух диктаторов - Гитлера и Сталина, столь же безнравственны, как и отрицание ответственности Германии за развязывание второй мировой войны. А такие попытки были предприняты в ФРГ во второй половине 80-х годов в ходе "дискуссии историков" по поводу "релятивизации нацизма", точнее реабилитации нацизма, а в последнее время в форме подготовленной на Западе и выпущенной огромным тиражом и на русском языке книги "Ледокол", подписанной псевдонимом В.Суворов.

Мои размышления как российского историка имеют целью выяснить для современников значение и возможные последствия того решительного поворота в политике, который произошел на рубеже 90-х годов и который призван положить начало новой эре не только в отношениях между двумя великими европейскими нациями, но и в истории Европы. Если мы хотим строить отношения между двумя странами действительно на новой основе, то фундамент надо закладывать не из блоков фальсификаций, а из камней истины.

Безоговорочная капитуляция Германии в мае 1945 г. стала отправной точкой послевоенной истории и началом т.н. германского вопроса, который на протяжении десятилетий был основной причиной напряженности и конфликтных ситуаций в центре Европы. И вот эта острейшая проблема получила успешное решение. Окончательное урегулирование с Германией в 1990 году следует признать чудом, особенно если иметь в виду его темпы и итоги. Трудно не согласиться с германским исследователем Карлом Кайзером, который по свежим следам так оценил события: "Объединение Германии и выработка связанного с ним международного урегулирования представлял собой величайший триумф в дипломатии послевоенного времени и означает для Федеративной Республики

величайшее и успешно выдержанное испытание на надежность со времени ее основания". Примечательно, что оценка единения немцев как триумфа удивительно совпадает с оценкой президентом США окончания холодной войны как победы Запада над "империей зла". Действительно, в Европе произошли изменения тектонических масштабов. При этом удовлетворение немцев, естественно, вызывает мирное течение событий, за что они бесконечно благодарны "лучшему немцу года" М.Горбачеву и "мастеру компромиссов" Э.Шеварднадзе: "Изменение произошло ошеломляюще: без трений, быстро и, что важнее всего, без кровопролития".

Сразу после событий 1990 года публицисты и исследователи в Германии начали осмысливать успешный опыт решения национальной проблемы, тогда как в России до сих пор не предпринято серьезных попыток хотя бы составить цельную картину развития событий и итогов германского урегулирования, не говоря уже о том, что герои истории не стали утруждать себя даже подобием отчета перед обществом, перед народом о своих деяниях. На это, очевидно, просто не хватило времени. Что касается самовосхвалений в виде печатных изданий и мемуаров, изданных за рубежом, то это стало чем-то вроде старческой болезни бывших лидеров коммунистического движения. Радетели общечеловеческих ценностей почему-то умалчивают о главном: каков результат их деятельности для интересов своего народа? Полагаю, что общественность вправе требовать и отчета, и ответа на этот вопрос. Во всяком случае, потребовать публикации документов и свидетельств о процессе "урегулирования", в ходе которого происходило решение открытого германского вопроса и целенаправленное разрушение одной из держав-победителей - Советского Союза. В результате возник новый вопрос - вопрос о единстве русской нации.

Объединение немцев в едином государстве, конечно, продиктовано интересами экономического развития индустриальных стран Европы. Мы можем только радоваться вместе с немцами тому, что их жизненные условия будут улучшаться. Однако за сорок лет сотрудничества между СССР и ГДР сложились не только экономические и научно-технические связи, но и чисто человеческие контакты, которые были в одночасье разорваны по воле "титанов" большой политики.

Честной попыткой трезво взглянуть на судьбу населения "другого" германского государства - ГДР, которая считалась верным союзником Москвы до "эры Горбачева", считаю выпущенную в 1993 г. издательством "Международные отношения" книгу "Последний год ГДР", в которой помечены очерки И.Максимычева

"Крушение. Реквием по ГДР" и Ханса Модрова "Взлет и падение".

Германия обрела единство, полный суверенитет и свободу действий на мировой арене. Это вполне естественно спустя полвека после завершения самой кровопролитной войны, развязанной именно Германией. Главное для нас, россиян, - осознать новую реальность, найти пути для новых отношений с объединенной Германией. Для построения новых отношений между двумя странами, для преодоления старых стереотипов, особенно основанного на тяжелом опыте образа врага, весьма важно показать людям, каковы позитивные результаты окончательного германского урегулирования, в частности, как соблюдены экономические интересы России. К сожалению, следует констатировать, что отцы-основатели "европейского дома" с российской стороны в ходе этого урегулирования проявили не только полную некомпетентность в международных делах и дипломатическом искусстве, но и полное нежелание видеть долговременные экономические интересы своей страны: они не обеспечили надежного технологического сотрудничества с самой мощной индустриальной державой Европы, которое помогло бы вывести страну из трясины.

Именно в ходе переговоров по урегулированию, а не после них следовало государственным мужам думать об обеспечении экономических и имущественных интересов страны, о действительных гарантиях сохранения и развития экономического сотрудничества с предприятиями в восточных землях объединенной Германии, приемлемых формах взаимных расчетов. Беда России сегодня в том, что на гребне мутной торгашеской волны российский корабль не имеет грамотного капитана или хотя бы штурмана, а капитаны корабля на рубеже 90-х годов действовали явно по принципу: после нас - хоть потоп. Вот лишь несколько эпизодов, которые стали известны из западных источников и которые показывают, как личная дипломатия М.Горбачева и Э.Шеварднадзе вела к "окончательному урегулированию" без учета интересов страны.

Один из ближайших сотрудников канцлера Г.Коля в период урегулирования, Хорст Тельчик, в только что вышедшей книге "329 дней. Внутренние аспекты единения" опубликовал свои дневниковые записи, в которых с документальной точностью излагает многие подробности переговоров на высшем уровне.

Ключевое значение для понимания форсирования процесса объединения Германии имела встреча М.Горбачева с канцлером Г.Колем в Москве 10 февраля 1990 г. Известно, что в ноябре 1989 г. канцлер ФРГ в своей программе из 10 пунктов наметил путь к объединению через создание германской конфедерации, причем сроки не были сжатыми: процесс мог быть растянут на несколько лет. В начале 1990 г. канцлер Г.Коль предпринял гениальный ход, предложив населению ГДР воспользоваться благами потребительного общества путем введения своей твердой валюты - немецкой марки на территории ГДР. Одновременно он предпринял беспрецедентную кампанию, выступив на массовых митингах в городах другого германского государства с тезисом о ликвидации этого государства.

В разгар этой кампании М.Горбачев принимает канцлера Г.Коля в Москве и без всяких условий дает ему карт-бланш на ликвидацию ГДР. Согласно записи Х.Тельчика уже в начале переговоров М.Горбачев доверительным тоном

сообщил Г.Коль, что он принял решение, согласно которому канцлер может взять в свои руки дело объединения двух германских государств. Г.Коль не сразу понял этот ход партнера, поскольку не выдвигал не только требования, но даже пожелания такого рода. После очень короткой интермедии в форме вопросов и ответов, которую можно считать дипломатической разминкой, М.Горбачев наклонился над столом и сказал: "Между Советским Союзом, ФРГ и ГДР нет никаких разногласий во мнениях относительно единства и права людей стремиться к нему. Им самим надо решить, по какому пути они хотят идти. Немцы на востоке и западе уже доказали, что они извлекли уроки из истории и что с немецкой земли никогда больше не будет исходить война". Внешне спокойно Г.Коль согласился с этим тезисом, но не проявил каких-либо чувств.

Иначе воспринял это сообщение сообразительный Хорст Тельчик. Он понял раньше своего шефа, что настал исторический момент: не прошло и трех месяцев со дня открытия берлинской стены, а М.Горбачев делает следующий ход. Заметим при этом, что М.Горбачев сделал это до выборов в ГДР, не спросив согласия какого-либо коллегиального или представительного органа своей страны.

Хорст Тельчик записал в своем дневнике, что он оказался более прозорливым, чем сам канцлер. Если канцлер не откликнулся на сенсационный жест генсека, то его ближайший сотрудник понял порыв М.Горбачева: "Напротив, моя рука взметнулась, чтобы точно записать каждое слово, ничего не прослушать и не упустить, что было бы существенно или могло привести к недопониманию. Внутри ликовало. Это прорыв! Горбачев соглашается с объединением Германии. Триумф для Коля, который войдет в историю как канцлер германского единства".

Мне как историку хотелось бы знать, в каком качестве хотелось войти в историю М. Горбачеву в тот момент? Может быть, уже виделись

контуры премии Нобеля? Однако, что получала при этом страна? Ведь в тот момент Г.Коль еще не успел сформулировать свое великодушное обещание, что Германия не будет нападать на Советский Союз.

Далее события развивались уже по планам Бонна и Вашингтона, хотя в некоторых европейских столицах еще высказывался скептицизм по поводу торопливости и упорства германского канцлера, скажем, трезвые голоса раздавались из Парижа и Лондона. Хорошим поводом для того, чтобы не проявлять поспешности, стало условие, выдвинутое на Западе:

объединенная Германия должна оставаться членом НАТО. Это пожелание оставляло, по крайней мере, возможность вести солидный торг по условиям объединения. Если это было неременное условие Запада, то и Восток мог выдвинуть свое неременное условие, кроме нерушимости границ, которое, по существу, закреплено в договорах за 20 лет до этого.

Присоединение ГДР к ФРГ давало последней огромный материальный выигрыш не только в виде увеличения территории и населения. ФРГ получала не пустошь, а развитые промышленные земли. Накопленные ценности в виде предприятий, жилых домов и социально-бытовых сооружений, путей сообщения и транспорта, наконец, научно-технического потенциала в присоединяемых землях, исчислялись суммой в один триллион четыреста миллиардов марок, не считая военной техники и вооружений армии ГДР на сумму в 90 млрд. марок. Часть этой техники, по сообщениям печати, вскоре попала на мировой рынок вооружений, а самые современные самолеты МиГ-29 взяты на вооружение бундесвера как трофеи.

Именно в это время полагалось подумать о признании имущественных интересов России на территории Германии как условия вывода войск. Не унижительное выпрашивание средств на строительство жилья для офицеров своей армии, а юридически обоснованное требование компенсации за имущество и сооружения, которыми владеет СССР на территории Германии. Даже приблизительная суммарная оценка стоимости имущества не была представлена, не говоря уже о выработке соглашения о компенсации ущерба жертвам нацизма. Кстати, сумма в 12 млрд. марок, обусловленная соглашением октября 1990 г. (когда объединение Германии уже стало свершившимся фактом) об условиях временного пребывания и сроках вывода 400-тысячной армии, сопоставима с суммой единовременной выплаты правительством ФРГ на "операцию в пустыне" союзников против Ирака. Она составила 18 миллиардов марок.

Между тем, отказ от требования заключения мирного договора и принятия статуса нейтралитета объединенной Германией (или иначе говоря, неучастия в НАТО) произошел также бездарно и безграмотно. Еще в апреле-мае Э.Шеварднадзе публично делал заявления о неприемлемости для СССР участия Германии в НАТО. В доверительных беседах он, однако, давал понять, что это требования консерваторов - сторонников диктатуры. 19 апреля 1990 г. Хорст Тельчик записал примечательный факт: на совещании министров иностранных дел в Праге министр Э.Шеварднадзе выступил решительно против членства Германии в НАТО; однако, когда представители Венгрии, Чехословакии и Польши высказали противоположное суждение, он сердечно благодарил их за такую позицию, ссылаясь на нетерпимо сильное давление на него консерваторов и военных в своей стране. Германское правительство тотчас получило информацию об этом. Назовите мне другую великую державу, министр которой прибегал бы к такому способу ведения дел своей страны.

Как произошел отказ от требования неучастия Германии в НАТО? Уже через две недели после визита канцлера в Москву его эрзац-министр иностранных дел Х.Тельчик записал:

"Федеральный канцлер взял ключ (к германскому единству) с собой. Он находится теперь в Бонне". Когда министр Э.Шеварднадзе робко заметил в те дни, что германское единство "потребуется, по крайней мере, несколько лет", Х.Тельчик, отбросив дипломатию в сторону, бросил фразу: "Шеварднадзе еще удивится", "лишь в нашей компетенции" определять, в каком темпе пойдет объединение.

Было бы неверно полагать, что М.Горбачев не понимал, какой шаг он совершает. Он предоставил канцлеру Г.Колю полную свободу рук в объединении Германии, точнее, в присоединении ГДР к ФРГ, взамен признания нерушимости границ в Европе. Но между СССР и Германией нет общей границы, как, впрочем, не было и перед второй мировой войной. М.Горбачев согласился с тем, что нейтралитет был бы для объединенной Германии унижен. Не обошлось и без дипломатических реверансов: поблагодарив канцлера за присланную пфальцскую колбасу, он выразил пожелание побывать на родине канцлера в Пфальце. Что касается статуса объединенной Германии, то канцлер решительно отклонил мысль о том, что он может быть определен на конференции четырех держав, даже по формуле "4 плюс 2", которую выдвигали американцы: а М.Горбачев, как бы между прочим, заметил, что решение о статусе Германии можно будет найти. Т.Хельчик отметил, что никакого намека на какие-либо требования со стороны СССР не было, цена за поистине царскую уступку не была назначена. Именно на этой встрече была введена М.Горбачевым в оборот формула "два плюс четыре", согласованная с Дж.Бейкером, и в тон гостю было провозглашено: "Ничего без канцлера"!

В конце апреля - начале мая 1990 г. имела место дипломатическая активность между Москвой и Бонном. В ходе контактов с германской стороны была выражена готовность рассмотреть возможность заключения двустороннего договора с СССР, но после окончательного урегулирования, а с советской стороны - пожелание получить крупный кредит на 5-7 лет. Для выяснения финансового состояния Союза ССР канцлер снарядил своих доверенных лиц на самолете бундесвера в Москву. Понимающие финансовые дела эмиссары на встрече с председателем Совмина СССР Н.Рыжковым потребовали данные о фактических долгах Союза и получили их. На тот момент задолженность, точнее - полученные кредиты, в сумме составляли 22,7 млрд. долл., в том числе, среди шести крупнейших кредиторов на 1-м месте ФРГ (6 млрд.). В июне 1990 г. было объявлено, что СССР получает кредит в 5 млрд. марок. Это произошло, однако, после визита М.Горбачева в США, где он неожиданно даже для американского президента снял последнее препятствие на пути к окончательному урегулированию: согласился на членство объединенной Германии в НАТО.

В официальных публикациях об итогах визита М.Горбачева в США на этот эпизод, конечно, не было обращено внимание, однако в журнале "Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт" К.Уолш засвидетельствовал факт: "В июне 1990 г. во время визита М.Горбачева в США, за чашкой кофе в кабинете президента США в присутствии советников обоих президентов и глав дипломатических ведомств, советский лидер заявил как бы мимоходом, что он согласится признать членство объединенной Германии в НАТО, если этого захочет немецкий народ". Присутствующие были ошеломлены. Воцарилось молчание. Ведь ровно месяц назад М.Горбачев отверг именно эту идею. Президент Дж.Буш посмотрел М.Горбачеву в глаза и сказал: "Я хотел бы услышать снова, еще раз. Вы говорите, что не возражаете, если немцы захотят быть в НАТО?" М.Горбачев повторил: "Если они захотят быть в Варшавском договоре, прекрасно. Если захотят состоять в НАТО, тоже прекрасно".

Дж.Буш заметил, что даже Э.Шеварднадзе выглядел смущенным. Он попросил М.Горбачева повторить сказанное еще раз. М.Горбачев исполнил монолог на бис. Дж.Буш и его сотрудники были потрясены, рассказал очевидец. Этот факт, насколько мне известно, не подтверждался, но и не опровергался М.Горбачевым. Полагаю, однако, что этот эпизод весьма наглядно показывает, как одна за другой сдавались позиции великой державы без какой-либо надобности или взаимной уступки.

После того, как канцлеру Г.Колю был вручен ключ к германскому единству и снято возражение против членства объединенной Германии в НАТО, на переговорах "два плюс четыре", а фактически с этого времени - "канцлер плюс четыре", осталось лишь оформить окончательное урегулирование, точнее полный отказ от потсдамских соглашений, от прав и ответственности в отношении Германии.

Параллельно шло оформление присоединения ГДР к ФРГ. В сентябре 1990 г. в Москве подписан договор об окончательном урегулировании с Германией, в октябре 1990 г. состоялся торжественный акт ликвидации ГДР, а в ноябре подписан договор между СССР и ФРГ о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве. Этот договор следует признать высшим достижением дипломатии М.Горбачева и Э.Шеварднадзе. Договор от 9 ноября 1990 года содержит в более чем 20 статьях ряд положений и постановлений общего характера, однако он не равноценен мирному договору. Для Российской Федерации, объявившей себя правопреемницей ликвидированного Союза ССР, остается жизненная потребность уточнить и конкретизировать взаимные обязательства двух крупнейших государств Европы путем заключения новых договоров и соглашений, что частично и сделано в 1991-1992 гг., в частности, во время визита Б.Ельцина в ФРГ в ноябре 1991 г. и ответного визита Г.Коля в Москву в декабре 1992 г.

В сложившейся в результате безответственной политики М.Горбачева и развала Союза ССР новой ситуации для

России необходимо выработать новую концепцию отношений с Германией. Нынешний уровень экономического и научно-технического сотрудничества не отвечает потребностям и возможностям обеих стран. До середины 80-х годов ФРГ и ГДР были крупнейшими экономическими партнерами СССР. И сегодня они остаются важнейшими партнерами для России, хотя общий объем товарообмена значительно снизился. Серьезной проблемой на пути расширения экономического и технологического сотрудничества стала задолженность России по кредитам. Она, как известно, взяла на себя значительную долю долгов из общей суммы кредитов, полученных республиками СНГ. На июнь с.г. эта сумма превышает 80 млрд. марок.

Очевидно, что российской стороне надо бы разумно использовать заинтересованность Германии в получении энергоносителей (бесперебойных поставках природного газа, прежде всего), а также потребность германской промышленности в некоторых видах сырья, особенно редких металлов. Разумеется, что к проблемам двусторонних отношений принадлежит полный вывод всех войск в обусловленные сроки. Остающийся год, конечно, необходимо использовать для удовлетворительного решения всех взаимных претензий: по компенсации ущерба жертвам нацизма, возмещению за оставляемое на территории Германии имущество российской стороны.

Еще в 70-х годах по инициативе ФРГ началось массовое воссоединение семей, и сотни тысяч лиц немецкого происхождения выехали из СССР, в том числе из России. Похоже, германская сторона устала принимать родственников на постоянное жительство и хотела бы позаботиться об их обустройстве не только в местах их компактного проживания, скажем в Казахстане или Киргизии, но и на "новых землях", скажем, на Волге. Если мыслить долговременными историческими категориями, а не категориями сиюминутной относительной выгоды, например, получения денег в долг, то следует ясно представлять себе, что обустройство своих граждан, тем более массовое новое добровольное переселение людей, по всем нормам международного права остается внутренним делом России. Превращение внутренней проблемы России во внешнеполитическую, интернациональную, в проблему отношений между Россией и Германией может иметь непредсказуемые последствия для России. Соглашение о поэтапном решении вопроса о немецком государстве на Волге нуждается в тщательной проработке и общественном внимании.

В этой связи целесообразно взвесить следующие соображения: Россия не имеет сегодня средств для массового переселения людей, а тем более целых хозяйств (именно к этому сводится вопрос о воссоздании республики немцев в Поволжье), осуществление же такого рода акции за счет иностранного капитала едва ли будет совместимо с суверенитетом России; в местах нынешнего компактного проживания лицам немецкой национальности, разумеется, должны быть предоставлены все права субъекта федерации; Среднее Поволжье - это жизненное пространство нескольких наций в течение нескольких столетий, и большого количества пустующих земель в этом регионе не зарегистрировано, сгонять кого-либо с земель нет оснований: немцы в России и их предки никогда не были гражданами собственно Германии, а в России до ленинского декрета и сталинской автономизации немцы не имели своей государственности, если не считать династические связи царского двора; следовательно, восстановление республики немцев в Поволжье было бы восстановлением национально-территориального устройства сталинского времени; наконец, желание Германии оказывать покровительство немцам в России, особенно в Поволжье, ставило бы другие нации в неравное положение.

Вместе с тем, естественно, возникает вопрос: готова ли Германия на основе взаимности предоставить возможность некогда выехавшим из России русским создать свою республику, скажем, на Рейне или хотя бы на Эльбе? Или: готова ли Германия принять избыточное население из района Среднего Поволжья на своей территории с перспективой создания очагов государственности татарской, чувашской, мордовской национальности?

Не только история, но и вспышки ксенофобии и насилия в некоторых землях Германии в 1993г. показывают, что даже такая благополучная европейская страна, как Германия, не застрахована от крайнего проявления национализма и шовинизма. Надо ли к дюжине очагов напряженности в России добавлять искусственно еще один? Печальный опыт в Югославии должен быть серьезным предупреждением для России, да и для Европы в целом.

Россия и Германия - две крупнейшие державы в Европе. Сегодня это надо констатировать как исторический факт. Отношения между ними требуют обновления на солидной взаимовыгодной основе с учетом исторического опыта и жизненных интересов обеих стран. В связи с полным выводом российских войск из Германии и предстоящим 50-летием окончания второй мировой войны, конечно, необходимо на серьезной договорной основе наметить долгосрочную перспективу в отношениях между Россией и Германией, в центре внимания которых стояли бы экономические интересы двух народов, равноправное, взаимовыгодное сотрудничество.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ УЗЕЛ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

А.ЯКОВЛЕВ,
профессор

Отношения России с Китаем почти за четыре столетия сближения их государственных территорий и длительного непосредственного соседства пережили разные времена: случались недолгие периоды вражды и отчуждения, прерывавшие процесс развития добрососедского сотрудничества и взаимодействия, и даже было почти десятилетие тесного военно-политического союза. (Формально этот союз длился с 1950 по 1980 год). Столь долгая история отношений двух великих держав, до недавнего времени имевших самую протяженную в мире сухопутную границу (более 7 тыс.км.), в целом была на удивление мирной. Между ними не произошло ни одного масштабного и длительного военного столкновения, подобного тем, какие имели место у России на ее западных рубежах, а также с Японией.

Даже в самые сложные времена своих жестких трений две державы так или иначе умели мирно регулировать и состыковывать свои стратегические внешнеполитические интересы к обоюдной выгоде. В истории их отношений примечательно то, что острые конфликты обычно возникали в случаях, когда одна из стран чрезмерно склонялась в сторону Запада. И напротив, российско-китайское взаимопонимание укреплялось, когда обе державы так или иначе взаимодействовали, чтобы отстоять свои интересы перед лицом агрессивной активности европейских, японских, американских "цивилизаторов". Известно, например, что европейские советники (иезуиты-миссионеры) приняли деятельное участие на стороне Пекина в его переговорах с Москвой после первых военных столкновений России и Китая в районе Амура в 80-е годы XVII столетия. Прозападный крен Гоминьдана в конце 20-х - начале 30-х годов текущего века в немалой степени способствовал возникновению напряженности в советско-китайских отношениях, которая существенно облегчила Японии развязывание военной агрессии против Китая. Попытки руководства КНР, а затем и СССР, решить проблемы советско-китайских отношений с помощью флирта с Западом в большой мере способствовали перерастанию идеологического спора в 60-80-е годы в тотальный межгосударственный конфликт.

Есть достаточно оснований считать, что по преимуществу добрососедское сотрудничество России и Китая в огромной мере определялось их стабильно-противоречивыми (мягко выражаясь) отношениями с Западом. И вовсе не случайно, что прозападный курс, принимаемый одной или обеими державами для решения непосредственно двусторонних проблем, обычно довольно быстро сменялся встречными шагами с целью восстановления российско-китайского добрососедства. Раньше или позже в Москве и Пекине приходили к осознанию того, что политическая помощь Запада в решении указанных проблем обходится "себе дороже". Общие устойчивые противоречия с Западом неизменно требуют возвращения отношений двух держав "на круги своя", к традиционному добрососедскому взаимодействию. Как известно, Москва уже вскоре после взрыва идеологического спора с руководством КНР приняла и последовательно проводила в жизнь линию на урегулирование и нормализацию отношений с Пекином. Последний, отказавшись в начале 80-х годов от своего квази-альянса с Западом, особенно с Соединенными Штатами, также достаточно активно повел дело к восстановлению добрососедства с СССР. В течение 1984-1989 гг. этот процесс успешно завершился.

Однако его завершение совпало с резким поворотом СССР, и особенно, его правопреемницы - России - в сторону всемерного сближения с Западом. Формула "7+1" (большая семерка + Россия) отражает и характер и меру этого сближения точно так же, как бытовавшая в свое время формула "Китай - фактический 16-й член НАТО" отражала глубину крена КНР в сторону США и Запада в целом. В связке Россия-Запад-Китай Москва и Пекин ныне поменялись местами. Но общая ситуация в этой связи существенно иная, чем прежде, и по другим причинам.

Достаточно сказать, что в отличие от КНР 60-80-х годов Россия формирует свои отношения с Западом, исходя из тенденции сближения с ним в социально-экономическом плане. Иначе говоря, всемерно опираясь на Запад

российское руководство побуждают уже не столько соображения политического маневрирования на международной арене, сколько интересы ее общественного развития. Для Китая же его нынешние широчайшие связи с Западом - это один из источников экономического роста, увеличения "комплексной мощи" и один из способов обеспечения безопасности, прежде всего социальной, т.е. безопасности развития в соответствии с социалистическим выбором. Новое место России в мире и мировой политике, predetermined ее социальной трансформацией, равно как и новое место Китая, ставшего после распада большей части мировой социалистической системы главным центром силы международного социалистического движения, внесли глубокие перемены в объективные основы взаимоотношений двух держав. Эти перемены в обозримой перспективе могут при определенных условиях привести к катастрофическим потрясениям всей системы российско-китайского сотрудничества, поскольку они весьма благоприятствуют возрастанию традиционной негативной роли западного фактора в развитии указанного сотрудничества.

Но пока на уровне практической политики Москва и Пекин стремятся нейтрализовать и смягчить влияние новой специфики своих отношений с Западом на восстановленное российско-китайское добрососедство. Такой их подход может сохраниться лишь в случае, если Россия, подобно Китаю, сумеет преодолеть свои крайне слабо обоснованные надежды на якобы "спасительную" для нее миссию Запада.

Думается, полезно напомнить, что, как и нынешняя Россия, Китай в 70-е, и особенно в самом начале 80-х годов, буквально навязывал себя в союзники США и Западу в целом. Однако десятилетие активнейшего партнерства и фактического союзнического взаимодействия с ними на международной арене выявило для Пекина лишь перспективу быть их послушным оруженосцем и услужливым клиентом. За десятилетие Китай не так уж много получил в смысле ускорения своего экономического роста за счет помощи и содействия Запада. А главное, как и в былые эпохи, высветилось неумное стремление западных партнеров, в первую очередь американской сверхдержавы, все глубже вмешиваться во внутренние дела Китая, высокомерное неуважение к его суверенным правам. Кроме того, заискивание пред Западом в конечном счете обернулось падением международного престижа КНР, хотя именно флирт с ним помог ей восстановить свое место в ООН и других международных организациях, а также установить официальные отношения со многими капиталистическими странами, прежде подвергавшими ее политическому бойкоту.

Сравнительно недолгий, но, по-видимому, весьма впечатляющий опыт политики опоры на Запад побудил Пекин в 1982 г. принять курс на независимое и самостоятельное определение своих внешнеполитических решений, на отказ от военно-политических союзов с какими бы то ни было великими державами или группами государств. Твердо проводя этот курс, Китай мало помалу "уважать себя заставил" и "большую семерку", и охладевших было к нему прежних друзей в третьем мире, и конфликтовавшие с ним страны социалистической системы. В результате он извлек и извлекает из связей с внешним миром максимум возможного для своего экономического роста, темпы которого являются наивысшими в мире на протяжении последнего десятилетия, для подлинно эффективной перестройки своей экономики. Китай уже давно не испытывает острой нужды ни во внешних кредитах, ни в иностранных инвестициях. В 1992 г. его внешняя торговля возросла на 22%, ее общий оборот достиг 165,6 млрд. долларов. В прошлом году в Китае было разрешено создание 40 тыс. предприятий с участием иностранного капитала, что равно общему количеству таких разрешений за предшествующие 13 лет. В 1989-1990 гг. КНР получила различных кредитов и займов на 93,8 млрд. долларов. Причем, это достигнуто Китаем в порядке чисто деловых равноправных отношений с зарубежными партнерами, без политического кликушества и стриптиза с его стороны.

Китай, формируя свои внешнеполитические позиции, давно уже не позволяет себе строить их на идеализированных или надуманных представлениях о характере и ходе современного мирового развития. Он отдает должное новым политологическим веяниям, но в принципе руководствуется не опровергнутым жизнью тезисом о том, что миром правит сила, включающая в себя в качестве стержневого компонента военную мощь государств. Пекин с этим своим взглядом на мировые реалии отнюдь не выбивается из ряда ведущих и якобы на практике применяющих новое политическое мышление государств мира. К примеру, президент США Б.Клинтон, выступая 10 июля в Гонолулу, заявил, что "Соединенные Штаты не могут устраниваться от участия в мировых делах. Мы должны по-прежнему быть сильными". ("Правда", 13.7.1993). "По-прежнему"! Значит, все эпохальные перемены в мире, происшедшие за последние десятилетия и особенно за последние годы, отнюдь не побудили единственную оставшуюся сверхдержаву руководствоваться в международных делах достижениями "нового политического мышления". И это вовсе не ментальная инерция, не отставание сознания от развития объективной реальности. Скорее, даже наоборот.

Характер нынешних, а тем более будущих условий развития современной цивилизации таков, что "чтобы сохранить биосферу и поддержать ее функционирование в качестве самовоспроизводящейся системы, необходимо сильно ослабить антропогенное давление на нее...". (М.Голанский. Новые тенденции в мировой экономике. - "Наш современник", № 4, 1993, стр. 157-158) "Сильно ослабить" - это императив нашего времени для человечества в целом. Но он может быть реализован за счет всех народов и за счет лишь какой-то их части. Вторая возможность связана с реальной силой государств, по-прежнему остающихся главными субъектами международных отношений и мировой политики. Похоже, что бремя упомянутого императива будет делиться соответственно комплексной мощи этих субъектов. Отсюда происходящее ныне преимущественное нарастание национального и государственно-группового эгоизма, а не общечеловеческого альтруизма в международных делах.

Совершенно очевидно, что "интернационализм" Запада не простирается дальше круга наиболее развитых и процветающих стран с рыночной экономикой. Поэтому современная Россия, обремененная массой внутренних проблем и сложнейшими отношениями с "ближайшим зарубежьем", отношениями с пока неясным исходом, совершенно безосновательно планирует стать членом клуба "наиболее динамично развивающихся демократических государств" (Из интервью министра иностранных дел РФ А.Козырева. "Независимая газета", 1 апреля 1992 г.). Этот клуб с большим успехом задушит ее в своих объятиях, если она окажется хотя бы в его прихожей. Во всяком случае, при всем своем повышенном интересе к "социальной пределке" России Запад не слишком спешит помочь ей в этом деле. Бесконечные заявления российских лидеров о стремлении к тесному союзу с ним высокомерно игнорируются. Изъявленная готовность России стать членом НАТО осталась без последствий. Ее даже не приняли в Совет Европы, где уже заседают представители Эстонии, скандально прославившейся бесстыдной дискриминацией многочисленной русской части своего населения. Чтобы стать членом этого совета, России, оказывается, еще нужно пройти "экзамен на политическую зрелость". В отношении нее сохраняются сотни различных запретов со стороны КОКОМ. Только в США существует по сей день свыше 300 документов, ограничивающих торговлю с Россией. США, да и другие члены "большой семерки", пытаются особенно жестко диктовать ей, с кем и в каких объемах торговать оружием, хотя, в частности, сама Америка за последние годы чуть ли не вдвое увеличила масштабы продажи за рубеж этого товара. Запад всячески побуждает Россию к уменьшению ее оборонного потенциала, сам же стремится быть сильным "по-прежнему". Что же касается попыток России укрепить свои державные позиции хотя бы в рамках СНГ, то он всячески поддерживает любые силы внутри этого весьма эфемерного сообщества, выступающие против таких попыток. На подобном фоне уже не кажется шокирующим то, что западные стратеги прорабатывают сценарии опустошительной междоусобицы на пространстве, еще недавно именовавшемся Советским Союзом.

Запад не скрывает, что победа в "холодной войне" создала ему благоприятные условия для строительства нового миропорядка под его эгидой и по его рецепту. Поэтому восстановление сколько-нибудь значительной роли, пусть даже "преображенной", России в международных делах - не в его интересах. Ведущие и влиятельнейшие представители "мозгового треста" Запада уже давно не считают нужным подыскивать не слишком оскорбительные выражения, чтобы довести до Москвы свое видение будущего места России в мире. К примеру, в прошлом году опытный в языке дипломатии Г.Киссинджер заявил: "Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее народов в единое, крепкое централизованное государство". Еще резче выразился закосневший в русофобстве корифей западной политологии Зб.Бжезинский: "Россия будет раздроблена и под опекой".

Сказано, как припечатано: коротко и ясно. Прежде всего ясно, что Запад намерен полностью списать российский фактор мировой политики с тем, чтобы сосредоточиться на китайском, который способен спутать карты строителям "нового мирового порядка". Ныне и в перспективе Китай - единственный центр силы, обещающий стать ядром сплочения международного фронта борьбы против гегемонизма "большой семерки" в мире, где речь уже идет не только и не столько о равноправии и независимости народов, сколько о их физическом выживании.

Несмотря на глубокие различия нынешних целей и подходов России и Китая в отношении Запада, объективно, ходом самого мирового развития обе державы обречены держаться друг друга, чтобы обеспечить своим народам достойные условия выживания. В сущности, современные противоречия в мире все более фокусируются именно в борьбе за такие условия. Этой борьбой и будет определяться неизбежная новая перегруппировка социально-политических и геополитических сил на глобальном и региональном уровнях.

Благосклонность Запада к обновляющейся России возможна лишь в жестких рамках его стратегии благополучного выживания так называемого "золотого миллиарда", т.е. населения "наиболее динамично развивающихся демократических государств". Российским народам в этом миллиарде явно нет места. Тем более его не предусматривают для китайцев. В результате российско-китайский узел мировой политики будет завязываться все туже. Ни нынешние западные пристрастия Москвы, ни чрезвычайная прагматическая гибкость Пекина в отношениях с Западом не смогут долго тормозить затягивание этого узла. Углубляющийся кризис индустриальной цивилизации будет неумолимо подталкивать "большую семерку" к все более жестким мерам по установлению нового мирового порядка, затрагивающим жизненные интересы и России и Китая.

Разумеется, Запад по-прежнему будет широко использовать тактику, основанную на принципе "разделяй и властвуй". Похоже, что она дает ему немалые, хотя и временные, преимущества, прежде всего в отношениях с Югом. Возможно, она принесет ему какие-то дивиденды и в отношениях с весьма ослабленным Востоком. И все же именно Восток может стать неодолимым препятствием для строителей нового миропорядка по западному плану.

В этой связи немаловажным симптомом является тот факт, что российское руководство так или иначе делает некоторые шаги в сторону переоценки ценностей. Во-первых, обозначилось его стремление более рационально сбалансировать западное и другие, особенно азиатско-тихоокеанское, направления своей внешней политики. Во-вторых, в последнее время Москва более требовательно ставит вопрос о равноправии в отношениях с Западом, о замене практики подачек с его стороны деловым, подлинно взаимовыгодным экономическим сотрудничеством с ним. В-третьих, Россия стала жестче отстаивать перед Западом свое право выбирать торгово-экономических партнеров, определять номенклатуру обменов с ними, особенно в военно-технической области.

И хотя приоритет западного направления внешней политики России остается (в том числе, и в силу объективных

причин) неизбежным, эти симптомы освобождения от слепой прозападной эйфории нельзя недооценивать, особенно в контексте российско-китайских отношений. Намечающаяся тенденция к независимости и самостоятельности России в международных делах не может не подпитываться влиянием аналогичной политики Китая, неординарные достижения которой общеизвестны и частично прокомментированы выше. Китайское влияние может в немалой степени проистекать также и из успехов строительства рыночной экономики в КНР. Ведь Россия пытается реформировать экономику однотипную с китайской и к тому же весьма близкую к ней по количественным параметрам. Китайский опыт значим для России и в плане рационального подхода к роли идеологического фактора во внешней политике. Пока именно он доминирует в отношениях России с внешним миром. Чтобы сохранить и отстоять себя в качестве великой державы в современных условиях, она неизбежно будет вынуждена искать и найти ту меру деидеологизации своей внешней политики, которая позволяет наиболее полно использовать объективные возможности для ее маневрирования на международной арене во имя собственных национально-государственных интересов и интересов строительства подлинно демократического справедливого нового миропорядка.

Размышляя о российско-китайском узле мировой политики, нельзя не подчеркнуть, что в отличие от Запада Китай действительно не заинтересован в исчезновении великой России с политической карты мира. Достаточно сказать, что при всех острых и трудных проблемах и долгой конфликтности отношений с СССР развал последнего нанес колоссальный ущерб международному положению Китая. Причем, не только и не столько в смысле исчезновения большинства государств, родственных по социальному строю. Значение этого обстоятельства было во многом смазано жестким идеологическим противоборством с ними. Главное состоит в том, что особенно в лице СССР Китай лишился геополитического фактора, отвлекавшего на себя основное внимание и силы Запада. Естественно, что надежды на то, что Россия хотя бы частично сможет играть ту же роль, что и СССР, связываются в Пекине, прежде всего, с предотвращением ее дезинтеграции. Думается, что также и в контексте этих надежд следует оценивать его сугубо деловой подход к заключению соглашения о границе с Россией. Спор о ней, как известно, был во времена СССР весьма острым и длился почти три десятилетия. (Соглашение ратифицировано ВС РФ 12 февраля 1992 г. И ЦК ВСНП 25 февраля 1992 г.). В отличие от Запада, Китай педантично избегает шагов, которые могут быть восприняты как поощрение субъектов РФ к сепаратизму.

Конечно, в сравнительно краткосрочной перспективе Китай, видимо, мог бы извлечь какие-то дивиденды из распада России, столь желанного для наиболее влиятельных членов "большой семерки". Но едва ли последняя смирится с попытками Китая принять участие в дележе шкуры еще не добытого ею русского медведя. В долгосрочном стратегическом плане крайнее ослабление, а тем более исчезновение России как геополитического фактора глобального масштаба ничем не может быть компенсировано для Китая, в том числе приобретением обширной сферы влияния или даже территории в пределах российского (советского) пространства. Любое катастрофическое падение роли российского фактора в мировых делах лишь приблизит время "решительного разговора" Запада с Китаем. Более того, чрезмерно ослабленная Россия скорее и неизбежной может превратиться в послушное орудие Запада на самых разных направлениях его глобальной и региональной политики, включая, и может быть, далеко не в последнюю очередь, его отношения с Китаем.

Конечно, в будущем возможно усиление соперничества внутри "семерки". Не исключено, что, скажем, Германия и Япония так или иначе будут заинтересованы в том, чтобы не слишком подрывать международные позиции России. Однако более вероятно, что потребности "дожимания" Востока и дальнейшего ослабления Юга будут по преимуществу цементировать солидарность "семерки", в том числе и на российском направлении ее глобальной политики. Последствия чрезмерного ослабления, а тем более исчезновения российского фактора для Китая таковы, что он единственный среди великих держав жизненно заинтересован в быстром восстановлении и росте экономического потенциала России, в укреплении ее суверенитета и сохранении ею реального статуса великой державы.

Ничего подобного ни в плане отношения к территориальной целостности России, ни в плане ее вхождения в мировое хозяйство не просматривается в позиции держав Запада, несмотря на уже имеющиеся и возможные расхождения их интересов. Ни тоталитарная, ни демократическая Россия им не нужна в качестве влиятельного политического и экономического субъекта мировой и региональной политики. История, а более всего современность буквально вопиет об этом. Как скоро и насколько должным образом политические силы России отреагируют на голос времени, сказать трудно.

Ясно только одно, а именно, что причины, в разные по социально-политическому смыслу периоды, побуждавшие Россию и Китай к добрососедству и конструктивному взаимодействию на международной арене, отличаются устойчивостью и превосходят по силе влияния на стратегию двух держав те факторы, которые время от времени порождают трения (подчас крайне острые) в их непосредственно двусторонних отношениях.

Конкретно-историческая ситуация наших дней, разумеется, внесла изменения и в сами эти причины и в эти факторы. Но их соотношение и их равнодействующая остаются неизменными. И любые политические силы России, способные решающим образом влиять на ее внешнюю политику, исходя из ее национально-государственных интересов, не могут ни в малейшей степени пренебрегать китайским аспектом этой политики. Конечно, им предстоит преодолеть некий психологический барьер, возникший в результате того, что, если раньше Россия (СССР) в связке с Китаем выступала как во всех отношениях ведущая сила их взаимодействия на самых разных его уровнях и направлениях, то

теперь такую роль начинает играть китайский партнер. Объективное значение российско-китайского добрососедства и тесного всестороннего сотрудничества для судеб России (не говоря уже о судьбах Китая) слишком велико, чтобы национально-государственно ориентированная Москва позволила себе остановиться перед этим барьером.

Чем скорее в Москве трезво оценят собственные возможности воздействия на характер российско-западных отношений и отрешатся от надуманных, очень розовых представлений о содержании и тенденциях современных мировых процессов, тем эффективней мощный китайский фактор может быть задействован в интересах России, а в конечном счете и мирового сообщества.

За проволочки в определении реалистических позиций по жизненно важным проблемам страны ее народам обычно приходится платить непомерную цену. Это прежде всего не следует забывать.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ В ЕВРОПЕ

Н.БУХАРИН,

кандидат исторических наук

Д.МАРКОВ,

кандидат экономических наук

Хотя мир и перестал быть двухполюсным, социально-экономический занавес между Восточной и Западной Европой продолжает сохраняться. Не только экономические, но и политические структуры и уровни развития стран Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы весьма отстают от Европы Западной. Маловероятно, что это отставание будет преодолено в ближайшем будущем. Такое преодоление потребовало бы от Европейского Сообщества (ЕС) огромных финансовых усилий, которые превышают их возможности. Поэтому вместо концепции однородно интегрированной Европы появилась идея расширяющейся, внутренне сложной, но взаимосвязанной "новой архитектуры Европы". Она должна состоять из системы региональных структур, созданных на окраинах ЕС и Западной Европы, но под их контролем и с их помощью. Это должно обеспечить контроль за экономическими и политическими переменами в центре, на юго-востоке и востоке Европы, а также сохранение и углубление связей Центральной и Юго-Восточной Европы с Западом.

Следует иметь в виду, что после "бархатных" революций 1989 года и ликвидации СЭВ и ОВД в восточноевропейских странах началась интенсивная переориентация внешнеполитических и внешнеэкономических связей на Западную Европу и США. К настоящему времени уже около 60-70 % внешней торговли подавляющего большинства государств Восточной Европы ориентировано на Запад. Одновременно почти все эти страны провозгласили одной из своих главных задач достижение полноправного членства в ЕС. Однако вслед за первоначальными относительными успехами данный процесс столкнулся с объективными трудностями.

Хотя шестерка восточноевропейских государств (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния и Болгария) добились подписания соглашений об их статусе ассоциированных членов ЕС, эти соглашения еще не ратифицированы всеми западноевропейскими парламентами. Что же касается полноправного участия названных стран в Европейском Сообществе, то перспектива этого, судя по всему, отодвигается за рамки текущего столетия.

Таким образом, восточноевропейские государства на обозримую перспективу остаются на периферии индустриально развитого Запада и вынуждены искать возможности расширения своих внешних связей не только в этом, но и в других направлениях, в том числе на путях формирования региональных группировок с соседними странами.

На образование региональных группировок в Восточной Европе существенное влияние оказывают проявляющиеся здесь - помимо вышеназванной - две основные тенденции. С одной стороны, в результате системных преобразований развернулся процесс становления демократических правовых государств с гражданским обществом и рыночной экономикой. Следствием этого является относительное обособление восточноевропейских государств и распад некоторых многонациональных государственных образований (Югославии и Чехословакии). Помимо национального фактора к сравнительному обособлению ведут защита внутреннего рынка, а также вновь проявившиеся на переломном этапе давние противоречия между странами рассматриваемого региона.

С другой стороны, вполне отчетливо проявляется и другая тенденция, а именно - стремление к углублению взаимодействия с ближними и дальними соседями в Восточной Европе. Тем самым - когда ОВД и СЭВ уже ликвидированы, а участие в НАТО и ЗЭС и Европейском Сообществе отодвинулось на дальнюю перспективу - восточноевропейские страны стремятся обеспечить укрепление своей безопасности, использовать возможность расширения внешнеэкономических связей, а также содействовать урегулированию положения национальных меньшинств.

За последние годы в Центрально-Восточной Европе было создано несколько региональных группировок. В одну из

них - Вышеградскую группу - объединились только страны Центральной Европы. Остальные региональные инициативы являются формой сотрудничества различных стран Восточной и Западной Европы. Сюда относятся Центральноевропейская инициатива, Черноморская зона экономическо-госсотрудничества, Совет государств Балтийского моря, Карпатский регион Европы, Баренцево-Евроарктический регион.

По существу, все они представляют собой лишь зародыши регионального сотрудничества.

Вышеградская группа была создана в феврале 1991 г. во время встречи лидеров Венгрии, Польши и Чехословакии. Вначале преследовались, прежде всего, политические цели. Такими целями были ускорение ликвидации "организаций прежней эпохи" - Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, взаимное сотрудничество в военной области и проведение общей политической линии в отношении Запада с целью ускорения вступления в ЕЭС. Вышеградской группе удалось быстро профорсировать, несмотря на сопротивление Советского Союза, роспуск ОВД и СЭВ. Однако ответного "подарка" со стороны Запада не последовало: мечты на быстрое членство в ЕЭС оказались иллюзиями. В связи с распадом Советского Союза сотрудничество в вопросах безопасности потеряло прежнюю актуальность.

В результате в 1992 г. факторы, которые привели к созданию Вышеградской группы, исчерпали себя, и она стала переживать кризис. Его стали усиливать дезинтеграционные процессы в Чехословакии, словацко-венгерские противоречия, связанные с положением венгерского меньшинства в Словакии, а также словацко-венгерский конфликт по поводу строительства плотины на Дунае. Характерно, что за 1990-1992 гг. удельный вес взаимной торговли стран-участниц Вышеградской группы в общем объеме их внешних связей сократился. Поэтому премьер-министр Чехословакии Вацлав Клаус в одном из интервью заявил, что сотрудничество в рамках Вышеградской группы является малоэффективным и сомнительной является его целесообразность.

В Румынии и Словакии стали поговаривать о возможности создания оси Братислава- Бухарест - Белград, с последующим включением Киева и Москвы. На эту тему даже велись переговоры.

Однако Запад заинтересован в существовании Вышеградской группы, рассматривая ее как важный элемент стабилизации этой части Европы и этап на пути ее членства в ЕС. Эта группа - 65 млн. жителей, она имеет важное геостратегическое положение, в том числе, с точки зрения перспектив развития торговых контактов между Востоком и Западом. Страны Западной Европы рассматривают ее как отдельный субъект, о чем свидетельствует постоянный политический диалог с ЕС, а также с НАТО.

21 декабря 1992 г. в Кракове члены Вышеградской группы подписали Центрально-европейское соглашение о свободной торговле. Оно вступило в силу 1 марта 1993 г. В соответствии с этим соглашением страны Группы в течение восьми лет до 1 января 2001 года полностью устранят таможенные тарифы и другие барьеры на пути взаимной торговли промышленными товарами. Вместе с тем, не предполагается полной либерализации торговли продукцией сельского хозяйства.

Либерализация торговли промышленными товарами будет осуществляться поэтапно. Все товары разделены на три части. На товары первой группы пошлины будут отменены сразу же, на товары второй группы - в течение 4-5 лет, третьей - до января 2001 г. В частности, к последней группе отнесены некоторые виды металлургической продукции, текстильной и обувной промышленности. Основная цель соглашения - придать новые стимулы экономическим связям в Центральной Европе.

Естественно, что государства, создавшие эту группу, получают более легкий доступ друг к другу. Однако прочие государства попадают в худшее положение, чем это было до сих пор. Это в первую очередь касается стран СНГ.

Реализация соглашения потребует проведения странами Группы общей энергетической, монетарной, финансовой, внешнеэкономической, приватизационной политики. Разные темпы протекания социально-экономических процессов и разные интересы могут повлечь за собой противоречия и конфликты, которые, в свою очередь, могут сделать невозможным осуществление совместной политики и целей этого соглашения.

14 февраля страны Восточной Европы создали первый еврорегион - "Карпаты". Соглашение о его создании подписали местные власти Венгрии, Польши и Украины. Роль ассоциированного члена в этой организации получила Словакия.

В апреле были намечены пути финансирования и реализации совместных проектов по обустройству приграничной инфраструктуры, подготовке кадров путем сотрудничества учебных заведений региона, созданию банка коммерческой информации и т.д. Были образованы четыре комиссии - по экономике, гуманитарным вопросам, проблемам экологии и здравоохранения, контрольная. Председателем ассоциации стран Карпатского еврорегиона избран Сергей Устич, первый заместитель главы Закарпатской облгосадминистрации. Постоянным местопребыванием является город Санок (Польша).

Первой региональной группировкой, объединяющей страны Восточной и Западной Европы, стала Пентагональ,

созданная 1 августа 1990 г. Инициатором ее создания явилась Италия. В состав Пентагонали вошли также Австрия, Югославия, Венгрия и Чехословакия. После принятия Польши в июле 1991 г. она была переименована в Гексагональ. Основной своей функцией она считает создание региональной экономической инфраструктуры для процесса интеграции Европы. В рамках 13 проектов сотрудничества преобладают мероприятия в области транспорта, телекоммуникации, энергетики, экологии и культуры.

В последнее время Гексагональ была переименована в Центрально-европейскую инициативу. Ее состав в результате распада Югославии изменился. В настоящее время в нее входят Австрия, Венгрия, Италия, Польша, Словакия, Чехия, Словения, Хорватия и Босния-Герцеговина, Македония. В качестве наблюдателей в работе принимают участие Беларусь, Болгария, Румыния и Украина. Война на территории бывшей Югославии создала серьезные трудности в деятельности инициативы. Вместе с тем, сотрудничество в ее рамках не было прервано. Сформировались институциональные формы сотрудничества: раз в год встречаются премьеры, два раза в год министры иностранных дел. Регулярно собирается Комитет национальных координаторов.

Совет государств Балтийского моря (СГБМ) был создан в марте 1992 г. в г. Копенгаген. В его состав вошли Германия, Дания, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Россия, Финляндия, Швеция и Эстония. СГБМ как региональный координационный орган стремится к развитию сотрудничества, которое должно привести к "большой политической и экономической стабилизации в регионе и региональной идентификации".

Совет функционирует на уровне министров иностранных дел и собирается раз в год. Его исполнительным органом является Комитет старших должностных лиц.

Основными направлениями сотрудничества являются: содействие новым демократическим институтам; экономическая и технологическая помощь и сотрудничество; здравоохранение и гуманитарные вопросы; охрана окружающей среды и энергетика; культура, просвещение, туризм и информация; транспорт и коммуникация; сотрудничество между регионами.

Государства - члены СГБМ рассматривают свое сотрудничество как важный элемент создания европейской "архитектуры". Совет не занимается вопросами военной безопасности и не намерен заменять существующие традиционные каналы двустороннего сотрудничества.

Декларация о создании Черноморской зоны экономического сотрудничества (ЧЗЭС) была подписана в Стамбуле летом 1992 г. Ее участниками стали Болгария, Румыния, Молдавия, Украина, Россия, Грузия, Азербайджан, Армения и Турция. Решением Совета Министров иностранных дел стран-участниц было создано 8 рабочих групп по разным направлениям сотрудничества. Каждая из групп возглавляется одной из стран-участниц.

Главная задача ЧЗЭС - разработка плана экономического регионального сотрудничества, чтобы содействовать политической стабильности и экономическому развитию, а также переходу посткоммунистических стран к рыночной экономике. Это сотрудничество должно лишь дополнять процесс европейской интеграции. Оно осуществляется в таких сферах, как транспорт, связь, информатика, горнодобывающая промышленность, переработка минерального сырья, энергетика, туризм, сельское хозяйство, обмен торговой и экономической информации и т.д. Специфика ЧЗЭС связана с ее ориентацией на неправительственное сотрудничество.

Такой регионализм - явление новое, и трудно пока говорить о его плодотворности. Вне всякого сомнения, он может способствовать региональному сотрудничеству. Будет ли он содействовать европейской интеграции - покажет время.

Запад надеется, что создание различных региональных группировок будет способствовать формированию новых факторов стабилизации в этой части Европейского континента. Он взял курс на весьма длительное по времени включение Центральной и Юго-Восточной Европы в структуры ЕС и НАТО.

Естественно, что не все страны Восточноевропейского региона имеют равные и быстрые шансы на включение в западные структуры. Претендентами номер один являются Венгрия, Польша, Чехия и Словакия. Это - страны, где процесс перехода к демократии и рыночной экономике наиболее продвинулся вперед. Не случайно они вместе образовали так называемую Вышеградскую группу как структуру регионального сотрудничества. Но и внутри этой группы идет борьба. Чехия претендует на первоочередное включение в ЕЭС и НАТО, что вызывает раздражение и критику остальных партнеров.

В связи с тем, что быстрое членство в ЕЭС и НАТО не предвидится, президент РП Лех Валенса счел, что Польша должна взять на себя концептуальную и организационную инициативу в выработке форм новой регионализации Восточной Европы. В 1992 г. во время визита в Германию он выдвинул идею создания ЕЭС-бис и НАТО-бис на переходный период. В новые организации должны были бы войти бывшие страны СЭВ и Варшавского Договора. Внутри страны эта идея была подвергнута критике. Она фактически вела к закреплению деления Европы на две части и отодвигала на неопределенное время членство Польши в западных структурах. А туда хочется попасть как можно скорее. Для этого Запад можно поугасть и угрозой со стороны России в связи с возрождением там имперских устремлений. Идея Валенсы оказалась неудачной, и он вскоре спустил ее на тормозах.

В наиболее сложной ситуации оказались Украина и Беларусь. С одной стороны, Венгрия и Польша в отношении Украины, а Польша в отношении Беларуси взяли на себя роль проводника этих стран на Запад, в западноевропейские структуры, а с другой - не очень-то заинтересованы в этом, так как это только бы оттягивало время их собственного вступления. По этой же причине Вышеградская группа не желает принимать в свой состав Украину. Такая ситуация неизбежно толкает Киев и Минск к экономическому, а затем и к политическому союзу в рамках СНГ.

Украина решает задачу закрепления себя на политической карте Европы как независимого государства и важного субъекта международных отношений, ей еще только предстоит найти свое место в Европе. Ни ближний, ни дальний Запад "не пускает" Украину в свои международные организации. ЕС и НАТО в переговорах с ней не намекают на взаимность даже в отдаленном будущем. Политику закрытых дверей по отношению к Украине проводит и Вышеградская группа.

Чтобы как-то преодолеть возникшую изоляцию, украинский президент Л.Кравчук в феврале 1993 г. выступил в Будапеште с инициативой создания зоны стабильности и безопасности в регионе Центральной и Восточной Европы. В нее бы входили государства Балтии, Беларусь, Украина, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Австрия, а также, возможно, Болгария и Румыния. В апреле в Киеве был подготовлен проект создания Центрально-Восточноевропейского пространства стабильности и безопасности (ЦВПСБ). Оно бы действовало под лозунгом "Безопасность для себя - через безопасность для всех" и не являлось "санитарным кордоном" от России, а было бы звеном связи в развитии трансатлантической системы безопасности в пространстве СБСЕ от Ванкувера до Владивостока.

Украинские власти рассматривают ЦВПСБ не в качестве какой-то новой военно-политической организации, не как новый Варшавский Договор, а скорее как механизм двусторонних и многосторонних консультаций с целью устранить существующие спорные проблемы и не допустить возникновения новых. Под общими проблемами они понимают и территориальные вопросы, и собственную безопасность в условиях "вакуума безопасности", создавшегося после распада Варшавского Договора и отказа НАТО принимать кого-либо в свои члены, и обеспечение прав национальных меньшинств, и необходимость создания общего постсоциалистического экономического рынка. В новой зоне украинским властям видится средство предотвращения балканизации отношений между странами Центральной и Восточной Европы.

Естественно, что за поддержкой этого проекта Украина в первую очередь обратилась к Венгрии и Польше. Однако он вызвал у этих стран весьма сдержанный, хотя и вежливый отклик. В официальном коммюнике, принятом после завершения украинско-венгерских переговоров 30 апреля 1993 г. в Ужгороде, говорилось, что "венгерская сторона выразила готовность сотрудничать с украинской стороной в продвижении и дальнейшей разработке инициативы президента Украины по созданию зоны стабильности и безопасности в регионе Центральной Восточной Европы. С этой целью в ближайшее время начнутся консультации экспертов".

Украина особенно надеялась на одобрение плана Кравчука со стороны Польши, так как он был близок к идее польского президента Л.Валенсы о создании НАТО-бис и ЕЭС-бис. Правда, предложенные Валенсой структуры должны были контролироваться Брюсселем. Однако президент РП к этому времени уже отказался от своей затеи после того, как безжалостно был раскритикован в своей собственной стране. Поэтому, когда вначале мая украинская делегация во главе с А.Бутейко, вице-председателем Консультативного комитета президентов Украины и Польши, привезла проект в Киев, восторгов у хозяев он не вызвал.

Надежда украинской стороны на совместную разработку с Польшей проекта региональной безопасности была, по всей вероятности, утрачена в ходе визита Л.Валенсы в Киев 24-26 мая 1993 г. Президенты в своих выступлениях даже не упомянули о нем. А секретарь Совета национальной безопасности РП Е.Милевский публично заявил, что место Польши - в европейской системе безопасности. В ней есть место и для Украины. Однако в ходе переговоров украинский проект обсуждался. По неофициальным данным, Варшава взяла на себя обязанность убедить в полезности этой идеи Вашингтон, который пока занимает по отношению к ней негативную позицию. В коммюнике по завершении визита было вежливо записано: "Стороны будут проводить консультации на уровне соответствующих структурных подразделений министерств иностранных дел для более детального ознакомления и обсуждения инициативы президента Украины о создании зоны стабильности и безопасности в регионе Центральной и Восточной Европы".

Идею зоны поддержал Зб.Бжезинский, который выступает за превращение Украины из восточноевропейской страны в центрально-восточную и стремится разыграть русскую карту в отношениях между Польшей и Украиной.

Похоже, что в ближайшее время идея зоны стабильности и безопасности в регионе Центральной и Восточной Европы не реализуема. Однако в будущем, в случае разочарования Западом и прихода к власти радикальных национальных сил на Украине, в Польше и других странах, она может начать реализовываться. Уже сейчас в Киеве большой популярностью пользуется Л.Мочульский, лидер националистической Конфедерации независимой Польши, с его концепцией "Междуморья" (союза государств, расположенных между Балтийским и Черным морями).

РОССИЯ - ТАДЖИКИСТАН: ОПАСНОСТЬ С ЮГА (вокруг событий на таджикско-афганской границе)

С.КУНДЕЛЕВ

Похоже, что передачи телевидения из Москвы смотрят более внимательно в Таджикистане и Афганистане, чем в Москве. Такой вывод напрашивается после событий 13 июля на таджикско-афганской границе, когда атаке со стороны Афганистана и из глубины Таджикистана подверглась 12-я застава Московского погранотряда. Ведь всего за несколько недель до этого в одной из информационных программ был показан репортаж с российской погранзаставы в Таджикистане в связи с непрекращающимися провокациями и нападениями с афганской стороны. На вопрос журналиста, что смогут противопоставить "зеленые фуражки" широкомасштабному нападению с территории сопредельной стороны, офицер-пограничник ответил примерно так: "Только наши жизни". К сожалению, как подтвердили события 13 июля, слова пограничника остались гласом вопиющего в пустыне. Все структуры власти, занятые перетягиванием каната вокруг новой Конституции, не нашли времени обратить внимание на ситуацию, сложившуюся на таджикско-афганской границе.

Чтобы еще раз отдать дань памяти павшим героям-пограничникам, вспомним, как разворачивались события там, в Таджикистане.

ХРОНИКА ДАЛЕКИХ И БЛИЗКИХ СОБЫТИЙ

Прежде чем обратиться к событиям 13 июля, вернемся в Таджикистан на год назад. Именно тогда закладывались основы того, что ныне творится в этой среднеазиатской республике. В гражданской войне столкнулись две силы. С одной стороны - группировка, возглавляемая народным фронтом Таджикистана (НФТ) и получившая на Западе и в некоторых российских средствах массовой информации название "прокоммунистическая". Вероятно, это название возникло вследствие того, что формирования НФТ действовали под красными знаменами. С другой стороны - блок исламистских и "демократических" партий, одним из краеугольных камней платформы которых был антикоммунизм.

Колебания Москвы, в силу понятных причин идеологического характера, слишком долго не делавшей выбор своего стратегического союзника в Таджикистане, в немалой степени способствовали тому, что конфликт затянулся.

Итог: в конце прошлого года вооруженные формирования "исламистско-демократического" блока (Партия исламского возрождения, Демократическая партия Таджикистана и два других движения), прихватив с собой несколько десятков тысяч человек гражданского населения, укрылись в сопредельном Афганистане. Туда же, а также в Москву, сбежали лидеры этих партий.

В связи с сохранением угрозы извне руководство Таджикистана обратилось к России с просьбой сохранить российское военное присутствие для охраны таджикско-афганской границы, которая вскоре превратилась в настоящую линию фронта.

В итоге в Таджикистане сложилась ситуация, как две капли воды походившая на ту, которая существовала в Афганистане: силы оппозиции находились в горах, российская армия и правительственные силы - в долинах, лагеря беженцев и лагеря военной подготовки - за границей.

13 июля. В 4 часа 15 минут по местному времени 12-я погранзаства Московского погран-отряда Группы российских погранвойск в Таджикистане подверглась интенсивному минометному обстрелу с территории Афганистана. Затем ее атаковали с афганской территории боевики из антиправительственных вооруженных группировок при содействии

афганских моджахедов и подразделений министерства обороны Исламского Государства Афганистан (ИГА), со стороны Таджикистана - боевики исламистской оппозиции. Общая численность нападавших составила около 200 человек. Еще около 800 боевиков создали внешнее кольцо окружения заставы. На их вооружении, кроме стрелкового оружия, имелись минометы, ракетные установки, безоткатные орудия.

12-я застава, на которой в момент нападения находилось 47 человек во главе со старшим лейтенантом М.Майбородой, приняла неравный бой. У пограничников были только стрелковое вооружение и отвага, доставшаяся им в наследство от предыдущих поколений "зеленых фуражек".

На помощь заставе был брошен весь резерв погранотряда, а также подразделения 201-й российской мотострелковой дивизии, МВД и службы безопасности Таджикистана. Резерв в 7 часов 30 минут с ходу вступил в бой с противником в полутора километрах от заставы. К этому моменту 12-я вела бой уже 3 часа 15 минут. В

15 часов 30 минут в район нахождения резерва со стороны заставы с боем прорвалась группа из 16 пограничников. К этому моменту, по всей видимости, застава пала.

В 19 часов 10 минут резерв погранвойск совместно с подразделениями 201-й мотострелковой дивизии (МСД) сбоем прорвались на заставу и восстановили положение на границе. На преодоление полуторакилометрового расстояния, отделявшего резерв от заставы в момент вступления в бой, потребовалось почти 12 часов.

Наши потери: погибли 22 пограничника и 3 военнослужащих. В районе заставы обнаружено до 60 трупов нападавших. Тела еще нескольких десятков боевиков противнику удалось вынести на афганскую сторону.

Провокации с территории Афганистана не прекращались и в последующие дни.

ОТВЕТ ДУШАНБЕ И МОСКВЫ

Сразу после боя на границе МИД Таджикистана направил официальным властям Кабула ноту, в которой выразил "решительный протест" и заявил, что рассматривает инцидент на границе как "враждебную акцию, попытку нарушить территориальную целостность Таджикистана". Как сообщил глава МИД Таджикистана Рашид Алимов, у Душанбе есть веские доказательства того, что общее руководство действиями формирований, напавших на 12-ю погранзаставу, осуществлял командир 55-й афганской пехотной дивизии.

16 июля с заявлением выступили Президиум Верховного Совета и Совет Министров Таджикистана. В документе категорически осуждалась акция вооруженного вторжения на территорию республики со стороны Афганистана, совершенная таджикскими исламистами при поддержке афганских формирований. Она была расценена как агрессия против суверенного Таджикистана и прямое посягательство на территориальную целостность и безопасность страны.

Вслед за нападением на 12-ю последовала и необычно жесткая реакция Москвы. Как заявил 14 июля Министр обороны РФ генерал армии П.Грачев, "мы готовы защитить русскоязычное население Таджикистана, на род дружественного нам государства, российских пограничников".

П.Грачев отметил, что российские погранвойска, дислоцированные в Таджикистане, нуждаются в усилении людьми и тяжелой техникой. Подкрепление добровольцами, по его словам, необходимо и 201-й МСД.

Бандитские действия моджахедов, а также "неспособность" властей Афганистана контролировать ситуацию на границах были расценены российским руководством как угроза безопасности РФ. Президент России заявил о своей решимости и готовности защитить национальные и геополитические интересы России и ее союзников.

В свою очередь, Правительство РФ в распространенном 16 июля заявлении отметило, что оно принимает необходимые меры по защите жизни и безопасности российских и таджикских граждан соответствующими обстоятельствам средствами и недопущению впредь актов агрессии на южных рубежах СНГ.

Твердо прозвучало и заявление, сделанное Министром обороны РФ П.Грачевым 16 июля в Душанбе на совместном совещании с представителями Вооруженных Сил России и Таджикистана. "Варвары, которые посягнули на жизнь российского солдата, - отметил, в частности. Министр, - должны быть жестоко наказаны".

В то же время, неуклюже выглядели попытки представителей исполнительной власти свалить все с больной головы на здоровую, заранее попытавшихся возложить ответственность на законодателей за возможное промедление в принятии решения об усилении группировки российских войск в Таджикистане и придании им соответствующих полномочий на применение силы. Кто мешал им принять меры, адекватные складывавшейся на таджикско-афганской границе обстановке, заблаговременно?

Впрочем медлительность законодателей также налицо. Только 15 июля российский Парламент в срочном порядке ратифицировал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, хотя соответствующий документ был подписан в Москве почти два месяца назад. В тот же день Верховный Совет принял пакет российско-таджикских соглашений, определяющих основы военного сотрудничества между двумя государствами, а также правовой статус российских вооруженных сил в Таджикистане. Почти трое суток потребовалось Парламенту и для выработки документа, в котором содержалась формальная санкция на принятие Правительством РФ "необходимых мер" в районе таджикско-афганской границы.

На фоне в целом решительной реакции всех ветвей российской власти не выдерживают критики выступления некоторых российских политиков и средств массовой информации, согласно которым, события на таджико-афганской границе не были санкционированы официальным Кабулом. Такой вывод делается ими в связи с тем, что афганское правительство якобы выпустило из-под контроля некоторые группировки моджахедов. В этой связи хочется напомнить, что после недавнего достижения соглашения между президентом Афганистана, лидером Исламского общества Афганистана (ИОА) Буркамуддином Раббани и его основным оппонентом в последние месяцы, премьер-министром, руководителем Исламской партии Афганистана (ИПА) Гульбеддином Хекматиаром, контроль за силовыми министерствами перешел в руки специальных комиссий, составленных из представителей основных группировок афганских моджахедов. В подобных условиях говорить о бесконтрольности действий командования 55-й афганской дивизии более чем неправомерно.

РЕАКЦИЯ КАБУЛА

Сразу после событий 3 июля последовала и реакция официального Кабула, поспешившего отвергнуть обвинения Москвы и Душанбе в том, что афганские моджахеды участвуют во "внутритаджикском" конфликте.

15 июля Кабульское радио обвинило дислоцированные в Таджикистане российские войска в нанесении артиллерийского удара по афганской деревне в провинции Тахар. Прием не нов. Действительно, как еще можно заставить мир забыть о сотнях погибших в таджикской деревне, находившейся вблизи 12-й заставы, и вновь закричать "Русские идут!". Напомню, что Министр обороны Таджикистана генерал-майор А.Шишлянников опроверг утверждения Кабула, заявив, что "никаких обстрелов афганских населенных пунктов российские войска, дислоцированные в Таджикистане, в последние дни не производили".

Как неприкрытое вмешательство во внутренние дела России и Таджикистана можно расценить и прозвучавшее в тот же день требование официального Кабула немедленно отвести российские войска из района таджикско-афганской границы. Что касается заявлений Кабула о стремлении решить проблему путем переговоров, то они изрядно отдают душком лицемерия, так как все данные свидетельствуют о подготовке таджикской оппозицией при поддержке афганских бандформирований крупномасштабной акции на всей территории Таджикистана.

Российский МИД не подтвердил и сообщения из Кабула о якобы направленной в Москву 91 ноте протеста афганского министерства иностранных дел в связи с событиями на границе.

17 июля, через день после выступления в Душанбе П.Грачева, президент Афганистана Б.Раббани собрал на экстренное заседание афганский кабинет министров. Выступивший по его завершении представитель афганского правительства заявил, что Кабул не вооружал таджикскую оппозицию. Говоря о возможности того, что соответствующую помощь таджикским исламистам могли оказать отдельные группировки афганских моджахедов, он отметил, что у правительства "нет никаких доказательств" этого.

В действительности же, среди убитых в стычках на границе то и дело обнаруживают граждан Афганистана, да и вооружена исламистская оппозиция оружием не только советского производства. В этой связи стоит напомнить, что в специальном заявлении, направленном таджикским руководством в Совет Безопасности и распространенном в ООН 20 июля, говорится, что в вооруженных провокациях на границе участвовали подразделения афганской армии. Это заявление прозвучало вразрез утверждениям руководства Афганистана о том, что, будто бы, в вооруженных провокациях принимали участие лишь "отряды оппозиции". Сюда же надо добавить, что, по данным премьер-министра Таджикистана А.Абдуладжанова, сообщенным в ходе пресс-конференции в Москве 20 июля, "66 человек из 70 погибших в ходе нападения на 12-ю заставу, были афганцами".

20 июля правительство Афганистана информировало МИД России и Таджикистана о готовности сесть за стол переговоров, чтобы решить проблемы вокруг ситуации на таджикско-афганской границе. Но что можно обсуждать, если все проблемы, которые мешают спокойствию на границе, продолжают исходить с территории Афганистана?

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРЕССА О СОБЫТИЯХ НА ТАДЖИКСКО-АФГАНСКОЙ ГРАНИЦЕ

Зарубежная пресса в целом достаточно сдержанно отреагировала на события 13 июля на таджикско-афганской границе. Возможно, это связано с тем, что, как считают зарубежные наблюдатели, Запад в нынешних условиях будет готов скорее поддержать в Таджикистане существующий "неокоммунистический" режим, который является гарантом стабильности перед лицом сегодняшнего общего врага - исламизма.

Показательно, что многие зарубежные газеты связали эти события с общей обстановкой как в СНГ, так и в самой России. Они указали на наличие настоящего "Южного фронта" для РФ.

Как отмечала в этой связи "Вашингтон пост", "гражданская война в Таджикистане является лишь одной из четырех, полыхающих на южных границах России в республиках, которые были частью Советского Союза. Нападение на заставу стало напоминанием о том, что пока Россия пытается создать в собственном доме основные общественные институты демократического общества, ей приходится сталкиваться с угрозой стабильности по всему южному "фронту". Американская газета подчеркивает взаимосвязь событий в Таджикистане и стабильности РФ. Тем самым она лучше всего отвечает на требования тех доморощенных политиков, которые раньше кричали о необходимости вывода советских войск из Афганистана, утверждая, что моджахеда будут вариться только в "собственном котле", а ныне заявляют о необходимости уйти и из Таджикистана. Этим политикам хочется напомнить, что зеленые стрелы на картах исламистских стратегов в Афганистане идут через все среднеазиатские республики и своими остриями упираются в мусульманские регионы собственно РФ. Необходимо понять всем, что оставить Таджикистан сейчас - значит в недалеком будущем иметь войну в собственном доме, на своей территории.

По всей видимости, не всем за рубежом понравилась решительность мер российского руководства, воскресившая в памяти те времена, когда СССР играл активную и самостоятельную роль на международной арене. Так, английская "Гардиан", комментируя решение Москвы усилить группировку российских войск в Таджикистане, считает, что оно "еще раз свидетельствует о воплощении в жизнь доктрины, согласно которой Россия для защиты своих интересов имеет право на военное вмешательство в дела других республик бывшего Советского Союза".

В свою очередь, лондонская "Таймс", комментируя "жесткие" высказывания Б.Ельцина, обещавшего направить дополнительные воинские контингенты в этот район, писала, что Россия "рассматривает Среднюю Азию в качестве сферы своего влияния". Резкий тон этого заявления, считает газета, "явно пришелся по душе консерваторам, которые неоднократно критиковали Президента за отсутствие должного внимания к россиянам, оказавшимся за пределами страны".

Интересный комментарий в связи с событиями на таджикско-афганской границе поместила швейцарская "Нуво котидьен". "Русские самолеты, танки и солдаты готовы вступить в бой далеко от Москвы, на дальних рубежах бывшего СССР, а главное, за пределами российских границ: в Таджикистане, а возможно, и в Афганистане. Такого поворота и так быстро никто не ждал", - пишет газета. "В нынешнем веке Россия после большевистской революции уже пережила катастрофический спад, за которым последовал подъем, хотя и в условиях тоталитарного режима. Сегодня признаки "русского чуда" пока еще слабо просматриваются, - отмечает "Нуво котидьен", - зато налицо признаки возрождения былой мощи". Газета увязывает реакцию России на пограничный инцидент в Таджикистане с состоявшимся неделей ранее в Стамбуле совещанием на высшем уровне Организации экономического сотрудничества (ОЭС), объединяющей шесть бывших советских мусульманских республик, Турцию, Иран, Пакистан и Афганистан. "Москва, - говорится в статье, - на сей раз отнеслась к этой встрече с подозрением, поставив "шестерку" перед выбором: либо они склоняются к северу, либо к югу. Но у некоторых участников стамбульской встречи, - отмечает газета, - нет выбора, и России это известно".

"Эта зависимость, - пишет швейцарская газета, - проявляется во всем. Менее чем через два года после раскола почти все новые независимые республики приходят к одному заключению: сталинская система создала очень прочные связи с центром - Москвой. Это наследие советской системы является самым мощным инструментом вероятного воссоединения распавшейся семьи вокруг России".

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Первые выводы, которые следуют из событий на таджикско-афганской границе, касаются вопросов обороноспособности РФ. Эти события показали несовершенство Закона РФ "Об обороне", согласно которому решение о применении Вооруженных Сил за пределами территории России может быть принято исключительно Верховным Советом. В свое время принятие этого положения было вызвано известным "афганским синдромом", а ныне из-за него погибают люди. В этой связи представляется целесообразным разработать и принять такую поправку к Закону РФ "Об обороне", по которой в случае возникновения угрозы жизни российских граждан и военнослужащих, находящихся вне пределов РФ, правом принятия решения было бы наделено военное руководство. При этом необходимо предусмотреть, что решение на применение силы подлежит в последующем утверждению в Парламенте,

скажем, в трехдневный срок.

13 июля со всей очевидностью показало необходимость перевода в практическую сферу усилий, направленных на создание единого военного организма в рамках Договора о коллективной безопасности стран-участниц СНГ. Жизнь показала, что формирование подобной структуры, в первую очередь, отвечает интересам республик, находящихся на периферии Содружества. Руководителям этих государств необходимо понять, что Россия одна сможет защитить себя от внешней угрозы, а им без РФ будет трудно. Актуально здесь прозвучат слова министра обороны Таджикистана генерал-майора А.Шишляникова, сказанные им в одном из интервью: "Сегодня Таджикистан - первый бастион на пути исламистов. Если здесь победит исламизм, завтра наступит черед Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана, а затем исламисты окажутся у ворот Кремля".

Еще одним направлением создания коллективных структур совместной обороны стран СНГ, как представляется, может стать возрождение единой системы ПВО и создание группировок высокомобильных сил на угрожаемых направлениях с подчинением их единому командованию. За образец здесь можно взять мобильные силы НАТО.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

О НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

М.ГАРЕЕВ,

доктор исторических наук,
генерал армии

Прежде всего, несколько слов о самих терминах "национальные интересы", "национальная безопасность" и других подобных понятиях, поскольку иногда слова "национальный" и "государственный" отождествляются. Национальные интересы, действительно, выступают прежде всего как государственные, но они не всегда совпадают. Исходя, видимо, из этого Евгений Амбарцумов предпочитает вести речь не о национальных, а о "национально-государственных интересах", так как Россия - многонациональное государство ("Красная звезда" 11.02.93 г.). Но в жизни, да и в мировой практике, давно уже принято употребление слова "национальный" не только в узком, но и в более широком смысле. Живут в одной и той же стране разные народы со своими сложившимися автономиями (в Англии - Шотландия и Уэльс; в Испании - Каталония и Страна Басков; в Бельгии - Фландрия и Валлония и т.п.), но во всех этих странах есть общие интересы, объединяющие эти народы.

На мой взгляд, такой подход вполне правомерен и для России. Дело еще в том, что национальные интересы обычно понимаются шире, чем государственные, поскольку первые отражают не только интересы официальных государственных структур, но и интересы общества, что особенно важно при становлении подлинного гражданского общества или рассмотрении "национальной безопасности" с точки зрения защиты не только государства, но личности и общества.

В соответствии с характером угроз, средств и форм воздействия на объекты безопасности различаются следующие виды безопасности: "военная безопасность", "экономическая безопасность", "технологическая безопасность", "информационная безопасность", "генетическая безопасность" и др.

Таким образом, в отличие от недавнего прошлого, безопасность страны теперь не сводится лишь к безопасности военной - к проблемам обороны, а рассматривается в более широком плане с учетом обеспечения всех аспектов безопасности для личности, общества и государства.

Многоплановость понимания безопасности, охватывающей все основные сферы воздействия на нее, а также формы, средства и способы ее обеспечения определяют многодисциплинарный комплексный характер фундаментальных проблем, требующих научного исследования и изучения их в учебной практике. Проблемы безопасности познаются многими гуманитарными (общественными), естественными, техническими науками и военной наукой. Каждая из этих научных отраслей знания и соответствующих им учебных дисциплин должна иметь свою научную и учебную проблематику по вопросам безопасности. Только ученые и преподаватели, специализирующиеся в соответствующих конкретных отраслях науки и учебных дисциплинах, могут глубоко и профессионально исследовать социально-политические, экономические, экологические, технологические, информационные и другие проблемы безопасности страны. Попытка создать какую-то отдельную "науку безопасности", как это иногда предлагается, ничего, кроме дилетантизма, породить не может. Выделение же в каждой отрасли науки и учебной дисциплине соответствующей проблематики по вопросам безопасности будет способствовать не только более полному охвату всех ее научных проблем и более глубокому их познанию, но и привлечению широких кругов научной общественности для разработки и реализации научных основ безопасности страны.

Вместе с тем с точки зрения предметно-проблемной классификации научных знаний вполне правомерна научная, учебно-методическая и практическая необходимость разработки и существования общей теории безопасности. Это является отражением одной из закономерностей развития научных знаний вообще, когда проблемная классификация приводит к образованию ряда комплексных наук (метанаук), в которых скооперированы идеи и методы различных теорий и наук, как, скажем, в океанологии скооперированы соответствующие разделы физики, химии, геологии,

географии, биологии и др.

Для научного познания и практического решения проблем безопасности страны последнее особенно важно, ибо до сих пор многие важные вопросы безопасности исследовались, изучались и практически решались в отрыве друг от друга, что нанесло в прошлом и продолжает наносить поныне огромный вред рациональному обеспечению безопасности. Например, казалось бы, "успешное" решение задачи достижения вооруженного паритета со странами НАТО привело к резкому ослаблению экономической безопасности; увлечение грандиозными преобразованиями природы и погоня за валовыми, количественными показателями в экономике породили экологические бедствия типа Чернобыля, гибели Арала, тяжелого отравления атмосферы в ряде районов; узкий, отвлеченный подход и превращение безопасности в самоцель, искусственно нагнетаемая политическая конфронтация и изоляция обусловили научно-техническое, технологическое отставание. Все это отрицательно сказалось на интересах безопасности страны в целом, хотя, казалось бы, все делалось именно ради нее, не говоря уже о нерационально затраченных огромных материальных средствах.

Ни Верховный Совет, ни Совет безопасности, ни Правительство и другие государственные органы, состоящие из самых умных людей, не в состоянии глубоко разработать, всесторонне рассмотреть и принять обоснованные решения по вопросам государственной безопасности, если заседаниям этих органов не будет предшествовать тщательная научная разработка рассматриваемых проблем с подключением всех необходимых научных учреждений, ведущих ученых и специалистов различных ведомств. А по ряду вопросов потребуются и международное сотрудничество, ибо в наше время нельзя ограничиться разработкой проблемы безопасности только в национальных рамках.

Главное назначение общей теории безопасности - исследование ее различных компонентов и проблем как взаимосвязанной единой системы, не подменяя другие науки.

Общая теория безопасности выступает как предметно и проблемно ориентированная комплексная наука, призванная исследовать общие закономерности обеспечения безопасности в современных условиях, предмет и структуру системы безопасности, роль и место в ней различных наук, разработать методологические основы согласованного решения проблем безопасности страны, научно обоснованно определить ее цели, задачи, методы их достижения. Она интегрирует общие проблемы и прикладные аспекты социально-политических, экономических, естественных и технических наук в области исследования сущности, содержания, форм, методов и средств обеспечения безопасности личности, общества и государства в условиях комплексного воздействия внешних и внутренних угроз различного характера их жизненно важным системам. Общая теория безопасности изучает также проблемы безопасности и пути их решения в других странах мира, критически их осмысливая и беря на вооружение все позитивное.

Национальные интересы любого государства и особенно вопросы, связанные с защитой их от внешних военных угроз, всегда определяли и направленность военной доктрины. Из истории известно, что недостаточно четко выраженные национальные, государственные интересы предопределяли и рыхлость военной доктрины. Вместе с тем опыт 30-х и послевоенных лет показал, что излишний максимализм и нереальность провозглашенных национальных целей и интересов, стремление чрезмерно жестко и любой ценой осуществлять их за счет других государств порождали конфронтационную внешнюю политику и соответствующую ей военную доктрину, приводя порою к полному крушению ложно понятых национальных интересов.

В связи с крупными изменениями в международной обстановке ставится коренной вопрос политической и геополитической структуры будущего мира. Одним он представляется как исключительно монополярный, под эгидой США, выступающих в союзе с ведущими западными странами.

Большинство крупных политологов высказывается в том духе, что будущий мир имеет больше тенденций для развития в многополярном направлении. Это подтверждается возросшим уровнем национального самосознания народов (а не только национализмом), нарастающим в большинстве стран мира мощным движением к независимости и суверенитету на этнической, национальной основе. Его проявления широко известны. Только за последние 1,5 года в мире появилась 21 новая страна. Этнические конфликты дают знать о себе не только на территории бывшего СССР, Югославии, но и в таких странах, как Индия, Канада, Бельгия и др.

Под давлением этих центробежных сил образуются пока еще не везде явные, но все более заметные трещины в многонациональных государствах и в структурах военно-политических союзов. В связи с этим едва ли оправданы чрезмерно преувеличенные надежды на однозначное безоблачное развитие интеграционных процессов в Европе и в Североатлантическом союзе. Кроме экономических факторов, сильнейшим стимулятором сплочения западноевропейских стран с их проамериканской ориентацией была военная угроза со стороны Советского Союза (в какой-то степени обоснованная, а в какой-то и искусственно преувеличенная). С исчезновением такой угрозы все труднее будет вынуждать западноевропейские страны нести военные расходы и связывать их с общей военной политикой НАТО. В наше время может быть не придется подобно римлянам перед разрушенным Карфагеном сокрушаться: "что станет с Римом без врагов?" Но вопросов возникает немало. Конечно, экономические интересы будут продолжать питать и стимулировать и интеграционные процессы. Но и в этой области есть свои пределы.

С учетом этих противоречивых тенденций экономические и военно-политические интеграционные процессы как в СНГ, так и в Западной Европе, видимо, будут прививаться на практике только в той мере, в какой они будут отражать реальные жизненные потребности народов.

Собственно, многополярный мир сегодня - это уже реальная действительность. По инерции еще продолжают говорить об одной лишь оставшейся "сверхдержаве". Но даже США - наиболее могущественное государство в экономическом и военном отношении - не могут претендовать на абсолютное доминирование в мире. Это признает и Манфред Вернер, подчеркивая, что "...если Соединенные Штаты попытаются действовать в одиночку, то это просто превысит их возможности". И не только потому, что удельный вес США в мире по важнейшим экономическим показателям неуклонно падает, но и вследствие того, что другие центры силы не захотят дать себя потеснить. В многополярном мире отношения между народами и центрами силы должны быть основаны не на гегемонии одного или нескольких государств, а на равноправном сотрудничестве, исходя из принципов, заложенных в уставе ООН. И Россия вполне может занять место одного из центров силы в многополярном мире, где главным должны быть не доминирование и диктат великих держав в своих сферах влияния, а осуществление теперь уже несколько забытой политики "баланса сил" на международной арене, где требуется значительно больше гибкости, дипломатического и стратегического искусства, чем в сравнительно жестко регламентированном биполярном или монополярном мире.

Таким образом, объективные процессы в мире ведут к многополярному миру, в то же время определенными кругами предпринимаются усилия к фактическому сведению его к монополярному миру.

Настало также время многое переосмыслить и в деятельности ООН. В последние годы все более заметным становится противоречие, когда, с одной стороны, Устав ООН запрещает применять силу или угрозу силой в международных отношениях и требует решения любых международных споров исключительно мирным путем, с другой стороны - все чаще военная сила начинает применяться от имени ООН, что создает почву для злоупотреблений.

Порою осуществляется переход к применению силы еще до того, как исчерпаны все возможности политического урегулирования противоречий и конфликтов. Отсутствие предварительной политической урегулированности ставит в трудное, бесперспективное положение выделяемые миротворческие силы, ибо, как говорил Талейран, штыками можно много сделать, но сидеть на них нельзя. В связи с этим напрашиваются соответствующие уточнения Устава ООН.

С учетом изложенного выше, в сложившихся условиях, чтобы не ошибиться в политике, надо исходить не из идеологических благих пожеланий, а из существующей действительности.

Ведь давно известно: если у любого государства (не говоря пока конкретно о том или ином из них), есть свои национальные интересы, то они нередко вступают в противоречие с интересами других стран. Есть противоречия и внутри СНГ и НАТО. Однако, если то или иное государство безотказно выполняет все требования других государств, то зачем на него нападать? И правильно в таких случаях говорят: "На нас никто не собирается нападать". Ведь все диктуемые цели достигаются без всякого нападения. Когда же государство начинает защищать свои национальные интересы, то оно, как это часто бывает, наталкивается на противодействие других стран, может появиться угроза, не исключаящая и нападение.

Если говорить о России, то для нее главная приоритетная идея интересов состоит в том, что она может и должна возродиться и развиваться как великая держава. Конечно, не "сверхдержавой", но одной из великих держав в системе многополярного мира и среди таких центров силы, как США, Западная Европа, Китай, Япония, Индия. Перспектива возрождения России, конечно, не всех устроит, особенно, если вспомнить, что уже на протяжении многих столетий основу политики западных стран составляет противодействие возвышению России. Этот курс время от времени может смягчаться, маскироваться, но существо его не меняется.

Быть или не быть России великой зависит не от иностранных государств и даже не от субъективных желаний политического руководства и настроений большинства российских народов, а определяется, прежде всего, рядом основополагающих объективных факторов, историческими традициями, геополитическим положением в Евразии и в мире, реально существующими экономическими, политическими и духовными потребностями, которые постоянно будут давать знать о себе и которые "отменить" невозможно.

Во-первых, исторически Россия, объединяя вокруг себя другие народы, всегда служила важным стабилизирующим фактором на огромном евроазиатском континенте, разрешая противоречия и предотвращая межэтнические столкновения. На мой взгляд, правы те политологи, которые считают, что влияя на окружающие народы, Россия не стала ни Европой, ни Азией. Она творчески соединила в себе оба начала и стала самобытным политическим образованием.

В наше время, когда тенденции сепаратизма и национализма значительно усилились, без единой сильной России, объединяющей все ее народы и пользующейся влиянием в ближнем зарубежье, на этом важнейшем континенте

может образоваться такой геополитический вакуум и вызванная им политическая и экономическая нестабильность, ожесточенная борьба других государств за влияние на раздробленные государства и земли, которые будут представлять угрозу всему миру. Поэтому не только в интересах народов евроазиатского континента, но и с точки зрения общей международной безопасности и судеб человечества ведущие государства Запада и Востока объективно должны быть заинтересованы в возрождении и существовании великой Российской державы.

Во-вторых, только при сохранении территориальной целостности России, единого экономического и культурного пространства можно осуществить экономические реформы, развитие науки и техники и другие демократические преобразования в стране. В системе ослабленных и раздробленных государств никакого полноценного рынка создать невозможно.

В-третьих, только мощная в экономическом и оборонном отношении Россия может стратегически более эффективно и экономически рационально обеспечить безопасность всех народов и российского государства в целом. Действуя порознь, решать эту задачу невозможно. В итоге могут быть потеряны суверенитет и независимость всех республик, ради чего все затевалось.

В-четвертых, возрождение России как великой державы отвечает и интересам создания правового, демократического государства. Ибо только сильное государство может надежно защищать права человека, отстаивать интересы как российских граждан, так и своих соотечественников в ближнем зарубежье, преградить дорогу к власти антинародным экстремистским силам, ограждать людей от преступного мира.

Больше того, как показывает исторический опыт, слабая власть, не имеющая прочной опоры в народе, сама становится одним из источников опасности для национальных интересов, ибо она, в случае резкого обострения обстановки внутри страны и острого противостояния различных сил, бывает склонна обращаться за военной помощью к иностранным государствам, провоцируя интервенцию и оккупацию своей страны. Это наглядно можно видеть и в наши дни на примере некоторых закавказских республик, руководителям которых все равно, кто придет в их страну, войска НАТО или ООН, лишь бы самим остаться у власти.

Б.В.Тарасов полагает, что "на период сосредоточения и собирания внутренних сил нам целесообразно уйти из эпицентров мировой политики. Это место должны занять Объединенная Европа, США и страны АТР". Но это не только нецелесообразно, но и невозможно для России. В послевоенные годы, когда кое-кто пытался принизить Францию как державу, генерал де Голль со всей твердостью заявил: "...Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах... Наша страна перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и ни перед кем не склоняться, ибо в противном случае она может оказаться в смертельной опасности..."

То же самое можно сказать сегодня о России. Или она должна занимать подобающее ей место среди других ведущих государств мира, или это будет уже не Россия, а нечто иное...

России не только нельзя, но объективно и невозможно изолироваться от остального мира. Нужно активное экономическое, политическое, культурное и военное сотрудничество с другими странами. Россия может возрождаться как великая держава только являясь частью мирового сообщества. Ей не безразлично, каким будет новый мировой порядок, ибо она составляет одну из важнейших его частей. Ей необходимо активно участвовать в становлении новых международных отношений, добиваясь органического сочетания общечеловеческих и своих национальных интересов. Будучи постоянным членом Совета безопасности ООН, Россия обязана быть в центре мировой политики. Кроме того, Россия, приняв эстафету от Советского Союза в области внешней политики и заключив ряд важнейших международных соглашений, вместе с другими государствами стала гарантом соблюдения мировых договоров. Не может Россия уйти и от многих других своих обязательств.

Вместе с тем Россия, как и любое государство, устанавливая и защищая свои государственные интересы, обязана, разумеется, реально оценивать и свое положение и свои возможности. Хотя она и является правопреемницей СССР, ее положение существенно отличается от прежнего Советского государства. По территории РФ составляет 76%, населению - 60, национальному продукту - 40-50% (с учетом спада производства) от соответствующих показателей Советского Союза. В 1985 г. национальный доход СССР составлял 57% национального дохода США, национальный доход РФ равен всего лишь 17,2% от американского. Резко изменилось геополитическое и геостратегическое положение России. Она оказалась еще больше отодвинутой от центра Европы в глубь евроазиатского материка, оторванной от важнейших портов Балтийского и Черного морей. На значительном протяжении изменились и ее границы, и окружающие соседи. Ее сухопутные коммуникации и торговые пути пролегают через территории других государств. Нарушены экономические связи не только внутри СНГ, но и со многими государствами третьего мира. Значительно снизился ее оборонный потенциал.

Российский боевой потенциал обычных вооружений в Европе, ограничиваемый Парижским договором, будет в 4-6 раз меньше по количеству наземных видов вооружения и в 2 раза меньше по авиации. И не только в целом, но и по сравнению с ближайшими соседями боевой потенциал РФ значительно уменьшается.

КОНТУРЫ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

В.ЗИМОНИН,

доктор исторических наук,
член-корреспондент АЕН РФ

Общепризнанно, что на рубеже 80-90-х гг. произошел резкий поворот в системе международных отношений от двухполюсного, казалось бы, явно конфронтационного, варианта развития к однополюсному, старому, как сама вечность, но все же относительно новому, учитывая своеобразие нынешней ситуации, способу эволюции человеческой цивилизации, с которым многие связывают ее прогресс. Готов ли мир к такому повороту событий? Действительно ли способен однополюсный вариант устройства международных отношений уберечь мир от новых военных потрясений? В чем секрет формулы глобальной безопасности: в равнодействии противоположных систем или в неустойчивом равновесии складывающейся на рубеже второго и третьего тысячелетий одновекторной системы движения цивилизации в своем развитии? И здесь ли мы ищем подходы к оценкам стоящих перед миром и Россией угроз?

Наверное, искать ответ на вопрос, стала ли меньшей угроза возникновения мировой войны, путем анализа преимуществ или недостатков однополюсной или двухполюсной системы развития мира - дело непродуктивное.

Обратимся к историческим фактам. Первая мировая война, как и все предшествовавшие ей большие и малые войны нового времени, явилась отражением неустойчивости межгосударственных отношений, сотрясаемых межимпериалистическими противоречиями внутри однополюсной (капиталистической, рыночной) системы мирового устройства.

Не дает история однозначного ответа на вопрос о том, виновата ли однозначно двухполюсность устройства мира в послеоктябрьскую эпоху в возникновении второй мировой войны и о том, вела ли к третьей мировой войне или уводила от нее, сдерживала ее двухполюсность, двухсистемность общественно-политического и экономического устройства послевоенного мира.

Идеология, являясь причиной деления мира на два полюса, две системы, вносила хоть какую-то определенность. Во время "холодной войны" было ясно, кто потенциальный враг, а кто союзник. И это заставляло вырабатывать вполне определенную стратегию недопущения мировой войны. Вместе с тем, в канун и в период второй мировой войны США, Англия и Франция ошиблись в оценке расстановки сил и поплатились за это в первые ее годы именно по причине антикоммунистической зашоренности. Врагом оказался не тот, кого боялись. Фактически на передний план вышли не идеологические и классовые противоречия, а геополитические и националистические (расовые) факторы. Сейчас идеологические противоречия уходят на задний план. Однако это, похоже, пока не ведет к заметному снижению международной напряженности. Я бы хотел обратить ваше внимание на то, что взамен идеологическому противостоянию периода "холодной войны" возрастает вероятность возникновения войн и вооруженных конфликтов на основе целого скопища старых, как это раньше было принято называть, межимпериалистических (экономических, геополитических, национальных, расовых, религиозно-фундаменталистских и других) противоречий, которые прежде терялись на фоне идеологических битв, а теперь все громче заявляют о себе и несут реальную угрозу крупномасштабных войн. Вот вам и, казалось бы, "бесконфронтационная" однополюсность. Поэтому, я считаю, мир нужно принимать таким как он есть. И в этом конкретном мире строить свою политику безопасности, политику недопущения войн.

Другое противоречие. Казалось бы, следует только приветствовать радикальные сокращения ядерных и постепенное снижение количественного уровня обычных вооружений, осуществляемые Соединенными Штатами и Содружеством Независимых Государств. Но возникает вопрос: а не ведет ли это автоматически к чрезмерному относительно возрастанию военной роли таких экономически мощных и обладающих современными, постоянно развивающимися

вооруженными силами держав, как Япония и Германия? Не несет ли такое изменение соотношения сил новых угроз миру и стабильности на региональных и мировом уровнях? И это опять же почти никак не связано с политическим устройством мира. Ведь в период двухполюсной "холодной войны" эти процессы начались, а продолжают-то они сейчас, в условиях однополюсного мира.

И тем не менее, как представляется, на сегодняшний день и ближайшую перспективу опасность мировой войны все более приближается к нулю. Об этом подробно говорится и в направленном в январе 1993 г. в американский конгресс докладе Министерства обороны США "Оборонная стратегия Соединенных Штатов Америки на 1990-е годы: стратегия региональной направленности". (См. в переводе на русский язык: М., 1993 г. - 48 с.).

В новых условиях США пришли к выводу об уменьшении угрозы мировой войны и выработали стратегию снижения вероятности возникновения региональных конфликтов. Это позволяет России внести коррективы в свою политику безопасности.

Попытаюсь кратко раскрыть суть моих подходов к проблеме безопасности Российского государства.

Как показала история, сугубо военной силой достичь безопасности страны, мира и спокойствия граждан нельзя. Это легко понять, если проанализировать само понятие "безопасность" в его преломлении сквозь отдельную личность, нацию (народ, государство), международное сообщество.

Если речь идет обо мне как личности, то для моей безопасности (а с этим тесно связана жизнеспособность, возможность удовлетворения жизненно важных интересов и потребностей) важно, чтобы существовала такая система, которая позволит уберечь меня: от насильственной смерти (не важно от чего - от войны, экологической катастрофы, преступного насилия или еще чего-то), от голода, холода, болезней и других несчастий, создать условия для моего гармоничного развития.

Если мы говорим о безопасности нации, то она может чувствовать себя спокойно и нормально функционировать лишь в том случае, если будет уверена, что не подвергнется разгрому в войне, не будет задушена в результате какого-то экологического кризиса, не вымрет от эпидемии СПИДа, чумы или еще какой-то болезни, что ее экономика будет развиваться стабильно и не только уберечет страну от голода и разрухи, но и не создаст у вероятного агрессора иллюзий по поводу возможности выиграть против нее войну, что развитая система законодательства и права предотвратит нацию от разгула преступности, обеспечит гармонию интересов всех слоев общества и каждого человека в отдельности...

Примерно в таком же ключе можно раскрыть (не претендуя на полноту научной проработки) и критерии международной безопасности. Это такая система международного порядка, которая (где политико-дипломатическими методами, где экономическими санкциями или помощью развитию, где силой военного сдерживания...) не допустит мировой или региональных военных катастроф, сможет своевременно увидеть и предотвратить опасность экологической трагедии, обеспечит создание механизма такого международного экономического взаимодействия, которое воспрепятствует превращению целых регионов в зоны нищенского существования, создаст условия для всестороннего развития всех наций и народов и т.д.

Очевидно, что в таком гуманистическом преломлении проблема безопасности должна решаться отнюдь не (или, по крайней мере, не только) военными средствами и методами. Настало время подходить к проблеме безопасности как к сложному, многоплановому явлению, а значит, и решать ее системно, комплексно с учетом множества взаимосвязанных факторов.

Проблемы государственной безопасности разрабатываются практически в каждой стране. В отечественной печати наиболее системным и полным ее определением, на мой взгляд, является то, которое отражает понимание государства как такого его состояния, которое позволяет сохранить национально- государственную целостность, суверенно решать политические, экономические, социальные и культурные проблемы развития общества и личности и выступать самостоятельным субъектом системы межгосударственных отношений. Оно дано в работе С.А.Проскурина "Национальная безопасность страны: сущность, структура, пути укрепления" (М., 1991, с.16).

В США под безопасностью государства (национальной безопасностью) понимается, как это сказано в изданном Пентагоном в 1989 г. словаре, условие функционирования государства, которое является результатом осуществления оборонных (защитных) мероприятий, укрепляющих неуязвимость государства от враждебных актов или других видов внешнего вмешательства. Примерно такого же подхода придерживаются другие страны НАТО.

Однако наиболее полно проблема национальной безопасности, на мой взгляд, проанализирована в Японии, где в 70-х годах разработана и активно проводится в жизнь уникальная, довольно гармоничная, соответствующая интересам сложившейся политико-государственной структуры и, вместе с тем гибкая, концепция комплексного обеспечения национальной безопасности (КОНБ).

В опубликованном в 1978 г. Институтом комплексных исследований "Номура" докладе "Стратегия к XXI в. Как

преодолеть кризисы?", в частности, говорится: "В узком смысле национальная безопасность означает оборонные усилия с использованием вооруженных сил в качестве главного средства. А в широком смысле - это усилия государства, охватывающие внешние отношения, экономику, военное дело и другие сферы деятельности, направленные на обеспечение национальной безопасности от всевозможных угроз извне". Авторы доклада как раз и предложили "широкий комплексный подход" к проблемам национальной безопасности.

В Японии созданы прекрасные организационно-правовые условия для реализации этой концепции, претворения ее положений в жизнь. Достаточно сказать, что для решения этих вопросов в начале 80-х годов при кабинете министров был создан совет министров по комплексному обеспечению безопасности, который очень активно работает, заказывает солидным научным центрам и специалистам разработку тех или иных проблем безопасности, тщательно их обсуждает и вырабатывает предложения правительству, которые затем весьма полно, последовательно и не без успеха проводятся в жизнь.

Естественно, претворение в жизнь концепции комплексного обеспечения безопасности тем или иным государством может приветствоваться другими странами, если результаты ее реализации не несут угрозы соседям. Это предполагает высокий уровень доверия и готовности каждого субъекта безопасности к искреннему сотрудничеству в данной области. В связи с этим у меня есть целый ряд сомнений относительно истинных конечных целей политики безопасности Японии, учитывая быстрый рост ее военных приготовлений в последнее время. Но речь сейчас не о ней.

В современных условиях особая ответственность за судьбы мира лежит на Российском государстве. Поэтому забота о его безопасности и созидательном потенциале выдвигается сейчас на первое место. К сожалению, при всей прогрессивности заложенных во вступивший в силу весной 1992 г. "Закон о безопасности" Российской Федерации положений и подходов в нем еще сохраняется упор на силовые (военные или околвоенные) методы решения проблемы*. В зачаточном состоянии находится теоретическая проработка российских подходов к концепции комплексного обеспечения безопасности и практически полностью отсутствует разработка механизма ее реализации. Вместо этого, по-прежнему, основное внимание уделяется разработке военной доктрины России, что, безусловно, важно, но абсолютно недостаточно для всестороннего обеспечения безопасности нашей страны в сложном меняющемся мире. Более того, разработка военной доктрины вне структурной и субординационной увязки с другими сферами жизни и деятельности государства может не только не приблизить существенно к решению проблем всеобщей безопасности, но и осложнить поиски рациональных подходов к ним.

Каков же выход из данной ситуации?

Наиболее целесообразными ближайшими шагами на пути решения проблем российской (да и любой другой страны) безопасности могли бы стать глубокая фундаментальная междисциплинарная проработка концепции и разработка на ее основе программы комплексного обеспечения безопасности России при том условии, что последняя интегрировала бы в себе в качестве относительно самостоятельных, но, тем не менее, неотъемлемых частей ряд доктрин, в т.ч.: внешнеполитическую, включая военно-политическую (точнее - доктрину обеспечения безопасности военными средствами и методами), доктрины экономической, гуманитарной, экологической, информационной и других видов безопасности, содержащих в себе международные и национальные аспекты, а также находящих преломление в жизненных интересах отдельных личностей. То есть необходима разработка такой программы комплексного обеспечения безопасности, которая отразила бы широкую систему взглядов и мер государства, направленных на предотвращение, снижение уровня и ликвидацию всевозможных угроз миру, безопасности и свободной реализации жизненных интересов личности, общества и в целом Российского государства в гармоничной увязке с интересами безопасности международного сообщества и стала бы теоретической и правовой основой политики безопасности России.

Что касается концепции КОНБ, то я бы согласился с министром охраны края Литовского государства А.Буткявичюсом, что это должен быть "очень философский документ, отвечающий на вопрос, какие ценности выдвигает перед собой нация и государство и какие угрозы возникают в отношении их, какими способами нация собирает их защищать".

В Литве такой документ недавно подготовлен, но министр справедливо считает, что "есть еще много вопросов, на которые надо отвечать не политикам и военным, а самым глубоким умам нации".

В качестве одного из первых шагов организационного плана в этом направлении, как представляется, должно быть создание единого в Российском государстве органа (возможно, комитета КОНБ при Совете безопасности), обладающего достаточными возможностями и полномочиями для координации исследований в этой области, выработки политики безопасности и проведения ее в жизнь.

Очевидно, что назрела необходимость объединения усилий ученых и военно-политических деятелей в рамках международного сообщества в интересах разработки концепций и политики комплексного обеспечения безопасности на региональных и глобальном уровнях, гарантиями жизнеспособности которых стали бы сравнимость, совместимость, а в последующем и универсальность доктрин и программ безопасности всех государств.

Процесс этот непростой и нескорый, требующий приложения доброй воли и интеллектуальных усилий многих людей. Но он назрел. И он необходим.

** Подробный критичекий анализ содержания Закона см. в первом за 1992 г. номере информационногг сборника Фонда национальной и международной безопаснгости "Безопасность", с. 3-11.*

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

СНВ-2 КАК ПРЕДТЕЧА "НОВОГО МИРОВОГО (БЕС)ПОРЯДКА"

П. БЕЛОВ,
кандидат технических наук

Безальтернативность концепции сдерживания при упорядочении отношений между государствами и людьми обусловлена, как известно, биологической природой человека. Вот почему угроза возмездия часто дисциплинирует их поведение, а "кольт" обычный или ядерный используется для выравнивания соответствующих возможностей большого (сильного) и малого (слабого) индивидуума или сообщества. Предпочтительность данной парадигмы в сравнении с мироустройством, основанном, например, на "новом мышлении", особенно очевидна в перспективе, т.е. по мере роста населения и истощения природных ресурсов.

В свете изложенного проводимую ныне внешнюю и военную политику России нельзя расценить иначе, чем антинациональную, алогичную по форме и преступную по содержанию. Ее опасность - в лишении России потенциала сдерживания и вытекающей из этого угрозе нового передела мира с целью перераспределения ее территории и богатств между другими государствами. Проиллюстрируем неприемлемость такой политики на примере пока не ратифицированного, к счастью, договора между Россией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, подписанного 3 января 1993 г. в Москве (СНВ-2).

Трудно не согласиться с Дж.Бушем в том, что СНВ-2 гарантирует будущее без страха. Правда, с уточнением, - не всему миру, а только США: они полностью сохраняют планы модернизации своих вооруженных сил и способность к быстрому наращиванию их боевых возможностей, избавляются от избыточных либо устаревших вооружений. Более того, США во многом экономят благодаря СНВ-2, - переводят часть стратегических бомбардировщиков под оснащение обычным высокоточным оружием, избавляются от ставших ненужными двух эшелонов космической противоракетной обороны (ПРО).

Если резюмировать, то суть навязанного нам договора СНВ-2 сводится фактически к полному слому проводимой до сих пор военно-технической политики, уничтожению нашего "кольта" - примерно тысячи многозарядных шахтных ракет и замене их таким же количеством других - однозарядных. Его реализация на самом деле обеспечит не военно-стратегический паритет, а одностороннее разоружение России, окончательный подрыв ее экономики бременем непосильного и бессмысленного перевооружения. Именно поэтому СНВ-2 может оказаться губительным не только для нас, но и для остального мира, поскольку лишит его военно-политических средств поддержания стабильности и ввергнет в очередной "беспорядок".

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Напомним, что если рассматриваемый нами договор будет ратифицирован, то уровень противостояния между Россией и США снизится от предусмотренного СНВ-1 соотношения 5000:5978 до 3000:3492 ядерных боеголовок (ЯБГ). При этом доля ЯБГ воздушного и морского базирования составит 800:1264 - на тяжелых бомбардировщиках и 1750:1728 - на подводных лодках. На первый взгляд, арифметические соотношения соответствуют справедливости, однако сопоставительный анализ качественных показателей носителей ЯБГ и средств борьбы с ними приводит к другим выводам.

Тяжелые бомбардировщики. Сравнительные боевые возможности наших воздушных носителей ЯБГ свидетельствуют о подавляющем превосходстве нашего "партнера" по договору СНВ-2. Налицо здесь как количественный, так и качественный перевес США. После развала СССР и "перехода" наиболее совершенных ТУ-160 и ТУ-95 МС на Украину и в Казахстан Россия оказалась не в состоянии обеспечить даже разрешенные договорами СНВ-1, СНВ-2

уступки, характеризующиеся соотношениями 1:2,36 и 1:1,5 по числу тяжелых бомбардировщиков.

С учетом обвальное непродуманной конверсии мы не в состоянии иметь требуемое по СНВ-2 количество воздушных носителей ЯБГ и вынуждены будем ограничиться лишь пятой их частью. Если же иметь в виду более чем десятилетнее отставание в средствах радиоэлектронного обеспечения и противодействия нашей авиации и фактически глобальную противовоздушную оборону вероятного противника, то суммарный проигрыш в боевых возможностях наших тяжелых бомбардировщиков оценивается сотнями и тысячами раз. На практике это означает неизбежность полного уничтожения всей доли ЯБГ воздушного базирования совместно с их носителями заблаговременно, т.е. еще на дальних подступах к противнику или даже на территории России.

Заметим, что несоизмеримость боевых возможностей наших тяжелых бомбардировщиков компенсировалась по договору СНВ-1 возможностью сохранения Россией половины группировки тяжелых ракет СС-18 и увеличением числа ракет наземно-мобильного базирования. Такие "уступки" США рассматривались также как их "плата" за безраздельное господство на море.

Подводные лодки. До сих пор США имели значительное превосходство по числу и точности доставки ЯБГ морского базирования и намерены сохранить его по договору СНВ-1, добившись соотношения 3456:1960. Этот перевес должен будет сохраняться и на первом этапе реализации обсуждаемого договора как компенсация остающихся в этот период 65 наших тяжелых ракет СС-18. Хотя на втором этапе соотношение практически выравнивается по числу ЯБГ, это никак не свидетельствует о равных боевых возможностях морских компонент России и США.

Еще до развала СССР реальное соотношение боевых возможностей наших флотов составляло 1:12, в том числе по подводным лодкам - 1:8. Это выражалось в таких потерях при ведении боевых действий обычным оружием: наш флот до 88% (полная катастрофа), флот США - 13% (сохранение боеспособности). Произошедшие в последнее время перемены - старение техники, потеря навыков вследствие прекращения учебных подходов и тренировок, лишение баз и деградация управления еще более усугубили этот разрыв.

Основные причины - несовершенство конструкции подводных лодок, примерно втрое большее их водоизмещение, низкое качество электроники и вычислительной техники. Так, шумность наших субмарин до 50 раз выше американских, а средняя дальность обнаружения - в 11 раз.

С помощью глобальной системы гидроакустического слежения и уничтожения наши лодки практически легко могут быть обезврежены в нужный момент прямо на базах, либо сразу же после выхода в открытое море.

И наоборот, удобное геостратегическое положение США в совокупности с мощными силами всестороннего обеспечения американских атомных субмарин сделали их смертельно опасными средствами внезапного разоружающего удара, особенно с направлений, ныне неподконтрольных нашей системе предупреждения о ракетном нападении. Это стало возможным в результате потери Россией четырех из семи станций такого предупреждения, возможности приближения к ее границам и сокращения за счет этого подлетного времени морских ракет. Вот почему США отказались даже от суперсовременных шахтных "Пискиперов" (MX) и "Минитментов-2" - ставших ненужными, попутно заставив нас в СНВ-2 уничтожить все тяжелые и многозарядные наземные ракеты.

Таким образом, только наивный может судить о паритете боевых возможностей наших подводных флотов, исходя лишь из примерного равенства числа размещенных на них ЯБГ.

Наземные ракеты. Главная удача нашего "партнера" по СНВ-2 состоит в ликвидации наших многозарядных шахтных ракет с ЯБГ индивидуального наведения и замене их на однозарядные ракеты наземно-мобильного базирования. Не исключено, что в случае ратификации данного договора, будет осуществлена давнишняя мечта американцев - лишение нашей гордости и единственно надежного "щита" - тяжелых ракет СС-18. В чем же причина такой их озабоченности нашими тяжелыми ракетами при одновременном как бы игнорировании "легких" и, в особенности, мобильных?

По мнению тех же американцев, разделяемому и другими специалистами, группировка наших ракет СС-18 является единственной системой, обеспечивающей "асимметричный ответ" Соединенным Штатам, даже при наличии у них ПРО из трех, включая два космических, эшелонов уничтожения наших ЯБГ. Дело в том, что одна сотня таких ракет способна вывести на орбиту кроме тысячи реальных чрезвычайно мощных ЯБГ еще и сто тысяч ложных целей. А это уже лежит за пределом возможностей любой ПРО: ведь старт наземных ракет происходит практически одновременно, в отличие от морских, запускаемых поочередно.

Сейчас таких тяжелых ракет втрое больше, да имеются и другие - не столь мощные, но многозарядные. А если, что не исключено, к ЯБГ тяжелых ракет будет приспособлена радиопрозрачная технология "Стелс" или, напротив, - "аэрозольные обертки", многократно увеличивающие отражающие способности реальных и ложных целей? Однако самое неприятное состоит в том, что энергетика тяжелых СС-18 в состоянии оснастить их ЯБГ двигателями маневра, что практически исключает заблаговременный прогноз траектории, а стало быть и уничтожение средствами ПРО США.

Есть еще один немаловажный аспект, обусловивший озабоченность нашего "партнера" по СНВ-2 этими ракетами. Оказывается, что все российские СС-18 расположены вдалеке от границ, практически в центре России. Кроме того, размещены они в высокопрочных шахтах, выдерживающих до сотни избыточных атмосфер и расположенных на отчужденных, хорошо охраняемых территориях. Это означает, что они практически защищены от диверсий и обычного, даже высокоточного оружия, к тому же удаленность от границ дает резерв времени, связанный с увеличением продолжительности полета ракет противника от нескольких минут до часов. Все это в совокупности с почти минутной готовностью к старту СС-18 гарантирует их использование не только в ответном (одна из двадцати), но и в ответно-встречном (до падения ЯБГ противника) ударе по агрессору.

Логично предположить, что наличие в России тяжелых ракет СС-18 никак не устраивало нашего "партнера", поскольку надежно сдерживало его от каких-либо притязаний неотвратимостью возмездия. И вот, игнорируя наше обязательство о неприменении первыми ядерного оружия и не давая собственных гарантий подобного, США называют эти, в действительности стабилизирующие мировой порядок, ракеты "дестабилизирующими", непригодными для ответного удара из-за известности местоположения, а стало быть предназначенными для упреждающего удара. Одновременно с этими абсурдными обвинениями их пособники организуют кампанию в пользу замены СС-18 однозарядными шахтными и мобильными ракетами, якобы больше пригодными для ответного удара.

Возникает вопрос: быть может в самом деле, существующие у нас и не имеющие аналогов в мире, железнодорожные ракетные комплексы с ракетами СС-24 и грунтовые ракеты СС-25 более приспособлены для сдерживания агрессора? Смущают, правда, по меньшей мере два обстоятельства: а) подобные ракетные системы не имеет ни одна страна в мире и уж, конечно, не по причине технологической немощи, б) США до сих пор не только не принуждали нас к включению их в число сокращаемых, а наоборот, - способствовали наращиванию их количества и снижению мобильности. Поневоле закрадывается подозрение: уж не очередная ли это дезинформация, выгодная США?

Для уяснения ответа на вопросы, обратимся к предпосылкам наземно-мобильного способа базирования и техническим характеристикам известных ныне грунтовых и железнодорожных ракет. Отметим вначале, что идея возникла более двадцати лет назад в связи со значительным повышением точности доставки ЯБГ к целям противника. Ее привлекательность состояла в заблаговременном выводе собственных ракет из-под удара за счет непрерывного маневрирования и вынуждения противника резко увеличить число ЯБГ для поражения не отдельных пусковых установок с известными координатами, а всей площади их возможного патрулирования.

Данная идея широко рекламировалась в США и предлагалась для повышения живучести их ракет "Минитмен", "МХ" и "Миджитмен", однако реализована была лишь для оперативно-тактических ракет. Поскольку наша военная доктрина была ориентирована на то, "а как там у них?", то отечественный ВПК своевременно реагировал на подбрасываемую информацию об убийственно высокой точности американских ЯБГ и рекламируемых ими проектах железнодорожного и грунтового базирования разрабатываемых ракет.

Вначале мы наращивали число, а затем и защищенность шахтных пусковых установок, доведя их до 1398. Затем начали разворачивать печально известные ракеты среднего радиуса действия СС-20, межконтинентальные СС-25 грунтового и СС-24 - железнодорожного базирования, построив по 889, 315 и 36 штук соответственно. В итоге истратили триллионы рублей и оказались "впереди планеты всей", но не в смысле обороноспособности, а предрасположенности этих мобильных комплексов к авариям и диверсиям с катастрофическими последствиями, простоты их уничтожения не только ядерным, но и обычным оружием.

КОМУ УГРОЖАЮТ СС-24 И СС-25

Опыт Чернобыля и специфика современных вооружений свидетельствуют о том, что для уничтожения государства могут использоваться не только средства противника, но и его собственные, при условии вовлечения их в аварию. Представляется именно это соображение использовано нашим "партнером" по СНВ-2 для поощрения к сохранению существующих у нас ракетных комплексов наземно-мобильного базирования. Оказывается, что они более опасны для России, чем для противника, если понимать под опасностью - возможность причинения ущерба людским, материальным и природным ресурсам.

Приведем лишь несколько аргументов, подтверждающих бессмысленность наших железнодорожных и грунтовых мобильных ракетных комплексов, упорно замалчиваемых их сторонниками и, похоже, пока не замеченных официальными структурами. Даже использование доступных широкому читателю сведений об их характеристиках (табл.1) свидетельствует о неприемлемости габаритных параметров этих ракет, затрудняющих их маскировку и защиту от внешних воздействий. Соответствующее инженерное образование позволяет рассчитать определяемые этими параметрами характеристики живучести наших СС-25 и СС-24.

Таблица 1

РАКЕТНАЯ СИСТЕМА	Масса, т	Длина, м	Ширина, м	Высота, м
СС-24 (РС-22),	104/210	21/30	1,5/2,6	до 5
СС-25 (РС212м),	45/100	17,5/20	2,1/2,4	до 5
"Миджитмен" (США),	16,8/90	13,8/29	3,0/3,65	2,75

ПРИМЕЧАНИЕ: в числителе - масса и длина ракеты, ширина колеи; в знаменателе - параметры транспортно-пусковой установки в боевом снаряжении.

Действительно, можно ли гарантировать безопасность передвижения по нашим автодорогам транспортно-пусковой установки с ракетой массой 45 тонн, длиной 20 и высотой примерно 5 метров, если ширина колеи чуть более 2 метров, а на одну ось приходится до 15 тонн? Конечно же, нет. И опыт эксплуатации СС-25, ее прототипа СС-20, свидетельство тому: имели место сотни аварий, более десяти из них завершились опрокидыванием. Даже внешний вид транспортно-пусковой установки с ракетой СС-25 свидетельствует о том, что для вывода из строя на длительное время, достаточно ее просто опрокинуть. А это практически нетрудно, учитывая опрокидывающий момент (от массовых, инерционных или аэродинамических сил) и состояние наших дорог. Для сравнения отметим, что так и не принятый по соображениям недостаточной защищенности от аварий и диверсий американский аналог "Миджитмен" имел втрое меньший стартовый вес, чуть ли не вдвое меньшую высоту и в полтора раза большую ширину колеи.

И уж совсем проблематична защита наших железнодорожных и грунтовых мобильных ракет от диверсионных средств и стрелкового оружия, не говоря уже об авиационном высокоточном оружии. В отличие от американского "Миджитмена", укрытого наклонно расположенными бронешитами, мы оказались не в состоянии сделать подобную защиту для ракет СС-25, СС-24. Это обусловлено, прежде всего, примерно втрое большим стартовым весом наших ракет, а соответственно и невозможностью укрытия их, поскольку это потребовало бы дополнительного утяжеления (на десятки и сотни тонн) пусковых установок.

Специалистам также известно, что корпуса современных твердотопливных ракет, их транспортно-пусковые контейнеры ныне изготавливаются не из металла, а из стеклопластика. Следовательно, при отсутствии бронезащиты такие конструкции легко повреждаются с помощью стрелкового оружия. Поэтому, нетрудно догадаться, что достаточно одного выстрела для вывода из строя нашей СС-25. При этом последствия такой диверсии могут быть различными в зависимости от типа оружия: от нарушения целостности корпуса и заряда двигателя - с последующим взрывом ракеты после запуска, до несанкционированного запуска ступени ракеты, ее немедленного взрыва или полета вдоль поверхности земли с поджогом и радиоактивным заражением местности - в любом случае.

Могут быть использованы и другие способы уничтожения в нужный момент наших мобильных ракет СС-24 и СС-25, при условии известности их местоположения. Интересно, что не так давно уже ратифицированный нами договор СНВ-1 до предела упростил эту задачу, запретив их маскировать (видоизменять форму), ограничив число находящихся в любой момент на маршрутах патрулирования 15-20% от общего количества и сократив до минимума (один-два) число выездов из баз постоянной дислокации. В этих условиях для аварии достаточно "железнодорожного стрелочника" или заблаговременно установленных вблизи маршрутов рассредоточения взрывных устройств, взводимых в нужный момент из космоса и настроенных на присущий только этим мобильным системам спектр излучений при движении.

Следует отметить, что проблема предупреждения аварий и диверсий существует и для шахтных ракет, атомных подводных лодок и тяжелых бомбардировщиков. Однако там она не столь актуальна, так как такие происшествия не всегда связаны с ущербом для населения, случаясь на отчужденных степных, морских и воздушных территориях. Более того, их труднее спровоцировать извне случайными или умышленными действиями людей - прежде всего из-за меньшей доступности указанных носителей ЯБГ для посторонних. Вот почему США не решились принять на вооружение свои "Миджитмены", хотя они имеют втрое большую скорость движения, в несколько десятков раз большую защиту от избыточного давления и прострела, не требуют особых дорог.

В чем же причины замалчивания проблемы, связанной с имеющимися только у нас ракетами наземно-мобильного базирования? Если ее нет, тогда почему никто не опровергнет автора, неоднократно и публично заявляющего о ней? Скорее-она существует и устраивает очень влиятельные силы: нашего "партнера" по СНВ-1 и СНВ-2, использующего их как собственный "кольт", уже взведенный и приставленный к виску России; их создателей - генералов от промышленности и армии, все еще сохраняющих свои высокие должности и привилегии; корпоративные интересы определенной группировки ВПК, получившей многомиллиардный заказ на нужную только им, но не налогоплательщику, мобильную ракетную технику; командование Ракетных войск, стремящееся сохранить численность их личного состава, поскольку эксплуатация моноблочных мобильных ракет требует (в пересчете на

одну ЯБГ) в сотни раз больше людей, а стало быть и должностей, включая генеральские. Вот почему они так единодушны в дезинформации властей и народных депутатов, в готовности нанять адвокатов СС-25 и СНВ-2 в целом.

МАТЕРИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ

Есть еще по меньшей мере два аспекта, свидетельствующие о неприемлемости навязанного нам договора СНВ-2: его экономическая разорительность и экологическая пагубность столь быстрого перевооружения, уничтожения оружия массового поражения. Умолчать их нельзя, тем более, что сторонники СНВ-2 поспешили назвать его "рентабельным", позволяющим сэкономить нам 50 млрд. руб. И это не считая той многомиллиардной помощи из-за рубежа, которой уже соблазняют несговорчивый Верховный Совет РФ, обещая ее в дополнительном протоколе к ратификации.

Кто поверит, что совершенно неподготовленное, даже непродуманное, обвальное по масштабам, сокращение стратегических вооружений обойдется нам дешевле? Процесс уничтожения оружия массового поражения по времени должен быть соизмерим его накоплению, а любые попытки ускорить его обойдутся России, да и не только ей, непоправимо дорого. Взяв темп не по силам, мы не только не облегчим нынешнее положение экономики, но превратим страну в радиоактивно зараженную пустыню.

Дело в том, что придется иметь дело с сотней тонн плутония и десятками тысяч тонн чрезвычайно токсичных компонентов ракетного топлива. Последствия аварийного разброса плутония только из одной ЯБГ могут стоить нам до 10 млрд. долл., его пылинки достаточно для гибели человека, а грамма гептила (ракетного горючего) - сотен людей. Не зря же США оградили себя от ответственности за "неприятности", возможные при оказании помощи в "разборке" наших ЯБГ.

Так во что же реально обойдется нам навязанное разоружение - перевооружение? Транспортировка, разборка и утилизация ЯБГ, твердого и жидкостного ракетного топлива - до 10 млрд. долл. Утилизация почти полусотни реакторов подводных лодок - еще столько же. Переоборудование многозарядных шахтных ракет под однозарядные, реконструкция 90 шахтных пусковых установок под ракеты меньших габаритов - еще 3 млрд. убытков, а не экономии, как это преподносится сейчас.

Ведь потребуются дорогостоящие работы по вскрытию, ревизии и замене многочисленных объемов и коммуникаций, доработке устаревшего оборудования, созданию совершенно другой системы амортизации, бетонированию колоссальных объемов с использованием лучших сортов цемента и стали. И все понапрасну, так как не нужна малой ракете большая по объему шахта.

Наивно верить и в то, что переоборудование ракет СС-19 под моноблочные ЯБГ сведется к простому "свинчиванию" избыточных. Создание же достойного ее энергетике боевого оснащения обойдется не дешевле новой ракеты-носителя, не говоря уже о необходимости новых ядерных испытаний.

И уж совсем разорительна будет наша переориентация с шахтных носителей ЯБГ на мобильные - морские и наземные.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Если проанализировать оценки СНВ-2, высказанные в печати и в выступлениях отдельных должностных лиц, то подавляющее большинство экспертов не приемлет договор в нынешней редакции, хотя все они согласны с необходимостью дальнейших сокращений накопленных вооружений. Независимые от МИД и МО РФ эксперты констатируют, в отличие от упомянутых ведомств и обслуживающих их учреждений, отсутствие в СНВ-2 военной и экономической выгоды для России.

Сравнение текста договора СНВ-2 с так называемыми "рамочными соглашениями", подписанными Б.Ельциным и Дж.Бушем 17 июня 1992 г., свидетельствует об их идентичности. Исключение составляют лишь незначительные "уступки" в сторону смягчения упомянутых "рамочных", ставшие возможными благодаря подключению П.Грачева и А.Пискунова к формулированию окончательного текста в Женеве. Следует заметить, что эти уступки незначительно ослабили кабальные для России условия СНВ-2, но серьезно затруднили его экспертизу, сделав этих руководителей МО и ВС РФ как бы соавторами договора. Логично предположить, что это было сделано не случайно, как и то, что до сих пор не образована парламентская комиссия по изучению последствий реализации СНВ-2 и сорвана программа соответствующих парламентских слушаний.

В этих условиях представляется крайне необходимой самая тщательная экспертиза договора СНВ-2 представителями общественности, его широкое обсуждение в средствах массовой информации. И дело вовсе не в том, что сам факт подписания его текста, а в особенности унижительных для России двух соглашений между нею и США от 17.06.92 г. продемонстрировал интеллектуальную неполноценность их разработчиков с нашей стороны, если они вообще были. Ратификация данного договора в существующей редакции продемонстрирует уже цивилизационную неполноценность, лишаящую не только Россию, но и весь остальной мир гарантированной глобальной стабильности, невозможной без сохранения дисциплинирующего США второго полюса.

Следует отметить, что в наличии уравнивающих механизмов должны быть заинтересованы не только США, но и другие экономически развитые государства и их коалиции: Япония, Турция, Западная Европа. Ведь признание СНВ-2 будет означать капитуляцию не столько военно-политическую и не одной лишь России, а цивилизационную, фактический пролог к насильственному новому переделу мира. Так не пора ли и этим государствам высказать свое отношение к навязанному не только нам, но и им договору СНВ-2?

Демонстрируемая ныне отстраненность других стран по отношению к судьбе СНВ-2 в России и судьбе СНВ-1 на Украине вряд ли будет способствовать сохранению цивилизации. Если нас (Россию и Украину) вынудят ратифицировать их, то очень вероятно не только экономическое разорение столь поспешным разоружением-переворужением, но и заражение обширных территорий бывшего СССР радиоактивными, химическими и биологическими веществами. Ведь мы уже обязались уничтожить запасы накопленного химического и иного оружия. А вытянем ли все одновременно?

Убежден: России нужен не СНВ-2, а самостоятельная военно-техническая политика. Ее цель - в сдерживании любых посягательств на нашу территориальную целостность, другие национальные интересы. При ее определении мы самостоятельно уменьшим свой ядерный арсенал до тех же, если не меньших, количеств. Но разместим их на тех носителях ЯБГ, которые выгодны нам, а не нашему "партнеру" по СНВ-2. И это будет соответствовать интересам других стран, также как и сохранение Украиной ограниченного количества ЯБГ. Наш союз с ней в поддержании наших вооружений крайне взаимовыгоден: делает нас богаче и сильнее, а миропорядок - стабильнее. Или кому-то по душе "новый мировой (бес)порядок"?

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

О ВНЕШНЕЙ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

И.ТЕРЕХОВ,

кандидат технических наук

Принципиальное отличие внешней военно-технической политики (ВТП) от других составных частей внешней политики заключается в том, что в ее рамках определяются цели, задачи, формы и содержание международной деятельности государства в сферах разработки, испытаний, производства, закупок вооружения и военной техники (ВВТ), их эксплуатации и ремонта, создания научно-технической и технологической базы для развития ВВТ на основе новейших достижений науки и техники.

Внешней военно-технической политикой охватываются военно-технические проблемы мирного времени, не связанные непосредственно с военными действиями, но направленные на создание внешних условий для обеспечения надежной безопасности страны при минимальных затратах материальных и финансовых ресурсов.

Ранее внешняя ВТП традиционно скрывалась от общественности, не подлежала обсуждению. Необходимость и объемы экспорта и импорта ВВТ, размещения российских контингентов Вооруженных Сил в других государствах, создания и эксплуатации в других государствах военно-морских баз, аэродромов и других военных объектов, заимствования "чужих" военно-технических идей и распространения в других государствах собственных, определения и реализации направлений международной унификации и стандартизации ВВТ - все эти вопросы решались узким кругом лиц.

Такое положение остается и поныне, что наносит политический, военный и экономический ущерб России.

Так, за последние три года произошло снижение объемов экспорта российского вооружения в мировом объеме его продаж с 38 до 17%. Это "освободившееся место" тут же занимают США и другие развитые капиталистические страны, увеличивая объем продаж своего ВВТ.

Распад СССР, образование на его территории независимых государств, новая система экономических отношений с государствами "ближнего" и "дальнего" зарубежья, сокращение расходов на ВВТ, создание новых российских Вооруженных Сил определяют необходимость международного сотрудничества России в области разработки и производства ВВТ.

Сохранение ранее сложившейся в СССР кооперации организаций при разработке и закупке ВВТ может оказаться выгодным для России, но это потребует учета новых форм сотрудничества, теперь уже на международном уровне.

Многие оборонительные системы бывшего СССР оказались расчлененными на части между отдельными государствами. Так, объекты системы предупреждения о ракетном нападении, системы контроля космического пространства, системы противовоздушной обороны, системы контроля и обнаружения ядерных взрывов и других оборонительных систем оказались на территориях разных независимых государств. России не выгодно и экономически обременительно самостоятельно воссоздавать заново такие сложные и дорогостоящие системы. Решение таких проблем может быть осуществлено на международном уровне, что подталкивает процесс реинтеграции России, Украины, Казахстана, Беларуси и других государств - бывших республик СССР.

Кризисное состояние экономики России, реализация концепции оборонной достаточности, сужение мощностей НИИ, КБ, заводов, занимавшихся военными заказами, объективно требуют большего участия России в международном разделении труда при реализации военно-технической политики.

Исследование ключевых проблем внешней ВТП, влияющих на внутреннюю ВТП России, является новым и перспективным направлением научных исследований, особенно при должном учете макроэкономических факторов.

Если ранее военно-технические проблемы решались, в основном, только в рамках государств Варшавского Договора, то теперь их потребуется рассматривать с большим количеством групп государств, отличающихся степенью их взаимосвязи с национальной безопасностью России. К таким группам могут быть отнесены, например, следующие:

- государства, подписавшие с Россией Договор о коллективной безопасности;
- государства - члены СНГ;
- государства - бывшие республики СССР, связанные с Российской Федерацией двухсторонними договорами;
- государства - бывшие участники Организации Варшавского Договора;
- страны "третьего мира", связанные с Россией двухсторонними договорами;
- другие группы государств.

Отношения России с каждой из этих групп могут отличаться определенными особенностями, но вместе с тем они должны быть взаимосвязаны и осуществляться системно, комплексно, исходя из обеспечения национальной безопасности России.

России потребуетея определиться в своей внешней ВТП. Альтернативы могут быть разные: либо следовать рекомендациям КОКОМ, либо проводить собственную линию, руководствуясь национальными интересами России.

В первом же случае потребуетея добиваться вхождения в КОКОМ на равноправной основе с тем, чтобы влиять на решения этого международного органа.

Неопределенность в вопросах внешней ВТП может нанести ущерб национальным интересам России: политическим, экономическим, военным и другим.

Потребуется также определиться с принципами военной помощи другим странам. Сейчас уже очевидно, что следует сократить объем военной помощи на безвозмездной и льготной основе, обеспечить переориентацию военно-технического сотрудничества на экономические и качественные показатели.

Основы внешней ВТП России должны быть открытыми и официально провозглашаться. Россия проголосовала за резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, в соответствии с которой экспортеры и импортеры ВВТ должны публиковать и представлять в ООН соответствующие статистические данные, включая также данные о предоставлении другим странам безвозмездной военной помощи различного рода.

Секретность в данном вопросе может привести к потере международного авторитета, к экономическим, военно-политическим и другим издержкам для России.

Научный анализ проблем ВТП России на нынешнем этапе ее развития начат Центром международных и военно-политических исследований РАУ-Корпорации с использованием разрабатываемой модели, учитывающей многополярность современного мира.

В результате этих исследований ожидается разработать:

- рекомендации военно-политическому руководству России для обсуждения и решения военно-технических проблем на международном уровне;
- предложения по нормативно-правовому закреплению основных положений внешней ВТП России (перечень документов, в которых она должна найти официальное выражение, порядок разработки, рассмотрения, утверждения, реализации и контроля таких документов);
- предложения по обоснованию и учету проблем внешней ВТП России в ее бюджете.

Центр международных и военно-политических исследований РАУ-Корпорации готов к сотрудничеству с заинтересованными организациями в исследовании названных проблем, составлявших ранее закрытую область национальных интересов России.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

РОССИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ СИЛЬНОЙ

В.СТАРОДУБОВ,
генерал

Необязательно называть вероятного противника, однако полезно на кого-то ориентироваться. Ранее, во времена СССР, мы ориентировались на США и их союзников по НАТО. Говоря о национальных интересах, мы хотим, чтобы они соблюдались. Национальные интересы требуют, - и это главное, - чтобы деятельность государства диктовалась именно ими, а не кем-то извне. Допустим, мы хотим продать Индии криогенные двигатели, а Ирану - подводные лодки. Раньше нам в этом не противодействовали, а в последнее время начинают противодействовать. Для того, чтобы Россия поступала так, как ей диктуют национальные интересы и действовала без оглядки на другие государства, она должна быть сильной.

В наше время, когда говорят о силе, к сожалению, имеют ввиду прежде всего военную. А дело совсем не в том, собираемся ли мы на кого-либо нападать или нацеливаем ли, например, на США свои силовые средства. Силу не надо нацеливать. Когда она есть, она сама работает на национальные интересы. А.Гареев, если я правильно его понял, высказался в том духе, что на государство никто не нападет, если оно будет исполнять чьи-то требования. Думаю, не все здесь так просто. Был Советский Союз, и на него никто не собирался нападать, хотя он ничьих требований выполнять не собирался. Можно допустить и такую ситуацию, при которой некое государство, выполнив все требования третьих государств, само окажется в центре столкновения этих третьих государств: выполнять чьи-то требования и, следовательно, поступать вопреки своим национальным интересам. Поэтому Россия должна быть сильной страной и ориентироваться она должна не на третьестепенные государства, а на своего главного конкурента в мире.

Хотел бы продолжить стратегическую тему, поднятую П.Г.Беловым. Говоря о договорах в США по стратегическим наступательным вооружениям, следует ответить на вопрос о том, правильно ли поступает Россия, форсируя или пытаясь форсировать продвижение договора СНВ-2? Для тех, кто отслеживает эти вопросы, этот договор имеет ряд проблем, требующих дополнительного рассмотрения и решения.

Договоры СНВ-1 (уже ратифицированный) и СНВ-2 непосредственным образом затрагивают структуру наших стратегических ядерных сил. Нам навязана структура, которая России, прямо скажем, не выгодна. Кстати, сам договор СНВ-2 кое-что поправил по сравнению, в частности, с мартовскими и сентябрьскими предложениями американской стороны, которые были значительно хуже и просто ставили нас на колени. Перечислю основные, на мой взгляд, недостатки договора.

Во-первых, нас лишают опоры или, во всяком случае, ограничивают нашу опору на межконтинентальные баллистические ракеты. Правда, договор позволяет в определенных рамках выигрывать потенциал. И все же мы лишаемся тяжелых ракет (С-18, РС-20, Р-36М), оказавших существенное влияние на всех наших вероятных противников. У нас, как уже здесь отмечалось, неравное положение с американцами по подводным лодкам, поскольку мы лишились некоторых баз, имеет место фактор шумности и т.д. По тяжелым бомбардировщикам американцы всегда были впереди нас, следовательно, превосходство по этой составляющей стратегических ядерных сил консервируется. Сохраняется и перевес другой стороны по крылатым ракетам морского базирования.

Суммируя эти обстоятельства, получаем качественную картину не в нашу пользу. При этом хотел бы отметить, что ситуация несомненно нуждается в дальнейшем изучении и анализе.

Вторая проблема, требующая дополнительного исследования, заключается в переоборудовании баллистических ракет в однозарядные. Согласно договору, все ракеты с РГЧ должны быть ликвидированы или переоборудованы в однозарядные. При этом переоборудование возможно без изменения самой ракеты, ее платформы. Изъяв из 10-зарядной ракеты 9 зарядов, вы можете завтра поставить их обратно, тем более что Договор не требует их

уничтожения.

Таким образом, американцы способны законсервировать 2700 боеголовок (на МБР и БРПЛ). Кроме того, они "выторговали" себе право вывести из состава ядерных носителей 100 тяжелых бомбардировщиков, которые в любой момент могут быть вновь снаряжены ядерным оружием (это еще 2000 боеголовок). Итого "риск" составляет 4700 боеголовок. Напомню, что верхний предел по договору составляет 3500 единиц, т.е. "риск" больше, чем сам верхний предел. Для сравнения: Россия в этом случае может "восстановить" аналогичным способом лишь 900 боеголовок. Несравнимые цифры! Следует также учесть и то обстоятельство, что с сокращением всех российских ракет с РГЧ другая сторона получает возможность создать эффективную систему противоракетной обороны. Тщательного изучения требует и проблема крылатых ракет.

Сейчас весь процесс "сдерживается", если так можно выразиться, Украиной, не ратифицировавшей пока договор СНВ-1, а без действующего договора СНВ-1 разговоры об СНВ-2 теряют смысл. Эта тема временно исчезла с газетных полос, но ее "время" рано или поздно придет, и чем скорее мы обратимся к ней, тем тщательнее она будет проработана и тем подготовленнее мы будем к адекватным решениям и действиям.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ "КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ" МИД РФ

Сущность российской внешней политики предопределяется долгосрочными задачами возрождения России как демократического, свободного государства, обеспечения благоприятных условий для формирования современного динамичного хозяйствования, гарантирующего достойную жизнь россиянам и финансово-экономическую независимость стране, а также для полноправного и естественного включения РФ в мировое сообщество как великой державы с многовековой историей, уникальным геополитическим положением, достаточной военной мощью, значительным технологическим, интеллектуальным и этическим потенциалом.

Важнейшими внешнеполитическими задачами, требующими скоординированных и постоянных усилий всех государственных структур страны, является прекращение вооруженных столкновений и урегулирование конфликтов вокруг России, недопущение их распространения на нашу территорию и обеспечение строгого соблюдения в ближнем зарубежье прав человека и меньшинств, особенно этнических россиян и русскоязычного населения.

Стержневая задача также - сохранение единства и территориальной целостности РФ. В соответствии с Федеративным договором внешняя политика и международные отношения относятся к ведению федеральных органов, а субъекты Федерации являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений, если это не противоречит Конституции РФ и федеральным законам. Российская внешняя политика основывается на учете интересов как Федерации в целом, так и ее отдельных субъектов. Такое единство внешней политики является результатом гармонизации интересов и одновременно надежной гарантией их всемерного обеспечения.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Поворот одного из крупнейших государств мира в сторону демократического развития в корне изменил мировой расклад сил. Прекращение политики, проходившей под знаком борьбы "двух систем" с ее проекцией на все стороны международной жизни, не только отодвинуло угрозу глобальной войны и сделало ненужной большую часть накопленных в эпоху противоборства вооружений, но и заложило новые предпосылки конструктивного сотрудничества стран на региональном и глобальном уровнях, в ООН и в других международных организациях.

Россия признает значение концепции "нового политического мышления", которая стала первой попыткой преодоления тупика тотальной конфронтации. Она вместе с тем страдала увлечением абстрактными понятиями своего рода бесконфликтного глобализма, с одной стороны, и сохранением устаревших представлений о противостоянии "двух систем" как ориентира нашей внешней политики. При всей промежуточной значимости "нового мышления" в этой двойственности были заложены его недостатки и слабости.

Демократическая природа новой российской государственности дала возможность преодолеть этот этап. Кончилась борьба идеологий. Пришла забота о потребностях России, обеспечиваемых экономическими, дипломатическими, военными и иными средствами. Закладывается основа равноправного партнерства с соседними, ведущими демократическими и экономически развитыми странами на базе отстаивания наших ценностей и интересов через реальное взаимодействие, а не шарахание от конфронтации к утопиям.

Накапливается опыт взаимовыгодного разрешения расхождений и противоречий между Россией и другими странами. Открывается возможность практического учета специфики исторических, геополитических, экономических интересов России в рамках цивилизованных межгосударственных отношений.

То, каким будет мир к концу XX века, во многом зависит, наряду с другими объективными процессами, от успеха наших реформ, от прочности гражданского общества в России и ее федеративного обустройства, от ее внешней политики. В свою очередь, внешняя политика не может быть эффективной без укрепления демократического Российского государства и всестороннего и реалистического учета происходящих за рубежом процессов.

В первую очередь это касается бывших республик СССР, где кризисные явления посттоталитарного периода напрямую сказываются на безопасности России, на темпах и возможностях преодоления экономического и социального кризиса в самом Российском государстве. Даже если наиболее острые формы кризиса и подпитываемые ими национальные и территориальные конфликты будут преодолены, переход к демократии при здоровой рыночной экономике будет болезненным и затяжным. На формировании внешней политики ряда государств СНГ сказываются характерное для периода становления независимости утрированное дистанцирование от России, подогреваемые националистическими настроениями территориальные споры, включая претензии к России, а также своего рода аллергия ко всему, что может напоминать прежнюю зависимость от союзных структур. Не сразу придет понимание той объективной реальности, что опора на связи с обновленной Россией облегчает решение их национальных задач. Более того, в поисках собственного места в мировом сообществе некоторые из этих государств, особенно в азиатской части бывшего СССР, пытаются найти опору в близких им в этносоциальном, религиозном или экономическом отношении странах, в том числе тех, которые в ходе истории боролись с Россией за влияние в этом регионе. Идет, таким образом, сложный процесс формирования ближайшего геополитического окружения России, исход которого будет во многом зависеть от нашей способности убеждением, а в крайних случаях и с использованием силовых средств, утверждать принципы международного права, включая права меньшинств, добиваться прочного добрососедства.

Ведущая группа промышленно развитых государств Запада, опираясь на современные научно-технические достижения, быстро наращивает свою экономическую и финансовую мощь, политическое влияние в мире. С окончанием "холодной войны" исчезла сформировавшаяся в условиях конфронтационности мотивация "западной солидарности", и это обуславливает более осязаемое проявление геополитических и экономических противоречий между развитыми государствами. Однако у западных государств сохраняется значительная общность интересов в фундаментальных вопросах мирового развития (рыночная экономика и гражданское общество), что побуждает их искать совместные подходы в политической, военной, экономической и других областях не только между собой, но и с демократической Россией.

Запад перестает быть военно-политическим понятием в традиционном силовом смысле, но остается одним из важнейших центров мировой экономики и международных отношений, глобального цивилизационного процесса.

Развиваются, хотя и не без осложнений, интеграционные механизмы, в частности в Западной Европе, все более отчетливо выступающей как самостоятельный глобальный фактор. Одной из характерных черт будут также борьба между полицентризмом мировой политики (США, Западная Европа, Япония плюс государства, претендующие на роль региональных центров) и стремлением США сохранить свое лидерство, хотя его основа - их ориентированный на противостояние с СССР военный потенциал - теряет былое значение ввиду окончания "холодной войны".

Группа государств Центральной и Восточной Европы, покончивших с тоталитаризмом, оказалась перед лицом сложнейших политических, экономических и социальных проблем. Трудности переходного периода являются питательной средой для возрождения национализма, социальных кризисов, последствия которых ощущаются и за пределами этих государств. Осложненный подобными явлениями, переход к демократии и рыночной экономике предопределяет, что, возможно, не менее десятилетия будет отмечено нестабильностью и острыми кризисами.

Идет сложный процесс поиска новой политической идентичности. Наряду с превалирующей тягой к Западу, попытками получить гарантии безопасности и подсоединиться в качестве полноправного или ассоциированного участника к западноевропейским интеграционным структурам наблюдается тенденция к возобновлению на новой основе отношений с Россией, разрыв которых, особенно в экономической области, усугубляет трудности выхода из кризиса, становления рыночных механизмов и модернизации хозяйства.

Усугубляется дифференциация стран "третьего мира". Некоторым из них удалось встать на путь экономического подъема, обеспечивающего внутреннюю стабильность и растущий вес на мировой арене. Большинство все более отстает от ведущих промышленно развитых государств. "Третий мир" с его глубокими социально-экономическими, национальными и цивилизационными проблемами превращается в основной источник глобальных и региональных угроз предстоящих десятилетий. Опасность вооруженных конфликтов, оказывающих деструктивное воздействие на международную стабильность, гонка вооружений, включая попытки получить доступ к оружию массового уничтожения (ОМУ) и средствам его доставки, социальные и этнические взрывы, терроризм, наркобизнес, массовый голод и пандемии являются угрозами глобального масштаба и не могут не затрагивать интересов России и ее безопасности.

При всей многоплановости происходящих процессов предстоящие десятилетия будут проходить под знаком растущего разрыва между индустриальным Севером и отстающим Югом, всплесков противоречий по линии Юг-Юг, кризисов и конфликтов, порождаемых социально-экономическими и национальными проблемами посттоталитарных режимов и беднейших развивающихся стран. Это будет накладываться на тенденцию к переустройству политических

структур мировых отношений со стороны ведущих государств или групп государств, а также на стремление нарождающихся региональных держав обеспечить собственные сферы влияния, вплоть до попыток прибегать к силовому давлению.

Взаимодействие этих факторов предопределяет быструю, по историческим меркам, смену глобальной обстановки, основными чертами которой становятся:

- исчезновение биполярной структуры в ее глобальном измерении;
- многовариантность международной политики как следствие исчезновения глобальной биполярности;
- возникновение региональных центросиловых отношений.

Окончание "холодной войны" автоматически не означает стабилизации на мировой арене. В мире продолжают играть существенную роль военно-силовые факторы. Девальвация военной силы на глобальном уровне сопровождается тенденцией к усилению ее значимости в региональном и локальном измерении. Силовые подходы продолжают играть определяющую роль в провоцировании и эскалации конфликтов. Соответственно сохраняется важное место силы и в разблокировании конфликтов, а также в целом в практике регулирования международных отношений. Россия в полной мере учитывает это как великая держава, ответственная вместе с другими постоянными членами СБ ООН за поддержание международного мира и безопасности, а также как государство, несущее основное бремя миротворчества в СНГ.

В принципиальном плане Россия - за исключение военной силы из арсенала средств мировой политики. В случаях возникновения угрозы безопасности страны и ее граждан, для пресечения актов агрессии и других угроз международному миру и безопасности Россия допускает применение силы в строгом соответствии с Уставом ООН и другими нормами международного права, в том числе в рамках операций по поддержанию и установлению мира.

На будущее основные параметры национального и международного развития определяются в растущей мере социальными и экономическими категориями. Причем главным для места государств в мире оказывается восприимчивость экономики к достижениям науки и техники, в наилучшей степени достигаемая в условиях демократии и рыночных отношений. Жестче, чем когда-либо, именно эти факторы влияют на эффективность вооруженных сил.

Жизненно необходимо, чтобы внешнеполитическая ориентация России исходила не из идеологических установок или потребностей партии, а из фундаментальных общенациональных интересов. Россия должна решительно взять курс на развитие отношений с теми странами, сотрудничество с которыми может стать подспорьем в решении первоочередных задач национального возрождения, прежде всего - с соседями, экономически мощными и технологически развитыми западными государствами и новыми индустриальными странами в различных регионах.

Именно с этой группой государств ее сближает общее понимание основных ценностей мировой цивилизации и общность интересов в ключевых вопросах развития глобальной обстановки, в частности в вопросах поддержания мира и безопасности, содействия успеху российских реформ, обеспечения стабильности в регионах, переживающих посттоталитарное переустройство общества, недопущения глобальных дестабилизирующих эффектов проблем "третьего мира".

Принципиально важно видеть при этом и границы любого сотрудничества. При наличии многих совпадающих интересов подходы к конкретным делам и проблемам могут быть различными и в чем-то даже противоположными. Курс на взаимодействие должен вести к повышению собственного статуса; соглашения по тем или иным вопросам не могут быть самоцелью или тем более "платой" за помощь. Сотрудничество с кем бы то ни было должно развиваться в той мере и в тех формах, которые отвечают собственным долгосрочным интересам России.

Отношения со всеми государствами, избавленные от самодовлеющих идеологических схем, должны строиться с учетом потребностей наших реформ, их значимости для безопасности страны в новых условиях. Сохраняя все, что есть рационального в двусторонних политических, экономических и культурных связях, наполняя их новым, соответствующим нынешним реалиям содержанием, а также развивая отношения со странами, прежде остававшимися за пределами нашей активной политики, Россия обеспечивает свои интересы, обретает большую свободу в выборе внешнеполитических альтернатив. При этом закладываются предпосылки более прочных позиций страны на мировой арене.

ПРИОРИТЕТЫ И ПРИНЦИПЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Смысловым стержнем внешней политики России является примат обеспечения национальных интересов страны. В рамках этой фундаментальной задачи выстраиваются следующие основные приоритеты:

- обеспечение политическими средствами безопасности России во всех измерениях, включая суверенитет, независимость и территориальную целостность, укрепление стабильности по периметру российских границ, в близлежащих регионах и в мире в целом;
- защита прав, свобод, достоинства и благополучия россиян;
- обеспечение благоприятных внешних условий для продвижения демократических реформ в направлении формирования гражданского общества;
- мобилизация финансовой и технической поддержки для создания эффективной рыночной экономики, развития конкурентоспособности российских производителей и обеспечения их интересов на мировых рынках, содействия решению внутренних социальных проблем;
- формирование принципиально новых, равноправных и взаимовыгодных отношений России с участниками СНГ и другими государствами ближнего зарубежья, продолжение стратегического курса на партнерские и союзнические отношения со странами традиционного дальнего зарубежья, наиболее преуспевшими в решении тех задач, которые решает сейчас Россия;
- обеспечение за Россией роли в мировом балансе влияния в многосторонних процессах по регулированию мирового хозяйства и международных отношений, соответствующей статусу великой державы.

Россия отвергает двойные стандарты и всеядность в выборе средств своей политики. Ее внешнеполитические действия строятся строго на основе международного права, приверженности целям и принципам Устава ООН и СБСЕ, включая нерушимость границ и территориальную целостность государств. Границы могут изменяться, в соответствии с международным правом, мирным путем и по договоренности.

Россия априорно не рассматривает ни одно государство ни как враждебное, ни как дружественное, но исходит из стремления строить со всеми максимально добрые и взаимовыгодные отношения, добиваться урегулирования споров и конфликтов политическими средствами.

Оптимальный путь к решению задачи формирования пояса безопасности и добрососедства по периметру своих границ РФ видит во всемерной стабилизации обстановки в околороссийском геополитическом пространстве и создании там зон конструктивного регионального сотрудничества. В этих целях Россия намерена максимально использовать в своей внешней политике возможности связанных с этим пространством в функциональном и географическом отношении внутрироссийских районов.

Россия как государство - продолжатель бывшего СССР осуществляет перешедшие к ней права и обязанности на мировой арене. В консультации с другими участниками СНГ она содействует реализации ими прав и обязательств бывшего СССР в той степени, в которой такие права и обязательства подпадают под их юрисдикцию.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)]